

ЗВЕЗДЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

РОБЕРТ ХАЙНЛАЙН

Зеленые холмы Земли

История будущего. Книга 1

История будущего

Роберт Хайнлайн

**Зеленые холмы Земли.
История будущего. Книга 1**

«Азбука-Аттикус»

1941

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Хайнлайн Р. Э.

Зеленые холмы Земли. История будущего. Книга 1 /
Р. Э. Хайнлайн — «Азбука-Аттикус», 1941 — (История будущего)

ISBN 978-5-389-17130-5

«История будущего» в творчестве писателя занимает особое место. Начатая в конце 1930-х годов с рассказа «Линия жизни» и продолженная впоследствии такими классическими произведениями, как «Человек, который продал Луну», «Зеленые холмы Земли», «Пасынки Вселенной», она охватывает огромный временной интервал в истории освоения космоса, как это представлялось Хайнлайну. В этой его истории героические эпохи сменяются эпохами диктатур, мир оборачивается войной, чтобы вновь обернуться миром, – много чего происходит на пути человека в будущее. Неизменен лишь человек – ищущий, борющийся, побеждающий, сомневающийся, любящий, человечный. В настоящем издании часть переводов выполнена заново, другие даны в новой редакции. В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-17130-5

© Хайнлайн Р. Э., 1941
© Азбука-Аттикус, 1941

Содержание

История будущего	7
Предисловие автора[1][2]	8
Комментарий[9]	10
Линия жизни[16]	11
Комментарий[24]	25
Да будет свет![25]	26
Комментарий[30]	38
Дороги должны катиться[31]	39
Комментарий[33]	66
Взрыв всегда возможен[34][35]	67
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Роберт Хайнлайн

Зеленые холмы Земли.

История будущего. Книга 1

Наши самые безумные мечты о будущем будут бледным слепком по сравнению с тем, что нам еще предстоит. Независимо от того, что нас ждет впереди, – я хотел бы участвовать в этом шоу как можно дольше.

Роберт Э. Хайнлайн

Robert A. Heinlein

THE FUTURE HISTORY, VOLUME 1

Copyright © 2010 by the Robert A. & Virginia Heinlein Prize Trust.

WE ALSO WALK DOGS

Copyright © 1941 by Robert A. Heinlein

Издательство выражает благодарность С. В. Голд (swgold) за активную помощь при подготовке книги.

© С. В. Голд, перевод, 2019

© А. Дмитриев, перевод, 2019

© А. В. Етоев, перевод, 2019

© Н. В. Изосимова, перевод, 2019

© А. И. Корженевский, перевод, 2019

© Г. Л. Корчагин, перевод, 2019

© С. В. Логинов, перевод, 2019

© Т. Ю. Магакян, перевод, 2019

© Ф. Л. Мендельсон (наследник), перевод, 2019

© И. В. Оранский, перевод, 2019

© Ю. Ю. Павлов, перевод, 2019

© К. П. Плешков, перевод, 2019

© И. Г. Почиталин (наследник), перевод, 2019

© Г. С. Усова, перевод, 2019

© Ян Юа, перевод, 2019

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство АЗБУКА®

РОБЕРТ ЭНСОН ХАЙНЛАЙН (1907–1988)

Наряду с Айзеком Азимовым и Артуром Кларком входит в большую тройку писателей-фантастов и носит титул гранд-мастера. Автор знаменитых романов «Двойная звезда», «Звездный десант», «Кукловоды», «Чужак в стране чужой» и многих других, писатель-рекордсмен по числу литературных наград, включая такие престижные, как премия «Хьюго», «Небьюла» и т. д. По опросам, проводимым журналом «Локус» среди читателей, Роберт Хайнлайн признан лучшим писателем-фантастом всех времен и народов.

Уже после первого опубликованного рассказа Хайнлайна признали лучшим среди писателей-фантастов, и он сохранил этот титул до конца жизни.
Айзек Азимов

Что бы ни говорили плохого об идеологии этого автора, его нельзя обвинить в фарисействе, разве только в простодушной наивности.
Станислав Лем

Хайнлайн верил, что фантастический рассказ имеет смысл только в том случае, если его корни уходят в самую настоящую действительность, в то же время проникая в мир воображения. Он был убежден, что выдуманная действительность не может быть опрокинута на читателя в первых же абзацах произведения, а должна проявляться постепенно, прорастая сквозь реальность.
Роберт Сильверберг

История будущего

1-й вариант, начальный (1941); опубликован в «Astounding Science Fiction», май 1941.

ДАТЫ	ИСТОРИИ	ПЕРСОНАЖИ	ТЕХНИЧЕСКИЕ УСПЕХИ	СОЦИОЛОГИЯ	ПРИМЕЧАНИЯ
н. э.	() не рассказанные истории	Пингви		Коллапс Европы	БЕЗУМНЫЕ ГОДЫ
1940	Линия жизни «...И построил он себе скромный домишко»	Тиг			Значительный технический прогресс в этот период сопровождается постепенным упадком нравов, целей и общественных институтов, завершаясь массовым психозом последнего десятилетия и Междоуластием
1950	Да будет свет!	Дуглас Мартин			
1960	(Слово ребром)	Гейнс	Трансатлантические ракетные перелеты	Забастовка 1960 года ЛОЖНЫЙ РАССВЕТ, 1960–1970 Первая ракета на Луну, 1978	
1970	Дороги должны катиться Взрыв всегда возможен	Блейнсон Харпер Эрикссон Кинг Ленц Гарриган Макинтайр Каммингс	Ракетный транспорт между Северным и Южным полушариями	Акт о космической предосторожности Лунные корпорации Гарригана Основание Лун-Сити	За Междоуластием последовал период реконструкции. Финансовые предложения Вурхиса привели к временной экономической стабильности и возможности переориентации. Это закончилось открытием новых рубежей и возвращением к экономике XIX века
1980	Реквием (Под нами огни!)	Скаддер	Солнечные панели Дугласа—Мартин Механизированные дороги Коммерческие ракетные рейсы	ПЕРИОД ИМПЕРСКОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ, 1970–2020 Революция в Литтл-Америке Межпланетные исследования и разработка Американо-австралийский аншлюс	Краткий период межпланетного империализма завершился тремя революциями: в Антарктике, США и на Венере. Космические путешествия прекратились до 2072 года
1990	Логика империи (Звук его крыльев)	Уингейт С. Х. Джонс Кошелек	Взртолеты Межпланетные перелеты	Бактериофаг Транспортные и боевые модули Коммерческая стереооптика	Период малого технического прогресса и ограничения исследований. Крайний пуританизм. Класс священников разрабатывает определенные моменты психодинамики и психоэкономии, психологии масс и контроля над обществом
2000	Затмение	Несомия	Уран-235, искусственные радиоактивные элементы	Религиозная диктатура в США	
2010		Повак Джон Лалл Заб Джонс Мастер Питер Магдалина	Улучшение полетов (Покращение полетов) Ограниченное использование теплоты Развитие субмарины механизмов	Бустерные орудия Синтетическая пища Управление погодой Волновая механика «Барьер»	
2020		Макинин «Лилит» Рубалла Персефона «Доктор»	Возобновление космических полетов Развитие трихотомии и психодинамики Ограниченное использование теплоты Развитие субмарины механизмов	Управление атомными Элементы 93–115 Парастатическая техника	
2030		Линби Максон Рулс Допп	Синтетическая субмарины техника (парастатика)	Стабилизация колондов Исследования симбиоза Долголетие	
2040					
2050					
2060					
2070	«Если это будет продолжаться...»			ПЕРВАЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ, с 2075 года	
2080					
2090	Ковентри				
2100	Неудачник				
2110					
2120	Вселенная: только пролог (Пока не пришли злые дни)				Начало консолидации Солнечной системы. Первая попытка межзвездных исследований
2130					Гражданские беспорядки, за которыми следует конец юности человечества и начало первой зрелой культуры
2140					

Эта «первичная версия» плана «Истории будущего» показывает начальный замысел, адаптированный с учетом раннего романа «Нам, живущим». Обратите внимание, что рассказы, концентрирующиеся вокруг «Зеленых холмов Земли» и посвященные заселению Солнечной системы, в этом плане отсутствуют; они были задуманы и написаны только шесть лет спустя, после Второй мировой войны.

Предисловие автора¹²

*Пророку не стоит излишне конкретизировать.
Л. Спрэг де Камп³*

Произведения и этого, и последующих томов серии не задумывались ни как пророчества, ни как история. Автор будет весьма удивлен, если какое-либо из них окажется достаточно похожим на будущие события, чтобы рассматриваться как успешное прорицание.

Рассказы эти относятся к типу «Что будет, если...», где «если» – основной постулат каждого из них – представляет собой некое возможное изменение внутри человеческой среды, кроющееся в современной технологии или культуре. Некоторые возможности маловероятны, как в «Линии жизни», другие могут быть реализованы почти наверняка, как в рассказах, посвященных межпланетным полетам.

Обнаружив в этом томе таблицу, в которой обрисована псевдоистория ближайшего будущего, вы можете подумать, что я пытаюсь пророчествовать всерьез. Это иллюзия – таблица разрабатывалась последовательно, деталь за деталью, для того, чтобы избежать ошибок по мере добавления новых рассказов. Вначале она представляла собой большую диаграмму на стене моего кабинета, где я время от времени делал пометки карандашом. Эту идею я позаимствовал у мистера Синклера Льюиса⁴, о котором говорят, будто он ведет картотеку, собирает и складывает материалы по папкам, чертит схемы и даже весьма подробные карты выдуманного им штата Уиннемак и его главного города Зенита. Для многих мистер Льюис ухитрился сделать Зенит и его горожан реальнее любого сравнимого с ним по размеру настоящего города на Среднем Западе. Я решил, что метод, выбранный мистером Льюисом, наверняка сгодится и мне, и похитил эту идею. Я рад возможности публично выразить ему свою благодарность.

В 1940 году я показал таблицу Джону В. Кэмпбеллу-младшему⁵, и он настоял на ее публикации. С тех пор я в ней погряз; становилось все труднее избежать искушения добавить в нее очередной рассказ. Для рассказов, совершенно несовместимых с уже принятой мной историей, мне пришлось придумать несколько псевдонимов. Сейчас я уже вряд ли нуждаюсь в этой таблице; воплощенная в ней выдуманная история будущего стала для меня не менее реальной, чем Плимутский камень⁶.

Серия была начата десять лет назад (1939); за прошедшее десятилетие появилось столько же революционных технологий, сколько за весь предшествующий век. Каждый год самые невероятные предвидения писателей-фантастов превращались в обыденные ежедневные газетные новости. На моей схеме можно найти «бустерные орудия», отнесенные на сто лет вперед, однако немцы спроектировали подобные орудия во время Второй мировой войны⁷. Дату пер-

¹ Написано для сборника «Человек, который продал Луну», составившего 1-й том «История будущего» в серии книг Хайнлайна, запланированных издательством «Shasta».

² Перевод Т. Магакяна.

³ Лайон Спрэг де Камп (1907–2000) – американский писатель-фантаст, один из родоначальников жанров фэнтези и альтернативной истории.

⁴ Синклер Льюис (1885–1951) – классик американской литературы, лауреат Нобелевской премии.

⁵ Джон В. Кэмпбелл (1910–1971) – американский писатель и редактор, один из основателей традиций современной НФ-литературы.

⁶ Плимутский камень – скала, около которой, по преданию, в 1620 году высадились американские первопоселенцы.

⁷ Очевидно, Хайнлайн имеет в виду артиллерийские орудия с дополнительными пороховыми зарядами, создававшиеся по проекту «Фау-3».

вого запуска ракеты к Луне схема относит к 1978 году; я совершенно уверен, что 1978 год – дата неверная, но не готов утверждать, что это не произойдет *раньше*⁸.

Характерный пример – рассказ «Взрыв всегда возможен». Он был написан спустя несколько месяцев после того, как первые известия о расщеплении урана достигли нашей страны, задолго до начала «Манхэттенского проекта» (создания атомной бомбы). За несколько месяцев, прошедших между написанием и первым выходом в свет, рассказ устаревал пять раз – настолько быстро развивалась атомная техника. Для соответствия современному уровню науки некоторые места рассказа были вновь пересмотрены; вне всякого сомнения, скоро в отдельных деталях он устареет снова. Но в одном мы можем быть уверены: не устареет основная идея рассказа, ибо атомная энергия во многих аспектах останется фантастически опасной и для отдельных людей, и для общества в целом – и, несмотря на все опасности, люди будут продолжать с ней работать.

Детали могут быть новыми, но пьеса остается все той же. Технологии мчатся вперед, а люди упорно не желают меняться. Недавно я насчитал в одном киоске четырнадцать разных астрологических журналов – и ни одного журнала по астрономии. От Плимутского камня до атомной энергии прошло всего триста лет, но в Соединенных Штатах, стране водопровода и сантехники, по-прежнему больше дворовых сортиров, чем ватерклозетов. И ко дню, когда люди впервые пройдут по безмолвному лику Луны, это отношение вряд ли сильно изменится. Аномалии века энергии куда курьезнее его чудес.

Но все равно это великий и славный век, самый замечательный из всех, какие только видела наша легкомысленная планета. Иногда он комичен, слишком часто трагичен и всегда прекрасен. Наши самые безумные мечты о будущем будут бледным слепком по сравнению с тем, что нам еще предстоит. Независимо от того, что нас ждет впереди, – я хотел бы участвовать в этом шоу как можно дольше.

*Роберт Э. Хайнлайн
Колорадо-Спрингс, штат Колорадо
5 мая 1949 года*

⁸ В этом Хайнлайн не ошибся: как известно, первая высадка людей на Луну произошла в 1969 году.

Комментарий⁹

Для книги «Человек, который продал Луну», первого из запланированных издательством «Shasta»¹⁰ пяти томов с рассказами из «Истории будущего», Хайнлайн написал предисловие, которое было помещено после вступительного слова Джона В. Кэмпбелла. (Вступление Кэмпбелла к «Человеку, который продал Луну» и не менее интересное вступление Каттнера к «Революции 2100 года» не вошли в настоящее издание, они есть только в оригинальном издании «Shasta» и перепечатках.) В предисловии Хайнлайн кратко описывает, как появились опубликованные версии его схематичной таблицы «Истории будущего» (включая переработанную версию, напечатанную на форзацах всех трех книг, изданных «Shasta», и в томе, изданном «Virginia Edition»). Упомянутая им настенная диаграмма была написана от руки в 1939 году, она воспроизведена здесь вместе с вариантом 1941 года, опубликованным в «Astounding»¹¹ и схемой 1950-го¹².

Он также предостерегает от трактовки своих рассказов как неких «пророчеств» – в любом смысле этого слова. В настоящее время в подобных аргументах надобности нет, но в 1950 году научно-фантастические книги вызывали изрядное смущение среди библиотекарей и литературных обозревателей из «мейнстрима», снисходивших до того, чтобы обратить внимание на научную фантастику. Хайнлайн затрагивает эту тему во множестве записок того периода, адресованных библиотекарям и отделам закупок библиотек. Проще было признать, что его вынудили играть роль «профессионального пророка», чем отрицать это и пытаться объяснить разные нюансы. Возможно, эти мысли связаны с участием в сборнике, составленном Ллойдом Артуром Эшбахом¹³, «Of Worlds Beyond» («О мирах за пределами»), в который вошло эссе Хайнлайна 1947 года «On the Writing of Speculative Fiction» («О написании спекулятивной беллетристики»). Даже в 1950-е годы смысл научной фантастики многим людям был темен, и Хайнлайн взял на себя роль Главного Разъяснителя ее Неясных Концепций. К 1980 году эти обсуждения вылились в пересмотренный и расширенный вариант эссе «Камо грядеши?» (изначальный вариант напечатан в 1950 году, вторая редакция вышла в 1965 году), опубликованного в книге «Расширенная Вселенная», но даже в нем Хайнлайн рассматривал скорее методы предсказания, а не прорицательскую роль научной фантастики.

Если сравнить рукопись предисловия с его опубликованным вариантом, можно увидеть, что, например, рассказ «...И построил он себе скрюченный домишко» Хайнлайн считал частью «Истории будущего». Рассказ был выброшен из сборника «Человек, который продал Луну» кем-то (возможно, редактором «Shasta») в промежутке между маем 1949 года, когда Хайнлайн написал свое предисловие, и сдачей книги в печать (точная дата неизвестна, но вышла она год спустя, весной 1950 года) – на том основании, что рассказ имеет лишь косвенное отношение к циклу. Между тем ничего противоречащего миру «Истории будущего» в «Скрюченном домишке» нет (как нет и в рассказе «...А еще мы выгуливаем собак», который появился в «Зеленых холмах Земли»¹⁴ и без препятствий дошел до сборника «Past Through Tomorrow»¹⁵).

⁹ Перевод Т. Магакяна.

¹⁰ «Shasta» – небольшое издательство научной фантастики и фэнтези, действовавшее в Чикаго в 1947–1957 годах.

¹¹ «Astounding» – имеется в виду журнал «Astounding Science Fiction», один из самых авторитетных НФ-журналов в США, главным редактором которого с 1938 года был Джон В. Кэмпбелл-младший.

¹² Рукописная схема 1939 года в данное издание не включена; она была воспроизведена в предисловии Уильяма Патерсона к первой книге «Истории будущего», подготовленной Вирджинией Хайнлайн.

¹³ Ллойд Артур Эшбах (1910–2003) – американский писатель и издатель фантастики.

¹⁴ «Зеленые холмы Земли» («The Green Hills of Earth») – сборник 1951 года.

¹⁵ «Past Through Tomorrow» – сборник, в который вошло большинство произведений из цикла «История будущего» (первое издание – 1967 год).

Линия жизни¹⁶

Рассказ

Председатель стучал молотком по столу, добиваясь тишины. Свист и крики в зале постепенно затихали – по мере того как добровольные блюстители порядка утихомиривали своих наиболее вспыльчивых коллег. Докладчик, стоявший за кафедрой возле председательского стола, казалось, не замечал, что творилось вокруг. Его безучастное, слегка надменное лицо было спокойно. Председатель повернулся к докладчику, в его голосе слышались едва сдерживаемые гнев и раздражение.

– Доктор Пинеро, – сказал он, выделив голосом первое слово, – я вынужден извиниться перед вами за недопустимое поведение аудитории во время вашего сообщения. Поражаюсь, как мои коллеги могли настолько забыть о достоинстве, присущем людям науки, и позволить себе прерывать докладчика – независимо от того, насколько... – он сделал паузу и пожевал губами, – насколько веским был повод для подобного поведения.

Пинеро ответил ему улыбкой, которую легко можно было бы счесть откровенно оскорбительной. Председатель опять сдержался и продолжал с видимым усилием:

– Мне хотелось бы, чтобы программа сегодняшнего заседания завершилась на достойной ноте и в соответствии с регламентом. Поэтому я хочу, чтобы вы закончили свое сообщение. В то же время я вынужден вас попросить воздержаться от осквернения наших умов идеями, ложность которых самоочевидна для всякого образованного человека. Будьте любезны ограничиться сообщением о своем открытии, если таковое действительно существует.

– Но как же я смогу донести до вас новую идею, не очистив предварительно ваши мозги от старых заблуждений? – Пинеро театрально воздел свои пухлые белые руки.

Аудитория вновь ожила и глухо зароптала. Из задних рядов кто-то выкрикнул:

– Гнать этого шарлатана! Довольно!

Председатель опять постучал молотком:

– Джентльмены! Прощу вас! – и обратился к Пинеро: – Должен ли я напомнить, что вы не являетесь членом данного сообщества и вас сюда никто не приглашал?

Пинеро удивленно приподнял брови:

– Да ну? Помнится, я держал в руках некое приглашение на бланке Академии...

– Верно. – Председатель снова пожевал губами. – Я сам направил вам это приглашение. Но исключительно уступая желаниям одного из наших попечителей, прекрасного человека, проникнутого искренней заботой о благе общества, но отнюдь не ученого, не члена Академии.

Пинеро улыбнулся – все той же раздражающей улыбкой:

– Вот как? Мне следовало бы догадаться... Старина Бидуэлл, не правда ли? «Смешанное страхование жизни»? Конечно же, он жаждет, чтобы его дрессированные тюлени выставили меня шарлатаном. Ведь если я смогу назвать человеку день его смерти, никто не будет покупать у Бидуэлла его прекрасные полисы. Только как же вы разоблачите меня, если не хотите даже выслушать? Впрочем, весьма сомнительно, что у вас хватит ума понять меня, поэтому Бидуэлл, похоже, натравил шакалов на льва.

И Пинеро демонстративно повернулся к залу спиной. Ропот в зале все нарастал, в нем послышались угрожающие ноты. Председатель тщетно призывал к порядку. В первом ряду поднялась фигура:

– Господин председатель!

Председатель решил не упускать шанса и прокричал:

¹⁶ Перевод А. Дмитриева.

– Джентльмены! Слово предоставляется доктору Ван Рейнсмиту!
Волнение в зале утихло.

Доктор откашлялся, поправил свою роскошную белокурую прическу и засунул руку в карман элегантных брюк, приняв обычный для него вид непременного участника заседаний дамских благотворительных обществ.

– Господин председатель, господа члены Академии наук, призываю вас проявить терпимость. Даже убийца имеет право на последнее слово, перед тем как суд огласит приговор. Так можем ли мы поступить иначе? И пусть кто-то из вас уже вынес в уме свой вердикт, лично я готов проявить к доктору Пинеро то же внимание, с каким наше высокое собрание отнеслось бы к любому коллеге, не являющемуся членом нашего сообщества, даже в том случае, – он отвесил доктору Пинеро легкий поклон, – если нам неизвестен университет, присвоивший ему ученую степень¹⁷. Если то, что докладчик собирается нам сказать, неверно, – чем это может нам повредить? Если же его идеи верны, нам следует знать их. – Его мягкий, хорошо поставленный голос лился, умиротворяя и успокаивая. – Если манеры досточтимого доктора не отличаются, на наш взгляд, чрезмерным изяществом, мы должны понимать, что уважаемый докладчик мог прибыть из тех мест или представлять тот круг общества, где подобным пустякам не придают особого значения. Наш добрый друг и спонсор попросил нас выслушать этого человека и по достоинству оценить его изобретение. Так давайте же соблюдать объективность и приличия.

Доктор Ван Рейнсмиту сел под аплодисменты, удовлетворенный тем, что вновь укрепил свою репутацию интеллектуального лидера. Завтрашние газеты не преминут отметить здравый смысл и личное обаяние «самого красивого в Америке президента университета». И кто знает, не раскошелится ли наконец старик Бидуэлл на постройку университетского плавательного бассейна?..

Когда аплодисменты стихли, председатель повернулся туда, где стоял, сложив руки на круглом брюшке, безмятежный возмутитель спокойствия.

– Вы продолжите, доктор Пинеро?

– Зачем?

Председатель пожал плечами:

– Вы для этого и пришли.

Пинеро оживился:

– Верно. Очень даже верно. Но было ли это разумно – приходить сюда? Найдется ли здесь хоть один человек, способный взглянуть в лицо голым фактам и не покраснеть? Полагаю, что нет. Даже этот столь великолепный джентльмен, убедительно рекомендовавший вам выслушать меня, даже он уже осудил меня в душе и вынес окончательный приговор. Он искал порядка, а не истины. Но если истина бросает вызов порядку – примет ли он истину? А вы все – примете? Тем не менее, если я не стану продолжать, вы припишете победу себе. И маленький человек с улицы посчитает, что вы, маленькие человечки, изобличили меня, Пинеро, как мошенника и шарлатана. Это меня не устраивает. Я буду говорить.

Еще раз поясню свое открытие. Попросту говоря, я нашел метод, позволяющий определить продолжительность человеческой жизни. Я могу авансом предъявить вам счет Ангела Смерти. Я могу сказать, когда Черный Верблюд преклонит колени у ваших дверей¹⁸. За пять минут с помощью своего аппарата я могу узнать, сколько песчинок осталось в часах, отмеряющих вашу жизнь.

¹⁷ На Западе правом присвоить ученую степень обладает любой университет, поэтому одна и та же степень может оказаться почетной, будь она присуждена престижным учебным заведением, и не вызвать ни малейшего уважения, если ее присудил малоизвестный университет.

¹⁸ В исламской традиции Черный Верблюд соответствует христианскому Ангелу Смерти, он увозит души умерших. Но в Коране о нем не упоминается, так как он порождение народных верований.

Он замолк, скрестив руки на груди. Несколько мгновений в зале царила тишина, потом начал нарастать беспокойный гул.

– Вы ведь не закончили, доктор Пинеро? – спросил наконец председатель.

– А что еще говорить?

– Вы не рассказали, как именно вы этого добиваетесь.

Брови доктора Пинеро взлетели вверх.

– Вы думаете, я доверю плоды трудов своих детям, которые будут забавляться ими? Это весьма опасное знание, друг мой. И я храню его для единственного человека, который понимает это, – он похлопал себя по груди, – для самого себя.

– Но как мы узнаем, что у вас есть что-то, кроме ваших нелепых претензий?

– Очень просто. Вы образуете комиссию, которая будет присутствовать при демонстрации изобретения. Если мой метод сработает – прекрасно, вы примете его и объявите об этом всему миру. Если же нет – я буду дискредитирован и принесу вам извинения. Я, Пинеро, извинюсь перед вами!

В задних рядах поднялся тощий сутулый человек. Председатель дал ему слово, и тот заявил:

– Господин председатель, как может уважаемый доктор предлагать нам такое? Неужели он рассчитывает, что мы двадцать или тридцать лет будем ждать чьей-то смерти, чтобы убедиться в обоснованности его предсказаний?

Пинеро ответил, не дожидаясь разрешения председателя:

– Фи! Что за чепуха! Неужели вы настолько невежественны в статистике, что не знаете: в любой достаточно большой группе найдется по крайней мере один человек, которому предстоит умереть в ближайшем будущем? У меня есть предложение: позвольте мне обследовать всех присутствующих в этом зале, и я назову человека, который умрет в течение двух недель, назову день и час его смерти. – Он свирепо оглядел аудиторию. – Вы согласны?

Следующим поднялся толстый мужчина. Он заговорил ровным, размеренным голосом:

– Что до меня, то я не могу одобрить подобного эксперимента. Как врач, я с сожалением отмечаю явные признаки серьезных сердечных заболеваний у многих из наших старших коллег. Если доктор Пинеро также знает эти симптомы, что вполне возможно, и если он изберет свою жертву из их числа, названный им человек может умереть к назначенному сроку независимо от того, работает машинка нашего выдающегося докладчика или нет.

Его тут же поддержал другой оратор:

– Доктор Шепард прав. Зачем тратить время на эти шаманские трюки? Я убежден, что субъект, именующий себя *доктором* Пинеро, хочет использовать нас, чтобы придать вес своим заявлениям. Участвуя в этом фарсе, мы играем ему на руку. Не знаю, что он задумал, но мы ему нужны для рекламы его аферы. И потому я предлагаю, господин председатель, перейти к следующему пункту нашей повестки.

Предложение было встречено одобрительным шумом, но Пинеро и не думал сдаваться. Сквозь возгласы: «К порядку! К порядку!» – он, потрясая своей неопрятной гривой, кричал:

– Варвары! Дегенераты! Бестолочи! Ваша порода мешала признанию всех великих открытий, с начала времен! Из-за вашей компании невежд Галилей переворачивается в гробу! Вон тот жирный дурак, играющий клубным значком, называет себя врачом. «Знахарь» – было бы точнее! А тот лысый коротышка, – да-да, вы! – вы называете себя философом и несете чушь о времени и жизни в чистых категориях. Что вы знаете о жизни? О времени? Как вы можете надеяться понять их, если не хотите познать истину, когда вам выпал шанс? Ха! – Он плюнул на пол. – И вы называетесь Академией наук! Да вы сборище гробовщиков, бальзамирующих идеи своих энергичных предшественников!

Он остановился, чтобы набрать в грудь воздуха, и в этот момент его взяли с двух сторон под руки и уволокли за кулисы. Из-за стола прессы поспешно поднялись несколько репортеров и последовали за ним. Председатель объявил перерыв в заседании.

Газетчики перехватили Пинеро у служебного выхода, когда он шагал легкой, пружинящей походкой, насвистывая какой-то легкомысленный мотив. В нем не было и следа воинственности, которую он демонстрировал минуту назад. Репортеры окружили его:

- Как насчет интервью, док?
- Ваши взгляды на современное образование?
- Ну и выпали же вы им! Что вы думаете о жизни после смерти?
- Снимите шляпу, док, сейчас вылетит птичка!

Он улыбнулся всем сразу:

– По одному, ребята, и не так быстро. Я сам был газетчиком. Как насчет того, чтобы заглянуть ко мне? Там и поговорим.

Уже через несколько минут они пытались отыскать себе место в неприбранной комнате, служившей Пинеро и гостиной, и спальней; кое-как рассевшись, все задымили его сигарами. Пинеро одарил гостей лучезарной улыбкой:

- Что будем пить, ребята? Скотч, бурбон?

Управившись с напитками, он приступил к делу:

- Итак, ребята, что вас интересует?
- Выкладываете начистоту, док, есть у вас что-то или нет?
- Кое-что есть, мой юный друг, несомненно, есть.

– Вот и расскажите, как оно работает. Та чушь, которую вы втирали профессорам, с нами не пройдет.

– Ну-ну, мой дорогой друг. Это мое изобретение. И я хочу с его помощью немного подзаработать. Что же вы думаете, я все выложу первому встречному?

– Послушайте, док, если вы хотите попасть в утренние газеты, вы должны дать нам хоть что-то, за что можно было бы уцепиться. Чем вы пользуетесь? Магическим кристаллом?

- Не совсем. Впрочем, не хотите ли взглянуть на мой аппарат?
- Охотно! Это уже деловой разговор.

Пинеро проводил их в соседнюю комнату и махнул рукой:

- Вот он, ребята.

Представшее их взорам нагромождение аппаратуры отдаленно напоминало оборудование рентгеновского кабинета. Но с первого взгляда можно было сказать лишь, что использовалась здесь электроэнергия, а некоторые шкалы имели знакомую градуировку; обо всем остальном судить было невозможно – даже о назначении установки.

- На каком принципе эта штуковина работает, док?

Пинеро поджал губы и задумался.

– Вы все, несомненно, знаете, что жизнь имеет электрическую природу. Это трюизм. Он, конечно, гроша ломаного не стоит, но поможет вам понять принцип. Вы также слышали, вероятно, что время – это четвертое измерение. Не важно, верите вы в это или нет. Об этом твердили на каждом углу, и в итоге тезис потерял всякий смысл, превратившись в штамп, которым болтуны пытаются поразить воображение болванов. Но попробуйте сейчас мысленно представить себе это, попытайтесь ощутить эмоционально. – Он подошел к одному из репортеров. – Возьмем, например, вас. Вас зовут Роджерс, не правда ли? Очень хорошо, Роджерс. Так вот, вы являетесь пространственно-временным объектом, имеющим протяженность в четырех измерениях. Вы почти шесть футов в высоту, около двадцати дюймов в ширину и дюймов десять в глубину. За вами тянется во времени остальная часть пространственно-временного объекта, заканчиваясь примерно в тысяча девятьсот шестнадцатом году. А то, что мы видим сейчас, – поперечный срез этого объекта, сделанный перпендикулярно временной оси и раз-

мерами соответствующий текущему моменту. На одном конце объекта – младенец, пахнущий кислым молоком и срыгивающий завтрак на слюнявчик. На другом конце, возможно где-то в восьмидесятых, – старик. Представьте себе этот пространственно-временной объект, именуемый Роджерсом, в виде длинного розового червя, протянувшегося сквозь годы: один его конец во чреве матери, а другой – в могиле. Он тянется здесь, мимо нас, и его поперечное сечение кажется нам одним обособленным телом. Но это иллюзия: существует лишь физическая непрерывность розового червя, тянущегося сквозь годы. С этой точки зрения существует и физическая непрерывность вида в целом, ибо одни розовые черви ответвляются от других; в этом смысле вид похож на виноградную лозу, плети которой переплетаются и дают все новые побеги. И наблюдая перед собой лишь поперечные сечения лозы, мы пребываем в заблуждении, считая ростки отдельными личностями.

Он остановился и оглядел репортеров. Один из них, мрачноватый парень с упрямой физиономией, поинтересовался:

– Все это прекрасно, Пинеро, если, конечно, правда! Но что же дальше?

Пинеро одарил его всепрощающей улыбкой:

– Терпение, друг мой. Я просил вас представить себе жизнь как явление электрическое.

Вот и подумайте о нашем длинном розовом черве как об электрическом проводнике. Вы, возможно, слышали, что инженеры-электрики с помощью специальных приборов могут с берега определить место обрыва трансатлантического кабеля? Вот и я делаю то же самое с нашими розовыми червяками. Подключая определенным образом свои приборы к находящемуся здесь, в этой комнате, поперечному сечению, я могу предсказать, где произойдет обрыв, иначе говоря – когда наступит смерть. А если хотите, я могу переменить знаки в соединении цепей и назвать точную дату вашего рождения. Однако это неинтересно – вы и так ее знаете.

Мрачный репортер ухмыльнулся:

– Вот вы и попались, док! Если то, что вы говорили о виде как о лозе из розовых червей, правда, то вы не сможете назвать дату рождения, потому что связь с видом при рождении не прерывается. Ваш электрический проводник проходит через мать и ведет к самым ранним предкам человека.

Пинеро расцвел:

– Абсолютно точно, друг мой, и очень разумно. Но вы слишком буквально поняли метафору. Мои измерения производятся все-таки не так, как лоцируется длина электрического проводника. В каком-то смысле моя работа похожа на измерение протяженности длинного коридора при помощи эхолокатора. В момент рождения коридор делает характерный поворот, и, правильно настроив свои приборы, я могу уловить эхо, отраженное этим поворотом. Есть лишь один случай, когда я не могу получить надежного результата: невозможно отделить линию жизни женщины от линии еще не родившегося ребенка, которого она носит во чреве.

– Ну а теперь покажите, как это делается!

– С удовольствием, дорогой мой. Вы согласны подвергнуться проверке?

– Ага! – сказал один из репортеров. – Он поймал тебя на слове, Люк. Соглашайся или заткнись.

– Я в игре. Что мне делать?

– Прежде всего напишите на листке дату вашего рождения и передайте кому-нибудь из коллег.

Люк выполнил указание.

– И что теперь?

– Снимите верхнюю одежду и встаньте на эти весы. Скажите, вы когда-нибудь резко худели? Толстели? Сколько вы весили при рождении? Десять фунтов? Отличный крепкий мальчик. Теперь таких крепышей уже не бывает.

– К чему вся эта болтовня?

– Я стараюсь приблизительно оценить среднее поперечное сечение вашего длинного розового проводника, дорогой мой Люк. А теперь – не хотите ли сесть вот сюда? Этот электрод возьмите в рот. Током вас не ударит, не беспокойтесь, напряжение очень низкое, меньше одного микровольта, а мне нужен хороший контакт.

Доктор отошел от Люка и направился к аппарату. Прежде чем взяться за рукоятки управления, он опустил над собой защитный козырек. Некоторые из оставшихся открытыми циферблатов ожили, машина басовито загудела. Потом гудение смолкло, и Пинеро из своего укрытия объявил:

– У меня получился один из дней февраля двенадцатого года. У кого листок с датой?

Листок был извлечен на свет и развернут. Державший его прочел:

– Двадцать второе февраля тысяча девятьсот двенадцатого года.

В наступившей тишине откуда-то сбоку прозвучал голос:

– Док, могу я выпить еще виски?

Напряжение спало, все заговорили наперебой:

– Проверьте меня, док!

– Сначала меня. Я сирота и хочу знать...

– И правда, док, устройте нам небольшое показательное шоу!

Пинеро, беспрестанно улыбаясь, исполнял все просьбы, ныряя под козырек, словно суслик в норку. Когда у каждого оказалось в руках по два листка, подтверждающих безошибочность ответов доктора, наступило долгое молчание, прерванное Люком:

– Как насчет предсказания дня смерти, Пинеро? Может, покажете нам и это?

– Как угодно. Кто хочет попробовать?

Ответа не последовало. Кое-кто стал выталкивать вперед Люка:

– Ну-ка, ну-ка, умник, давай. Сам ведь напросился.

Тот дал усадить себя в кресло. Пинеро щелкнул несколькими переключателями, потом нырнул под накидку. Когда гудение смолкло, он вновь предстал перед репортерами, довольно потирая руки:

– Ну вот и все, что я хотел вам продемонстрировать, ребята. Хватит вам для репортажа?

– Эй, а где же предсказание? Когда Люк получит свою «тридцатку»?¹⁹

– Да, как насчет этого? – поддержал Люк. – Каков результат?

Пинеро сморщился, словно от боли:

– Джентльмены, вы меня удивляете! Я не раздаю эту информацию бесплатно. И никогда не сообщаю ее никому, кроме клиента, который у меня консультируется.

– Я не против, док. Давайте скажите им!

– Мне очень жаль, но я действительно должен отказаться. Я согласился продемонстрировать вам работу своего аппарата, а не оглашать результат.

Люк затоптал окурки:

– Сплошное надувательство, ребята. Он, похоже, вызнал возраст каждого репортера в городе, чтобы подготовиться к нашей встрече. Это не стоит и стертого медяка, Пинеро!

Пинеро печально посмотрел на него:

– Вы женаты, друг мой?

– Нет.

– Есть у вас кто-нибудь на иждивении? Или близкие родственники?

– Нет, а что случилось? Вы хотите меня усыновить?

Пинеро грустно покачал головой:

¹⁹ Выражение обязано своим происхождением телеграфу; тремя иксами или римской цифрой «тридцать» телеграфисты обозначали окончание сообщения. Газетчики, подхватившие у них эту привычку, стали ставить значок в конце статьи, откуда пошли три разделяющие абзацы звездочки. Позже стало эвфемизмом понятия «смерть».

– Мне искренне жаль вас, дорогой мой Люк. Вы не доживете до завтрашнего дня.

«УЧЕНОЕ СОБРАНИЕ ОБОРАЧИВАЕТСЯ СКАНДАЛОМ»
«УЧЕНЫЙ-ЗУБРИЛКА РАЗДАЕТ ПРЕДСКАЗАНИЯ»
«КОМПОСТЕР СМЕРТИ НА ВАШИХ ТАБЕЛЬНЫХ ЧАСАХ»
«ЖУРНАЛИСТ УМИРАЕТ, КАК ДОКТОР ПРОПИСАЛ»
«„МОШЕННИЧЕСТВО“, – УТВЕРЖДАЕТ УЧЕНЫЙ СОВЕТ»

«... Через двадцать минут после необыкновенного предсказания Пинеро репортер Тиммонс, шедший по Бродвею к офису „Дейли геральд“, где он работал, был сбит с ног упавшей вывеской и скончался.

Доктор Пинеро отказался комментировать происшедшее, но подтвердил, что предсказал смерть Тиммонса при помощи своего так называемого хроновитаметра. Начальник полиции Рой...»

Вас беспокоит БУДУЩЕЕ???

Не тратьте деньги на гадалок – обращайтесь к доктору Хьюго Пинеро, биоконсультанту. С помощью непогрешимых методов науки он поможет Вам спланировать Ваше будущее.

Никакого мошенничества.

Никаких «посланий духов».

Наши предсказания обеспечены обязательством на 10 000\$.

Проспекты высылаются по требованию.

ПЕСКИ ВРЕМЕН, инкорпорейтед.

Мажестик-билдинг, № 700 (на правах рекламы)

Официальное уведомление

Выражаю свое почтение всем, к кому относится нижеследующее: я, Джон Кэбот Уинтроп III, совладелец адвокатской конторы «Уинтроп, Уинтроп, Дитмерс и Уинтроп», подтверждаю, что Хьюго Пинеро, житель этого города, передал мне десять тысяч долларов в подлинных банкнотах Соединенных Штатов и поручил поместить их на хранение в выбранный мною банк со следующими инструкциями:

Вся указанная сумма является залоговой и должна быть немедленно выплачена первому клиенту Хьюго Пинеро и/или «Пески времен, инкорпорейтед», фактическая продолжительность жизни которого превысит предсказанную Хьюго Пинеро на один процент, или наследникам первого клиента, который не доживет до предсказанного возраста на ту же величину, в зависимости от того, какое событие произойдет раньше.

Я подтверждаю далее, что сегодня поместил указанную залоговую сумму вместе с вышеупомянутыми инструкциями в Первый независимый национальный банк этого города.

Подписано и заверено:

Джон Кэбот Уинтроп III

Подписано и заверено в моем присутствии во 2-й день апреля 1951 года.

Альберт М. Свенсон,

нотариус графства и штата.

Мои полномочия действительны до 17 июня 1951 года

«Добрый вечер, уважаемые радиослушатели! Экстренное сообщение! Хьюго Пинеро, Маг и Волшебник из Ниоткуда, сделал свое тысячное предсказание дня смерти, и пока еще никто не потребовал с него залоговую сумму, которую он обещал выплатить любому, кто поймает его на ошибке. Учитывая, что уже тринадцать его клиентов мертвы, можно считать математически доказанным, что у него есть личный канал связи с офисом старухи с косой. Что до меня, то это одна из тех новостей, которые я не хочу узнавать до того, как все произойдет. И потому ваш корреспондент, освещающий события по стране, никогда не станет клиентом пророка Пинеро...»

Баритон судьи холодным ветром ворвался в спертый воздух зала суда:

– Будьте любезны, мистер Уимс, давайте вернемся к нашим баранам. Суд удовлетворил вашу просьбу о временном прекращении деятельности ответчика, а теперь вы просите, чтобы это ограничение стало постоянным. Доктор Пинеро счел ваши аргументы недостаточно вескими и попросил, чтобы судебный запрет был отменен, а также чтобы я обязал вашего клиента оставить попытки вмешиваться в то, что Пинеро именует обыкновенным законным бизнесом. Поскольку вы обращаетесь не к присяжным, будьте любезны оставить риторiku и объяснить мне простым языком, почему я не могу удовлетворить его просьбу.

Мистер Уимс нервно дернул головой, проведя своим дряблым серым вторым подбородком по кромке высокого воротничка, и продолжил:

– С позволения высокого суда я представляю здесь общественность...

– Минуточку. Мне казалось, что вы выступаете от имени «Смешанного страхования жизни»...

– Формально – да, ваша честь. Но я представляю также и несколько других основных страховых, фидуциарных²⁰ и финансовых учреждений, а значит, их акционерами и держателями полисов является большинство наших граждан. Кроме того, мы считаем, что защищаем интересы всего населения – неорганизованного, безмолвствующего и не защищенного иным образом.

– Мне казалось, что интересы общественности представляю здесь я, – сухо заметил судья. – Боюсь, что должен буду рассматривать вас как представителя вашего официального клиента. Но продолжайте; каковы ваши доводы?

Пожилой барристер²¹ безуспешно попытался проглотить кадык и продолжил:

– Ваша честь, мы утверждаем, что существуют две независимых причины, требующие превратить этот запрет в постоянный; больше того, любой из этих причин по отдельности было бы достаточно. Во-первых, этот человек занимается пророчеством, то есть деятельностью, запрещенной как общим законом, так и специальным юридическим актом. Он – обыкновенный прорицатель, мошенник и шарлатан, наживающийся на доверчивости публики. Он гораздо умнее обычной цыганки, предсказывающей судьбу по руке, астролога или медиума, и потому более опасен. Он обманывает, ссылаясь на современные научные методы, чтобы придать убедительность своему волхованию. Мы пригласили в суд ведущих представителей Академии наук, которые со знанием дела могут засвидетельствовать нелепость его притязаний.

Во-вторых, даже если притязания этого человека справедливы – допустим ради дискуссии такое абсурдное предположение, – мистер Уимс позволил своим тонким губам растянуться в чуть заметной усмешке, – мы утверждаем, что его деятельность противозаконна, противо-

²⁰ То есть основанных на доверии. К фидуциарным обществам относятся общества взаимного кредита, взаимного страхования, товарищества на доверии и др.

²¹ Адвокат высшего ранга, имеющий право выступать во всех судах (уголовном, гражданском, морском и т. д.).

речит общественным интересам вообще и наносит ущерб моим клиентам в частности. Мы готовы привести многочисленные юридически формальные доказательства того, что этот человек опубликовал или дал повод к публикации различных высказываний, убеждающих публику обходиться без необходимых преимуществ страхования жизни, нанося тем самым серьезный ущерб как ее благополучию, так и финансовому положению моего клиента.

Пинеро встал со своего места:

– Ваша честь, могу я сказать несколько слов?

– Что именно?

– Я считаю, что могу упростить ситуацию, если мне позволят провести короткий анализ.

– Ваша честь, – прервал его Уимс, – это абсолютно противоречит правилам.

– Терпение, мистер Уимс. Ваши интересы будут соблюдены. По-моему, в этом деле нам нужно больше ясности и меньше шума. Если доктор Пинеро в состоянии сократить процедуру, выступив на этой стадии, я склонен разрешить ему это. Продолжайте, доктор Пинеро.

– Благодарю, ваша честь. Прежде всего, рассмотрев последнее утверждение мистера Уимса, я готов признать, что опубликовал те высказывания, о которых он говорил...

– Минуточку, доктор. Вы решили сами выступать в качестве своего адвоката? Вы уверены, что способны защитить свои интересы?

– Я готов рискнуть, ваша честь. Наши друзья смогут легко доказать лишь то, что я и сам готов признать.

– Отлично. Можете продолжать.

– Я признаю, что многие аннулировали страховые полисы вследствие моей деятельности, но мои оппоненты не смогут доказать, что понесли в результате какие-либо убытки или потерпели ущерб. Я признаю, что «Смешанному страхованию жизни» в результате моей деятельности причинен ущерб, но ведь это – естественное следствие моего открытия, которое сделало полисы столь же устаревшими, как лук и стрелы. Если на таком основании можно налагать запрет, то я создам фабрику керосиновых ламп, а потом обращусь в суд с просьбой наложить запрет на деятельность компаний «Эдисон» и «Дженерал электрик» и отказать им в праве производить лампы накаливания.

Я признаю, что занимаюсь предсказанием смертей, но отрицаю, что практикую магию черного, белого или радужного цвета. Если предвидение при помощи точных научных методов является противозаконным, то служащие «Смешанного» занимаются противозаконным бизнесом многие годы, поскольку заранее рассчитывают точный процент тех, кто умрет в течение года из любой данной большой группы населения. Я предсказываю смерть в розницу, «Смешанное» предрекает ее оптом. Если их действия законны, как могут быть незаконными мои?

Согласен, многое зависит от того, могу ли я в действительности делать то, на что претендую. Так называемые эксперты из Академии наук будут свидетельствовать, что нет. Но они ничего не знают о моем методе и потому не в состоянии дать обоснованное заключение о его сути...

– Минуточку, доктор. Мистер Уимс, правда ли, что ваши эксперты не знакомы с теорией доктора Пинеро и его методами?

Мистер Уимс выглядел обеспокоенным. Побарабанив пальцами по столу, он сказал:

– Позволит ли мне суд несколько минут посоветоваться с клиентами?

– Разумеется.

Мистер Уимс торопливо пошептался со своей командой, потом повернулся к судье:

– У нас есть предложение, ваша честь. Если доктор Пинеро объяснит сейчас теорию и практику своего так называемого метода, эти выдающиеся ученые смогут изложить суду свое мнение о степени обоснованности его претензий.

Судья обратил к Пинеро вопрошающий взгляд.

– Добровольно я на это не пойду, – ответил Пинеро. – Справедлива моя теория или нет, но, попав в руки мошенников и невежд, она может стать опасной. – Он сделал жест в сторону группы профессоров, сидящих в первом ряду, помолчал и зло усмехнулся: – И они сами это прекрасно знают. Кроме того, нет никакой нужды понимать процесс, чтобы убедиться в его результативности. Разве есть нужда постигать сокровенное таинство биологического воспроизводства, чтобы прийти к выводу, что курица несет яйца? Разве я обязан переучивать всю эту компанию людей, самозванно назначивших себя хранителями мудрости, избавлять их от врожденных суеверий, чтобы доказать, что мои предсказания верны? В науке существуют лишь два метода формирования мнения: эмпирический и схоластический. Человек может либо судить по результатам эксперимента, либо слепо поверить авторитету. Для научно ориентированного ума экспериментальное доказательство является самым главным, теория для него – лишь удобное средство для описания явления. Когда теория перестает соответствовать фактам, ее отправляют на свалку. Для академического ума авторитет абсолютен, и на свалку отправляются факты, если они перестают соответствовать теории, выдвинутой авторитетом.

Именно такова точка зрения академических умов, как устрицы приросших к отжившим теориям, – всегда препятствовать развитию знания. Я готов экспериментально доказать действенность моего метода; как Галилей на суде, я утверждаю: «И все-таки она вертится!»

Однажды я уже предлагал этим самозванным экспертам провести такой эксперимент, но они отказались. Я вновь возвращаюсь к своему предложению: позвольте мне измерить продолжительность жизни членов Академии наук. Пусть они сформируют комитет для рассмотрения результатов. Я запечатаю свои данные в два комплекта конвертов: в одном комплекте на каждом конверте будет написано имя академика, а внутри – дата его смерти. На других конвертах я помещу даты, а внутрь вложу имена. Пусть комитет положит конверты в сейф и затем собирается время от времени, чтобы вскрыть надлежащие конверты. В такой большой группе людей, если верить актуариям²² «Смешанного», каждые одну-две недели кто-нибудь да умирает. Таким образом они быстро накопят данные, чтобы установить, лжет Пинеро или нет.

Он замолчал и выпятил впалую грудь настолько, что она почти сравнялась с его круглым брюшком. Он свирепо взглянул на вспотевших от волнения ученых мужей:

– Ну так как же?

Судья поднял брови и посмотрел в глаза мистеру Уимсу:

– Вы принимаете?

– Ваша честь, я считаю предложение совершенно неуместным...

Судья оборвал его:

– Предупреждаю, что вынесу постановление не в вашу пользу, если вы не примете этого предложения или сами не предложите столь же разумного способа установления истины.

Уимс открыл было рот, потом передумал, взглянул на свидетелей-академиков и повернулся к судье:

– Мы принимаем, ваша честь.

– Прекрасно. О деталях договоритесь между собой. Временный запрет отменяется, никто не вправе препятствовать доктору Пинеро заниматься своим бизнесом. Решение по иску о постоянном запрете откладывается с последующим возвратом к делу после сбора необходимых данных. Прежде чем покончить с этим делом, я хотел бы прокомментировать теорию, на которой вы, мистер Уимс, косвенно основывали свое заявление об ущербе, причиненном вашему клиенту. В умах определенных общественных групп в этой стране утвердилось представление, что, если человек или корпорация в течение ряда лет каким-либо образом зарабатывают на гражданах, правительство и суды обязаны гарантировать им этот заработок в будущем, даже при изменении обстоятельств и вопреки общественным интересам. Эта странная

²² То есть специалистам по технике страхования, занимающимся расчетами страховых взносов, премий и т. д.

доктрина не подкрепляется ни юридическими установками, ни законом. Ни человек, ни корпорация не имеют никакого права обращаться в суд с просьбой ради их частной выгоды остановить или повернуть вспять ход истории. Это все.

* * *

Бидуэлл недовольно проворчал:

– Уимс, если вы не придумаете ничего лучшего, «Смешанному» придется подыскать себе нового юрисконсульта. Вот уже десять недель, как вы проиграли дело, этот сморчок гребет деньги лопатой, а все страховые компании в стране на грани краха. Хосткинс, как у нас обстоит с потерями?

– Трудно сказать, мистер Бидуэлл. Дело с каждым днем идет все хуже. На этой неделе мы выплатили по тринадцати большим полисам; все они были выписаны после того, как Пинеро возобновил свои сеансы.

В разговор включился маленький худощавый человек:

– Я думаю, Бидуэлл, мы в «Объединенном» не должны принимать никаких новых заявок от клиентов, пока не убедимся в том, что они не консультировались у Пинеро. Разве мы не можем подождать, пока эти ученые разоблачат его?

Бидуэлл фыркнул:

– Ты, чертов оптимист! Они не разоблачат его, Олдрич, неужели ты не можешь взглянуть в лицо фактам? У этого маленького пузыря что-то есть, хоть я и не понимаю что. Нам предстоит борьба до конца. Если мы будем ждать, мы обречены. – Он швырнул сигару в пепельницу и свирепо откусил кончик новой. – Убирайтесь отсюда, все вы! Я займусь этим сам. И ты тоже, Олдрич. «Объединенное» может ждать, но «Смешанное» ждать не будет.

Уимс нерешительно прочистил горло:

– Мистер Бидуэлл, надеюсь, вы проконсультируетесь со мной, прежде чем предпринять какое-нибудь серьезное изменение в политике?

Бидуэлл хмыкнул. Участники совещания потянулись к двери. Когда все вышли и дверь за ними закрылась, Бидуэлл нажал клавишу селектора:

– О'кей, пошли его ко мне.

Дверь открылась; худощавый юркий человечек на мгновение задержался на пороге. Прежде чем войти, он быстро obeжал кабинет взглядом маленьких темных глаз, потом торопливым мягким шагом подошел к Бидуэллу и обратился к нему бесцветным монотонным голосом. Лицо его оставалось бесстрастным, за исключением подвижных звериных глазок.

– Вы хотели поговорить со мной?

– Да.

– О чем?

– Садись, потолкуем.

* * *

Пинеро встретил юную чету у дверей кабинета:

– Входите, дорогие мои, входите. Присаживайтесь, будьте как дома. А теперь скажите мне, что вы хотите услышать от Пинеро? Несомненно, столь молодые люди не должны особенно задумываться о последней перекличке?

На открытом лице юноши отразилось легкое замешательство.

– Ну, видите ли, доктор Пинеро, меня зовут Эд Хартли, а это моя жена Бетти. Мы ждем – то есть Бетти ждет – ребенка, и... ну...

Пинеро ласково улыбнулся:

– Понимаю. Вы хотите узнать, как долго будете жить, чтобы возможно лучше обеспечить будущее своего ребенка. Очень разумно. Вы хотите провериться оба или только молодой человек?

– Мы оба хотим, – ответила девушка.

Пинеро улыбнулся ей своей сияющей улыбкой:

– Безусловно. Я с вами согласен. Правда, ваш случай представляет определенные технические сложности, но некоторую информацию я могу дать уже сейчас, а потом, после рождения ребенка, проверю еще раз. А теперь, дорогие мои, пройдите в лабораторию, и мы приступим.

Он позвонил, чтобы принесли амбулаторные карты, потом провел посетителей в лабораторию.

– Сначала миссис Хартли. Пожалуйста, будьте добры, снимите обувь и верхнюю одежду там, за ширмой. И не забывайте, что я старый человек, а вы пришли на консультацию, как к врачу.

Он повернулся к аппарату и слегка подрегулировал его. Эд кивнул жене, та скользнула за ширму и через мгновение появилась вновь, одетая в два шелковых лоскута. Пинеро взглянул на нее, отметив про себя свежесть и трогательную стыдливость юности.

– Сюда, моя дорогая. Сначала придется вас взвесить. Вот так. Теперь встаньте на стенд. Этот электрод возьмите в рот. Нет, Эд, не надо прикасаться к ней, пока она включена в цепь. Это не займет и минуты. Не двигайтесь.

Он нырнул под козырек машины, и ее циферблаты ожили. Почти тут же он появился вновь, лицо его выражало озабоченность.

– Эд, вы прикасались к ней?

– Нет, доктор.

Пинеро снова исчез и на этот раз пропадал там немного дольше. Потом, предложив Бетти сойти с помоста и одеться, повернулся к ее мужу:

– Приготовьтесь, Эд.

– Ну что там у Бетти, доктор?

– Небольшое осложнение. Но сперва я хочу проверить вас.

На этот раз он вынырнул из-под накидки с еще более озабоченным видом. Когда Эд поинтересовался о причине беспокойства, Пинеро, пожав плечами, изобразил улыбку:

– Дело не в вас, мой мальчик. Очевидно, какая-то механическая неисправность. Так что сегодня я не могу вам ничего сказать. Мне нужно внимательно осмотреть аппарат. Не могли бы вы зайти завтра?

– Думаю, смогу. Мне очень жаль, что ваша машина испортилась. Надеюсь, это не очень серьезно.

– Ну конечно, я уверен. Не согласитесь ли вернуться в кабинет и немножко пообщаться со мной?

– Спасибо, доктор, вы очень любезны.

– Но, Эд, ведь я должна встретиться с Элен...

Пинеро призвал на помощь все свое обаяние:

– Может быть, вы подарите мне несколько минут, моя дорогая юная леди? Я уже стар и обожаю общение с молодежью. А бывать в компаниях молодых приходится очень редко... Пожалуйста...

И, подхватив Бетти под руку, он увлек их в кабинет. Потом приказал подать лимонад и печенье, предложил им сигареты, а сам закурил сигару.

Сорок минут спустя Эд все еще зачарованно внимал рассказу доктора о его юношеских приключениях на Огненной Земле, тогда как Бетти все больше нервничала и откровенно стремилась уйти. Когда доктор сделал паузу, чтобы раскурить потухшую сигару, она встала:

– Доктор, нам действительно пора уходить. Мы сможем дослушать вас завтра.

- Завтра? Но завтра на это не будет времени.
- У вас и сегодня нет времени. Ваша секретарша уже пять раз звонила.
- Что вам стоит уделить мне еще несколько минут?
- Сегодня никак не могу, доктор. У меня назначена встреча. Меня ждут.
- И вас невозможно переубедить?
- Боюсь, что невозможно. Идем, Эд.

Когда дверь за ними закрылась, доктор встал у окна и стал смотреть на город внизу. Вскоре он увидел две крохотные фигурки, вышедшие из здания, в котором размещалась его контора. Он смотрел, как они поспешно подошли к углу, подождали, пока загорится зеленый сигнал, и начали переходить улицу. Они были уже на половине пути, когда раздался вой сирены. Фигурки нерешительно остановились, подались было назад, снова остановились и обернулись. В следующее мгновение их сбила машина. Когда она наконец остановилась, то, что осталось позади, уже мало походило на человеческие фигуры, напоминая, скорее, беспорядочную груду тряпья.

Через минуту доктор отвернулся от окна. Потом он поднял телефонную трубку и сказал секретарше:

– Отмените все приемы до конца дня... Нет... Ни одного... Меня это не волнует, отмените их.

Потом он опустился в кресло. Его сигара погасла. И еще долго после наступления темноты он продолжал сидеть, держа в зубах незажженную сигару.

* * *

Пинеро расположился за столом и созерцал сервированный перед ним изысканный обед. Сегодня он выбирал блюда особенно тщательно и специально вернулся домой пораньше, чтобы без спешки насладиться ими.

Чуть позже он позволил нескольким каплям «Альпийской фиалки» оросить язык и тоненькой струйкой скользнуть в горло. От густого ароматного ликера во рту потеплело, и Пинеро вспомнил запах маленького горного цветка, подарившего имя напитку. Он вздохнул. Блюда были самые лучшие, утонченные, и они оправдывали этот экзотический ликер. Его размышления были прерваны шумом у входной двери. Протестующий голос его пожилой служанки прервал мужской. Потом звуки переместились в холл, и двери столовой распахнулись.

– Madonna! Non si puo entrare!²³ Хозяин обедает!

– Пустяки, Анджеа. У меня найдется время побеседовать с этими джентльменами. Можете идти.

Пинеро повернулся к стоящему впереди человеку с угрюмым лицом:

- У вас ко мне дело, не так ли?
- Не сомневайтесь. Порядочные люди уже по горло сыты вашей чертовой чепухой!
- И что же?

Прежде чем посетитель ответил, из-за его спины вышел маленький, аккуратно одетый субъект.

* * *

– Мы можем начать. – Председатель комитета вставил ключ в замочную скважину и открыл ящик. – Венцель, помогите мне вынуть сегодняшние конверты.

²³ Пресвятая Дева! Вам сюда нельзя! (ит.) – Примеч. С. В. Голд.

Служитель коснулся его руки:

– Доктор Берд, вас к телефону.

– Прекрасно. Принесите аппарат сюда.

Когда телефон был доставлен, председатель поднес трубку к уху:

– Алло... Да. Говорите... Что?.. Нет, мы ничего не слышали... Разрушили машину, вы говорите?.. Мертв! Как?.. Нет! Нет, никакого заявления. Ничего вообще... Позвоните мне позже...

Он швырнул трубку на аппарат и оттолкнул его от себя.

– Что случилось?

– Кто мертв?

Берд поднял руку:

– Тише, джентльмены, прошу вас! Несколько минут тому назад в своем доме убит Пинеро.

– Убит?

– Но это не все. Одновременно какие-то вандалы ворвались в его контору и уничтожили аппарат.

Повисла тишина. Члены комитета молча переглядывались. Казалось, никто не мог решиться первым нарушить молчание.

Наконец один из них сказал:

– Достаньте его.

– Что?

– Конверт Пинеро. Он тоже там. Я видел.

Берд нашел конверт, медленно вскрыл и, развернув лежавший в конверте листок, пробежал его глазами.

– Ну? Что там?

– Час тринадцать минут пополудни – сегодня.

Они приняли новость в молчании.

Напряженное спокойствие было нарушено одним из членов комитета, сидевшим напротив Берда: он потянулся к ящику. Берд перехватил его руку:

– Что вы хотите сделать?

– Мое предсказание... Оно там... Все мы там.

– Да-да, мы все здесь. Давайте разберем их.

Берд возложил руки на ящик. Не произнося ни слова, он смотрел на человека, сидящего напротив. Берд облизнул губы. Уголок его рта дергался, пальцы дрожали. Но он по-прежнему хранил молчание. Человек напротив обмяк и откинулся на спинку кресла:

– Конечно, вы правы...

– Дайте вон ту корзину для бумаг. – Голос Берда был хриплым, напряженным, но твердым.

Взяв ее, он высыпал мусор прямо на ковер и поставил корзину перед собой на стол. Затем Берд разорвал полдюжины конвертов, поджег их спичкой и уронил в корзину. Потом он принялся методично рвать конверты и пригоршнями бросать обрывки в огонь. От дыма он закашлялся, из глаз потекли слезы. Кто-то встал и распахнул окно. Когда все было кончено, Берд оттолкнул корзину, взглянул туда, где она стояла, и сказал:

– Боюсь, я испортил столешницу.

Комментарий²⁴

Рассказ «Линия жизни» не был задуман как часть «Истории будущего». Его включили в цикл задним числом, когда готовилась к публикации первая версия диаграммы «Истории будущего». Хайнлайн упрочил его положение в цикле в 1973 году, когда Лазарус Лонг мимоходом упоминает о «шарлатане Пинеро» в романе «Достаточно времени для любви».

Хайнлайн заново отредактировал многие рассказы, когда готовилось переиздание сборника в твердом переплете, но «Линия жизни» почти не подверглась «подтасовке», за исключением переноса даты с 1939 на 1950 год (дата нотариального заверения в этом рассказе – одна из немногих конкретных дат в «Истории будущего») и одного исправления в тексте, отмеченного в книге Гиффорда «Robert A. Heinlein: A Reader's Companion» («Nitrosyncretic Press», 2000), которое убирало слегка рискованное (по тем временам) упоминание о «лоскутах» одежды.

²⁴ Перевод С. В. Голд.

Да будет свет!²⁵

Рассказ

Арчибалд Дуглас, доктор наук, доктор философии и бакалавр естественных наук, с нескрываемым раздражением перечитал телеграмму:

ПРИБЫВАЮ ГОРОД СЕГОДНЯ ВЕЧЕРОМ ТЧК ЖЕЛАЮ ОБСУДИТЬ
ХОЛОДНЫЙ СВЕТ ВАШЕЙ ЛАБОРАТОРИИ ДЕСЯТЬ ПОПОЛУДНИ
(подпись) ДР М Л МАРТИН

Что, правда? Прибывает в город? Желает обсудить? Он что, решил, будто здесь не лаборатория, а отель? И что, этот самый Мартин и впрямь полагает, будто у него, Дугласа, найдется время на первого встречного, кому хватило денег на телеграмму? Дуглас уже мысленно составлял текст вежливого, но обескураживающего ответа, но вдруг заметил, что телеграмма отправлена из аэропорта на Среднем Западе. Что ж, ладно – пусть прилетает. Встретаться с ним Дуглас не собирался.

И все же, движимый естественным любопытством, он достал экземпляр «Кто есть кто в научном мире» и отыскал своего обидчика. Д. Д. Т., А. Б. В., Д. М. Б., К. П. П. – степеней у него хватило бы на шестерых. Гм... руководство исследованиями фауны бассейна Ориноко для Музея Гуггенхайма, автор работы «Сопутствующий симбиоз хлопковых долгоносиков»... и так далее на три дюйма мелким шрифтом. Похоже, этот парень был настоящим тяжеловесом.

Минутой позже Дуглас уже стоял перед зеркалом в лабораторном санузле. Сняв грязный лабораторный халат, он достал из кармана жилета расческу и тщательно навел лоск на гладкие черные волосы. Ладно скроенный пиджак в клетку, шляпа с загнутыми полями – и он был готов выйти на улицу.

«Не так уж плохо, – подумал он, ошупывая украшавший темную кожу на щеке бледный шрам. – Даже несмотря на шрам».

Если бы не сломанный нос, вид у него вообще был бы безупречный.

Ресторан, где он ужинал в одиночестве, наполовину был пуст – здесь становилось оживленнее позже, когда подтягивалась публика из театров, но Дугласу нравились игравший свинг оркестр и хорошая еда. Он уже заканчивал ужин, когда мимо прошла молодая женщина и села через столик напротив него. Он осторожно окинул ее взглядом. Довольно-таки симпатичная: фигура стриптизерши, копна русых волос, приятный цвет лица и большие голубые глаза. Скорее всего, тупа как пробка, но чего еще ожидать?

Дуглас решил пригласить ее составить ему компанию. Если все сложится удачно – доктор Мартин может катиться к черту. Написав записку на обратной стороне меню, он позвал официанта:

– Кто она такая, Лео? Из местных девиц?

– Нет, месье, я ее раньше не видел.

Расслабившись, Дуглас стал ждать результата. Призывный взгляд незнакомки он почувствовал, едва ее увидев, и в исходе не сомневался. Девушка прочитала записку и, слегка улыбаясь, посмотрела на него. Он с интересом улыбнулся в ответ. Одолжив у официанта карандаш, она что-то написала на меню, которое Лео отдал Дугласу.

«Прошу прощения, – прочитал он, – и спасибо за любезное приглашение, но я уже занята».

Расплатившись, Дуглас вернулся в лабораторию.

²⁵ Перевод К. Плешкова.

* * *

Лаборатория Дугласа располагалась на верхнем этаже фабрики его отца. Оставив входную дверь открытой и отправив лифт вниз в ожидании визита доктора Мартина, он занялся выяснением причины раздражающей вибрации в центрифуге. Ровно в десять послышалось гудение лифта. Едва Дуглас успел подойти к двери, прибыл его гость.

Перед ним стояла девица с медового цвета волосами, которую он пытался подцепить в ресторане.

– Как вы сюда попали, черт побери? – в гневе бросил он. – Шли следом за мной?

Девушка тут же замерла:

– У меня назначена встреча с доктором Дугласом. Пожалуйста, передайте ему, что я пришла.

– Черта с два. Что это еще за игры?

Она сдержалась, но, судя по ее лицу, это стоило ей немалых усилий.

– Думаю, об этом лучше судить доктору Дугласу. Передайте ему, что я пришла. Немедленно.

– Он перед вами. Я доктор Дуглас.

– Вы?! Ни за что не поверю. Вы больше похожи на... на гангстера.

– И тем не менее это я. А теперь хватит этой клоунады, сестренка, и говорите быстрее, что вам надо. Как вас зовут?

– Я доктор М. Л. Мартин.

Дуглас ошеломленно уставился на нее, а затем расхохотался:

– Что, правда? Не станете же вы шутить над родственником из провинции? Заходите, док, заходите.

Девушка последовала за ним. Вид у нее был недоверчивый, словно у бродячей собаки, готовой немедленно огрызнуться на любые поползновения. Сев на предложенный стул, она вновь обратилась к хозяину лаборатории:

– Вы в самом деле доктор Дуглас?

– Собственной персоной, – улыбнулся он. – И я могу это подтвердить. А как насчет вас? Мне все еще кажется, что это какая-то ловушка или шантаж.

Она снова замерла:

– Вам что, нужно мое свидетельство о рождении?

– Вероятно, вы убили доктора Мартина в лифте и сбросили труп несчастного старика в шахту.

Встав, она взяла перчатки и сумочку, намереваясь уйти.

– Ради этой встречи я преодолела полторы тысячи миль. Извините, если зря вас побеспокоила. Всего хорошего, доктор Дуглас.

Он тут же бросился ее успокаивать:

– Ну-ну, не сердитесь – я просто пошутил. Меня развеселило, что прославленный доктор Мартин выглядит почти точь-в-точь как Бетти Грейбл²⁶. А теперь садьте, – он осторожно забрал у нее перчатки, – и позвольте мне предложить вам выпить, от чего вы ранее отказались.

Девушка поколебалась, она все еще сердилась, но прирожденный добрый нрав все же взял верх, и она наконец расслабилась.

– Ладно, давайте.

– Вот так-то лучше. Что будете – скотч или бурбон?

– Мне бурбон – и поменьше воды.

²⁶ Бетти Грейбл (1916–1973) – американская актриса, танцовщица и певица.

К тому времени, когда были наполнены бокалы и зажжены сигареты, напряжение окончательно спало.

– Так чем же я обязан вашему визиту? – начал Дуглас. – Я ни черта не понимаю в биологии.

Выпустив колечко дыма, она ткнула в него карминовым ногтем.

– Помните вашу статью в апрельском «Физическом обозрении»? Насчет холодного света и возможных путей его получения?

– Электролюминесценция против хемилюминесценции, – кивнул он. – Вряд ли это может быть интересно биологу.

– И тем не менее я работаю над той же проблемой.

– С какой стороны?

– Я пыталась выяснить, каким образом светится светлячок. В Южной Америке я встречала несколько особо ярких видов, и это навело меня на мысль...

– Гм... возможно, что-то в этом есть. И что вы выяснили?

– Не так уж много нового. Как вам, вероятно, известно, светлячок является невероятно эффективным источником света: его эффективность составляет почти девяносто шесть процентов. А какова, по-вашему, эффективность обычной промышленной лампы накаливания с вольфрамовой нитью?

– Не больше двух процентов.

– Примерно так. А маленький глупый жучок справляется в пятьдесят раз лучше, не прилагая особых усилий. Нам с ними не сравниться, верно?

– Не особо, – признал Дуглас. – Давайте дальше про жучков.

– В общем, у светлячка в брюшке находится активное органическое соединение, очень сложное, под названием люциферин. Когда он окисляется в присутствии катализатора, люциферазы, вся энергия окисления преобразуется в зеленый свет, без выделения тепла. Стоит восстановить его с помощью водорода – и можно начинать реакцию заново. Я научилась проделывать это в лабораторных условиях.

– Черт, вы сделали это! Поздравляю! Я вам не нужен. Можно закрывать лавочку.

– Не торопитесь. Это нереально с коммерческой точки зрения, для процесса требуется очень много оборудования, он слишком сложен, и мне не удастся получить яркий свет. Я пришла к вам, чтобы выяснить, не удастся ли нам объединить усилия, собрать вместе всю имеющуюся у нас информацию и создать нечто применимое на практике.

* * *

Три недели спустя, в четыре часа утра, доктор М. Л. Мартин – для друзей Мэри Лу – жарила яйцо на бунзеновской горелке. Всю ее одежду составлял длинный резиновый лабораторный фартук поверх шорт и свитера. Длинные русые волосы свисали свободными прядями. Изящные ноги были открыты всем взорам, из-за чего казалось, будто она сошла с обложки мужского журнала.

– Слушай, горилла, – она повернулась к устало развалившемуся в большом кресле Дугласу, – похоже, у нас сгорела кофеварка. Приготовить кофе в перегонном аппарате?

– Я думал, у тебя там был змеиный яд.

– Так и есть. Я сполосну.

– Боже правый, женщина! Тебе что, все равно, насколько ты рискуешь собственной жизнью? Или моей?

– Ерунда – от змеиного яда никакого вреда, даже если его выпить, разве что если от той дряни, которую ты хлещешь, у тебя образовалась язва желудка. Завтрак готов!

Она скинула фартук и села, скрестив ноги. Дуглас машинально уставился на нее:

– Мэри Лу, распутница, почему ты вечно голая в лаборатории? Ты возбуждаешь мою романтическую натуру.

– Глупости. Никакой романтической натуры у тебя нет. Давай к делу. Где мы сейчас?

Дуглас провел рукой по волосам и задумчиво пожевал губами:

– Думаю, мы уперлись в каменную стену. Что бы мы ни пытались делать – никаких многообещающих результатов.

– Похоже, проблема, по сути, состоит в том, чтобы ограничить энергию излучения видимым диапазоном частот.

– В твоих устах это звучит столь просто, ясноглазка моя.

– Оставь свой сарказм. Тем не менее именно в этом состоит источник потерь при обычном электрическом освещении. Нить раскалена добела, но лишь около двух процентов всей энергии превращается в свет, а остальное уходит в инфракрасный и ультрафиолетовый диапазоны.

– Она прекрасна. Верно подмечено.

– Сосредоточься, горилла. Я знаю, что ты устал, но послушай мамочку. Должен быть какой-то способ точно настроить длину волны. Как насчет того, что используется в радио?

Дуглас слегка оживился:

– В данном случае не годится. Даже если бы удалось создать индуктивно-емкостный контур с естественной резонансной частотой в видимом диапазоне, потребовалось бы слишком много оборудования для каждого источника света, а в случае сбоя настройки он вообще не давал бы света.

– Это единственный способ управлять частотой?

– Да... практически. Некоторые передатчики, особенно любительские, используют специально ограненный кристалл кварца, имеющий собственную естественную частоту, которая управляет длиной волны.

– Тогда почему нельзя огранить кристалл, который имел бы естественную частоту в октаве видимого света?

Дуглас внезапно выпрямился:

– Господи, детка! Кажется, ты попала в точку. – Он встал и начал расхаживать по комнате, продолжая говорить: – Для обычных частот используют обычный кристалл кварца, и турмалин – для передач на коротких волнах. Частота колебаний прямо зависит от того, как огранен кристалл. Есть простая формула... – Остановившись, он снял с полки толстый справочник и начал листать страницы. – Гм... да, вот она. Для кварца каждый миллиметр толщины дает сто метров длины волны. Частота, естественно, является обратной величиной к длине волны. Для более коротких длин волн имеется аналогичная формула для турмалина. – Он продолжал читать: – «Данные кристаллы обладают свойством гнуться при приложении к ним электрического заряда и, наоборот, проявлять электрический заряд при изгибе. Период изгибаний является неотъемлемым свойством кристалла, зависящим от его геометрических пропорций. Будучи подключенным к радиопередающему контуру, подобный кристалл требует, чтобы контур работал на одной и только одной частоте – частоте данного кристалла». Вот оно, детка! Если мы сумеем найти кристалл, который можно огранить так, чтобы он вибрировал на частоте видимого света, мы получим то, что искали, – способ превращать электрическую энергию в свет без тепловых потерь!

– Хороший мальчик, – любовно прокудахтала Мэри Лу. – Мамочка нисколько не сомневалась, что все у него получится – стоит только попытаться.

* * *

Почти полгода спустя Дуглас пригласил в лабораторию отца, чтобы продемонстрировать ему результаты своих исследований. Проведя седоволосого пожилого джентльмена в святая святых, он дал знак Мэри Лу, чтобы та задернула шторы, после чего показал на потолок:

– Вот он, папа, – тот самый холодный свет. Всего лишь за малую долю стоимости обычного освещения.

Подняв взгляд, пожилой джентльмен увидел под потолком серую панель, размером и формой напоминающую крышку карточного стола. Затем Мэри Лу щелкнула выключателем, и панель засветилась – ярко, но не ослепительно, переливаясь подобно перламутру. Комнату залил резкий белый свет, почти не бивший в глаза.

Молодой ученый широко улыбнулся отцу, радуясь, словно щенок, который ждет, когда его погладят.

– Как тебе это нравится, папа? Мощность в сто свечей – с обычными лампочками потребовалось бы около сотни ватт, а нам хватает всего двух: пол-ампера при четырех вольтах.

Старик рассеянно моргнул:

– Здорово, сынок. Действительно здорово. Рад, что ты сумел завершить свой проект.

– Слушай, пап, ты знаешь, из чего сделана эта панель? Из самой обычной глины. Это разновидность силиката алюминия, которая дешево и легко получается из любой глины или содержащей алюминий руды. Я могу использовать боксит, криолит – почти что угодно. Сырье можно собрать паровым экскаватором в любом штате.

– Ты закончил свою разработку, сынок, и готов ее запатентовать?

– Ну... думаю, да, папа.

– Тогда пойдем в твой кабинет и сядем. Мне нужно кое-что с тобой обсудить. И пригласи свою юную леди.

Дуглас-младший подчинился, хотя серьезный тон отца поверг его в некоторое уныние.

– Что случилось, папа? – начал он, когда они сели. – Я могу чем-то помочь?

– Был бы только рад, Арчи, но, боюсь, помочь ты ничем не можешь. Я вынужден просить тебя закрыть свою лабораторию.

Молодой человек даже не дрогнул.

– Да, папа?

– Ты знаешь, что я всегда гордился твоей работой, и после смерти твоей матери поставил себе целью снабжать тебя деньгами и всем необходимым оборудованием.

– Ты был крайне щедр ко мне, папа.

– Мне этого хотелось. Но теперь пришло время, когда фабрика больше не может поддерживать твои исследования. Собственно, возможно, мне придется закрыть и свой завод.

– Все настолько плохо, папа? Я думал, за последний квартал заказы только выросли.

– У нас действительно полно заказов, но они не приносят прибыли. Помнишь, я говорил тебе про закон об оплате коммунальных услуг, который приняли на последней сессии законодательного собрания?

– Смутно помню, но мне казалось, что губернатор наложил на него вето.

– Да, но они преодолели запрет. Подобного случая коррупции штат еще не видывал: могущественные лоббисты купили обе палаты с потрохами. – Голос старика дрожал от бесильного гнева.

– И как это повлияет на нас, папа?

– Закон якобы уравнивает тарифы на электроэнергию в зависимости от обстоятельств. На самом же деле он позволяет комитету дискриминировать потребителей так, как он сочтет нужным. Сам знаешь, что это за комитет, – в политическом отношении я всегда был по другую

сторону. Теперь же они припирают меня к стене тарифами, которые лишают меня конкуренции.

– Но, во имя всего святого, папа... они не имеют права. Добейся судебного запрета!

– В нашем-то штате, сынок? – Седые брови взлетели вверх.

– Пожалуй, вряд ли. – Дуглас-младший поднялся на ноги и направился к двери. – Но что-то ведь наверняка *можно* сделать?

Его отец покачал головой:

– Больше всего меня огорчает, что они поступают так с энергией, которая на самом деле принадлежит народу. Программа федерального правительства сделала доступной дешевую энергию в огромных количествах – одного этого хватило бы, чтобы увеличить богатство страны, – но энергией завладели местные пираты, используя ее как дубинку для запугивания свободных граждан.

* * *

Когда старик ушел, Мэри Лу положила руку Дугласу на плечо и заглянула ему в глаза:

– Бедный мальчик!

На лице его отразилась вся гамма расстроенных чувств, которые он скрывал от отца.

– Вот ведь, Мэри Лу, – когда все у нас шло так хорошо! Но больше всего я переживаю за папу.

– Да, понимаю.

– И черт побери, я ничего не могу с этим поделать! Это все политика, а штат целиком принадлежит зажавшимся рэкетирам.

Мэри Лу разочарованно и слегка насмешливо посмотрела на него:

– Арчи Дуглас, большой маменькин сынок! Ты ведь этого так не оставишь, правда? Или сдашься без борьбы?

Он тупо уставился на нее:

– Нет, конечно. Я буду бороться. Но я прекрасно понимаю, что полностью разгромлен. И я прекрасно понимаю, что проиграю. Это ведь не моя сфера.

Мэри Лу метнулась через всю комнату:

– Ты меня удивляешь. Ты сделал величайшее изобретение со времен динамо-машины и говоришь о том, что тебя обставили?

– Вообще-то, это твое изобретение.

– Чушь! Кто разработал отдельные компоненты? Кто смешал их, чтобы получить полный спектр? И к тому же – что значит «не твоя сфера»? В чем проблема? В энергии! Все твои трудности из-за нее. Ты же физик – придумай какой-нибудь способ получить энергию, которую не пришлось бы ни у кого покупать!

– Что предпочитаешь? Атомную энергию?

– Будь реалистичнее. Все-таки ты не Комитет по атомной энергетике.

– Я мог бы поставить на крыше ветряную мельницу.

– Уже лучше, но все равно не годится. Напряги как следует нужный узел на конце своего спинного мозга, а я пока приготавливаю кофе. Похоже, нам снова предстоит работа на всю ночь.

– Ладно, Кэрри Нейшн²⁷, – улыбнулся он. – Я готов.

– Вот это уже другой разговор, – весело улыбнулась она в ответ.

Поднявшись, он подошел к ней, обнял за пояс и поцеловал. В его объятиях она расслабилась, но едва их губы разделились, она тут же его оттолкнула:

²⁷ Кэрри Нейшн (1846–1911) – участница движения трезвости в период, предшествующий принятию сухого закона в США. Стала известной тем, что защищала свои убеждения радикальными методами.

– Арчи, ты напоминаешь мне цирк Эла Барнса. «Все актеры – звери».

* * *

Когда забрезжил рассвет, придав их лицам мертвенную бледность, они устанавливали две панели холодного света, одну напротив другой. Арчи поправил их так, чтобы расстояние между ними составляло ровно дюйм.

– Так... практически весь свет от первой панели должен попадать на вторую. Включи питание первой панели, сексапильная крошка.

Она щелкнула выключателем, и первый экран засветился, залив своим свечением второй.

– Теперь посмотрим, верна ли наша замечательная теория.

Арчи подсоединил вольтметр к электродам второй панели и нажал черную кнопку внизу прибора. Стрелка прыгнула к двум вольтам.

Мэри Лу взволнованно заглянула через его плечо:

– Ну как?

– Работает! Вне всякого сомнения. Эти панели работают в обе стороны. Подай на них ток – и получишь свет. Подай на них свет – и получишь электричество.

– Каковы потери энергии, Арчи?

– Одну минуту. – Он подключил амперметр, изучил показания и взял логарифмическую линейку. – Посмотрим... потери около тридцати процентов. Большая часть – наверняка из-за утечки света по краям панелей.

– Солнце взошло, Арчи. Давай вынесем панель номер два на крышу и попробуем при солнечном свете.

Несколько минут спустя они установили вторую панель и электроизмерительные приборы на крыше. Прислонив панель к световому люку так, чтобы на него падали лучи восходящего солнца, Дуглас подсоединил к электродам вольтметр и считал показания. Стрелка тут же скакнула к двум вольтам. Мэри Лу радостно подпрыгнула:

– Работает!

– Должно работать, – заметил Арчи. – Если свет от другой панели заставляет этот отдавать ток, то солнечный свет просто обязан делать то же самое. Подсоедини амперметр, посмотрим, какую мощность мы получаем.

Амперметр показал восемнадцать целых и семь десятых ампера.

Мэри Лу посчитала на логарифмической линейке:

– Восемнадцать и семь десятых умножить на два... выходит тридцать семь целых и четыре десятых ватта, или около пяти сотых лошадиной силы. Не так уж много – я надеялась на большее.

– Так и должно быть, детка. Мы используем только видимый свет. Эффективность солнца как источника света составляет около пятнадцати процентов; остальные восемьдесят пять – инфракрасное и ультрафиолетовое излучение. Дай-ка мне бегунок. – (Она протянула ему логарифмическую линейку.) – Солнце испускает порядка полутора лошадиных сил, или одной целой и одной восьмой киловатта на каждый квадратный ярд поверхности земли, обращенной прямо к солнцу. Из-за поглощения в атмосфере теряется около трети, даже в ясный полдень в пустыне Сахара. Выходит одна лошадиная сила на квадратный ярд. Здесь, при восходящем солнце, мы можем получить не больше одной трети лошадиной силы на квадратный ярд. При пятнадцатипроцентной эффективности имеем около пяти сотых лошадиной силы. Все сходится – что и требовалось доказать. Почему у тебя такой мрачный вид?

– Ну... я надеялась, что нам хватит солнечной энергии с крыши, чтобы приводить в действие фабрику. Но если для того, чтобы получить одну лошадиную силу, нужно двадцать квадратных ярдов, этого явно недостаточно.

– Выше голову, малышка. Мы создали панель, которая вибрирует только в диапазоне видимого света; полагаю, сумеем создать и другую, атоническую, которая будет вибрировать при любой длине волны. Тогда она станет поглощать любую попадающую на нее лучистую энергию и отдавать ее назад в виде электричества. В полдень мы сможем получать с этой крыши примерно тысячу лошадиных сил. Потом нам потребуется установить аккумуляторные батареи, чтобы накапливать энергию в пасмурные дни и по ночам.

Мэри Лу заморгала, глядя на него огромными голубыми глазами:

– Арчи, у тебя когда-нибудь болит голова?

Двадцать минут спустя он снова сидел за столом, погруженный в предварительные расчеты, пока Мэри Лу соорудила на скорую руку завтрак. От работы его оторвал ее вопрос:

– Куда ты подевал ту бутылку, громила?

– Маленьким девочкам не положено пить средь бела дня, – ответил он, подняв взгляд.

– Да ты просто дикарь, приятель. Я всего лишь хочу сделать соус для блинчиков, заменив бренди кукурузным виски.

– Высокая кухня мне ни к чему, доктор Мартин. Свои блинчики я съем и просто так. Мне нужна трезвая голова, чтобы закончить работу.

Повернувшись, она замахнулась на него сковородкой:

– Слушаю и повинуюсь, мой повелитель. И все-таки, Арчи: ты всего лишь чрезмерно образованный неандерталец, который не стремится к чему-то высшему.

– Не стану спорить, моя блондиночка, – но взгляни-ка на это. Я получил ответ – панель, которая колеблется во всех диапазонах.

– Без шуток, Арчи?

– Без шуток, детка. Подобное уже следовало из наших предыдущих экспериментов, но мы были настолько заняты, пытаясь создать панель, которая не стала бы колебаться случайным образом, что попросту это упустили. И я наткнулся на кое-что еще.

– Расскажи мамочке!

– Мы можем сделать панели, излучающие в инфракрасном диапазоне с той же легкостью, что и панели холодного света. Понимаешь? Нагревательные устройства любых удобных размеров или формы, без мощных источников питания или высоких температур, что безопасно для детей и не приведет к пожарам. Насколько я понял, мы можем разработать панели для, во-первых, – он начал загибать пальцы, – получения солнечной энергии почти со стопроцентной эффективностью; во-вторых, для превращения ее в холодный свет, или, в-третьих, в тепло, или, в-четвертых, в электроэнергию. Мы можем соединять их последовательно, получая любое требуемое напряжение или параллельно получая любой требуемый ток, и энергия эта абсолютно бесплатна, не считая стоимости оборудования.

Несколько секунд она стояла, молча глядя на него.

– И все это потому, что мы пытались получить свет подешевле. Давай ешь свой завтрак, Штейнмец²⁸. Вас, мужчин, нужно хорошенько кормить, чтобы работали получше.

Они ели молча, занятые новыми мыслями. Наконец Дуглас заговорил:

– Мэри Лу, ты хоть понимаешь, насколько это великое открытие?

– Я как раз об этом думала.

– Оно просто выдающееся. Можно получать энергию в невероятных количествах. Солнце постоянно излучает на Землю свыше двухсот тридцати триллионов лошадиных сил, а мы их почти не используем.

– Что, вправду так много, Арчи?

– Я сам не поверил собственным расчетам, так что заглянул в «Астрономию» Ричардсона. Мы могли бы получать двадцать с лишним тысяч лошадиных сил в любом городском квартале.

²⁸ Чарлз Протеус Штейнмец (1865–1923) – американский инженер-электрик германского происхождения.

Понимаешь, что это означает? Бесплатную энергию! Богатство для всех! Величайшее открытие со времен парового двигателя! – Внезапно он замолчал, заметив мрачное выражение ее лица. – Что такое, детка? Я в чем-то не прав?

Она повертела в руках вилку:

– Нет, Арчи, ты прав. Об этом я тоже думала. Децентрализованные города, избавляющая от труда техника для всех, предметы роскоши – все это в самом деле возможно, но у меня такое ощущение, что впереди нас ждет куча проблем. Слышал когда-нибудь про «Ремонтный трест»?

– Это что, компания по сбору утильсырья?

– Нет, черт побери. Тебе стоило бы читать что-нибудь еще помимо «Трудов Американского общества физиков-инженеров» – например, Джорджа Бернарда Шоу. Это из предисловия к «Назад к Мафусаилу», где в саркастическом тоне описывается, как объединенная власть корпораций сопротивляется любым переменам, которые могли бы угрожать их доходам²⁹. Ты угрожаешь всему индустриальному укладу, сынок, и тебе прямо здесь и сейчас грозит опасность. Что, по-твоему, случилось с атомной энергией?

Он отодвинул стул.

– Все это напрасные страхи. Ты просто устала и нервничаешь. Индустрия встречает новые изобретения с распростертыми объятиями. Собственно, во всех крупных корпорациях есть исследовательские отделы, где работают лучшие умы страны. И они по горло заняты атомными делами.

– Конечно – и любой достаточно умный молодой изобретатель может найти у них работу. А потом он оказывается у них на содержании – изобретения принадлежат корпорации, и только те, которые вписываются в образ действий властей предержащих, могут увидеть свет. Остальные лежат на полках. Ты в самом деле думаешь, будто кто-то позволит свободному художнику вроде тебя поставить под угрозу их миллиардные вложения?

Дуглас нахмурился, а потом расслабился и рассмеялся:

– Да брось, детка. Не настолько все серьезно.

– Это ты так думаешь. Слышал когда-нибудь про селанскую вуаль? Вряд ли. Это синтетическая ткань, которую использовали вместо шифона. Но она лучше носилась и стиралась и стоила всего около сорока центов за ярд, в то время как шифон стоит вчетверо дороже. Теперь ее уже не купишь. Или взять, к примеру, бритвенные лезвия. Лет пять назад мой брат купил лезвие, которое до сих пор остается острым. Он и теперь им пользуется, но если он его потеряет, ему придется вернуться к старой марке. В продаже их больше нет. Слышал когда-нибудь про парней, которые нашли топливо лучше и дешевле, чем бензин? Один такой появился года четыре назад и заявил свои права на изобретение, но утонул через пару недель во время купания. Не стану утверждать, что его убили, но чертовски странно, что его формулу так и не удалось найти. Кстати, вспомнила: я как-то раз видела вырезку из «Лос-Анджелес дейли ньюс». Кто-то купил мощный автомобиль стандартной модели в Сан-Диего, заправил полный бак и поехал в Лос-Анджелес. На это он потратил всего два галлона. Потом он отправился в Агуа-Кальенте и обратно в Сан-Диего, израсходовав только три галлона. Примерно через неделю его отыскала торговая компания и дала ему взятку, чтобы он поменял машину. По ошибке они продали ему автомобиль, который был не для продажи, с доработанным карбюратором. Знаешь хоть одну большую мощную машину, которой хватало бы галлона на семьдесят миль? Вряд ли – по крайней мере, пока всем правит «Ремонтный трест». Но история вполне кошерная – можешь сам ее поискать. И естественно, всем известно, что автомобили делают для того, чтобы они со временем изнашивались, так что приходится покупать новый. Их делают настолько некаче-

²⁹ Мэри немножко путает. На самом деле «Ремонтный трест» описан Шоу в пьесе «Тележка с яблоками». – *Примеч. С. В. Голд.*

ственными, насколько может выдержать рынок. Нагрузка на пароходы куда выше, чем на автомобили, а они работают по тридцать лет и больше.

– Хватит все видеть в мрачном свете, красавица, – рассмеялся Дуглас. – У тебя мания преследования. Давай поговорим о чем-нибудь более веселом – например, о нас с тобой. Ты отлично готовишь кофе. Как насчет того, чтобы получить лицензию на совместную жизнь? – (Она проигнорировала его слова.) – Почему бы и нет? Я молод и здоров. Тебе мог бы попасться и кто-нибудь похуже.

– Арчи, я не рассказывала тебе про туземного вождя, который приударял за мной в Южной Америке?

– Вряд ли. И что насчет него?

– Он хотел, чтобы я вышла за него замуж. Даже намекал, что готов убить всех своих семнадцать жен и подать их к столу на свадебном пиршестве.

– И какое это имеет отношение к тому, что я предлагаю?

– Мне следовало согласиться. В наши дни девушка не может себе позволить отказываться от хороших предложений.

Арчи расхаживал по лаборатории, яростно дымя сигаретой. Мэри Лу с тревогой наблюдала за ним, примостившись на верстаке. Когда он сделал перерыв, чтобы прикурить очередную сигарету от окурка предыдущей, она привлекла его внимание:

– Ну, великий ум, что теперь скажешь?

Он закончил прикуривать и, обжегшись, односложно выругался.

– Знаешь, ты была права, Кассандра. У нас больше проблем, чем я когда-либо предполагал. Первым делом, когда мы построили электромобиль, который получает энергию от солнца, пока стоит припаркованный у тротуара, кто-то обливает его керосином и поджигает. Впрочем, для меня это был второстепенный вопрос, на который я не обратил особого внимания. Но если я откажусь продаться им на корню, они завалят нас сфабрированными судебными процессами, и мы станем беспомощны, словно страдающий коликами младенец.

– У них нет никаких законных оснований.

– Знаю, но у них есть неограниченные финансовые ресурсы, которых нет у нас. Они могут тянуть эти процессы месяцами, может, даже годами – вот только мы сами столько не протянем.

– И что дальше? Будешь с ними встречаться?

– Не хочу. Меня снова попытаются купить с потрохами и станут угрожать мне каким-то изысканным способом. Я бы послал их ко всем чертям, если бы не папа. Кто-то уже дважды вламывался в его дом, а он слишком стар, чтобы вынести подобное.

– Полагаю, проблемы с персоналом на заводе беспокоят его не меньше.

– Естественно. А поскольку они начались с тех пор, как мы стали производить панели в промышленных масштабах, я несколько не сомневаюсь, что все это часть некоего заговора. До этого у папы никогда не бывало проблем с рабочими – он всегда учитывал мнение профсоюза и относился к своим сотрудникам как к членам семьи. Он весь на нервах, и я не могу его за это винить. Я сам устал – оттого, что они постоянно таскаются за мной. Меня это сводит с ума.

Мэри Лу выпустила облачко дыма.

– За мной тоже ходят хвостом последнюю пару недель.

– Черт бы их побрал! Мэри Лу, с меня хватит. Я намерен сегодня же решить все раз и навсегда.

– Все-таки собираешься им продаться?

– Нет. – Подойдя к столу, он открыл боковой ящик, достал пистолет тридцать восьмого калибра и сунул его в карман. Мэри Лу спрыгнула с верстака и бросилась к Дугласу. Положив руки ему на плечи, она взглянула на него полными ужаса глазами:

– Арчи!

– Да, детка, – мягко ответил он.

– Арчи, не делай глупостей. Если с тобой что-то случится, ты прекрасно знаешь, что с нормальным мужчиной мне ни за что не поладить.

Он погладил ее по волосам:

– Лучшие слова, которые я слышал за много недель, детка.

* * *

Дуглас вернулся около часа дня. Мэри Лу ждала его у лифта.

– Ну как?

– Все та же старая песня. Никакого толку, несмотря на все мои смелые обещания.

– Они тебе угрожали?

– Не совсем. Меня спросили, на какую сумму застрахована моя жизнь.

– И что ты им сказал?

– Ничего. Просто полез за носовым платком и показал, что у меня в кармане пистолет.

Я думал, это вынудит их пересмотреть все ближайшие планы. Но после этого разговор как-то увял, и я ушел. И как обычно, за мной до самого дома следовал «барашек Мэри».

– Тот же бандит, что следил за тобой вчера?

– Или он, или его близнец. Хотя, если подумать, вряд ли у него мог быть близнец – они оба умерли бы от страха еще при родах.

– И то верно. Ты обедал?

– Еще нет. Давай спустимся в столовую и чего-нибудь поедим. О наших тревогах можно поговорить и позже.

В столовой было пусто, и они почти не разговаривали. Взгляд голубых глаз Мэри Лу был устремлен куда-то в пространство над его головой. После второй чашки кофе она коснулась его руки:

– Арчи, знаешь древний китайский совет, что делать молодым женщинам, когда на них нападает преступник?

– Нет, и в чем его суть?

– Всего в одном слове: «Расслабься». Именно это нам и надо сделать.

– Говори по-английски.

– Сейчас изложу план. Почему нас атакуют?

– У нас есть нечто такое, что нужно им.

– Вовсе нет. У нас есть нечто такое, что им хочется скрыть от общества, чтобы никто другой не мог им обладать. Именно потому они пытаются купить тебя или запугать, чтобы ты забросил свой проект. Если это не поможет, они попробуют что-нибудь более радикальное. Сейчас ты опасен для них, а они опасны для тебя, потому что у тебя есть некий секрет. Что, если он перестанет быть секретом? Предположим, о нем узнают все?

– Они чертовски обзлятся.

– Да, но что они смогут сделать? Ничего. Эти крупные шишки – практичные люди, и они не станут тратить на тебя ни цента, если это никак не отразится на их собственных кошельках.

– И что ты предлагаешь?

– Раскрыть секрет. Рассказать миру, как это делается. Пусть каждый, кто хочет, производит панели для света и панели для получения энергии. Тепловая обработка смеси столь проста, что ее способен осуществить любой промышленный химик, если объяснить ему принцип, и наверняка существуют тысячи фабрик, которые могли бы производить их с помощью имеющейся техники и подручных материалов.

– Но... господа, Мэри Лу, мы же разоримся!

– Что ты теряешь? Пока что мы заработали жалкую пару тысяч долларов, храня суть процесса в тайне. Если мы откроем ее для всех, патент все равно останется у тебя, и ты сможешь брать номинальные отчисления, против которых вряд ли кто-то станет возражать, – скажем, десять центов за квадратный ярд каждой произведенной панели. В первый же год будут выпущены миллионы квадратных ярдов – сотни тысяч долларов в первый год и немалый доход в течение всей жизни. Ты сможешь получить лучшую исследовательскую лабораторию в стране!

Дуглас швырнул салфетку на стол:

– Пожалуй, ты права, детка.

– Не забывай также о том, какое влияние это окажет на всю страну. Фабрики начнут появляться по всему Юго-Западу – везде, где много солнечного света. Бесплатная энергия! Ты станешь героем нации.

Он встал, и глаза его блеснули.

– Так и сделаем, детка! погоди минуту, пока я расскажу папе, что мы решили, а потом – бегом в город.

Два часа спустя телетайпы всех новостных агентств страны уже печатали материал. Дуглас настоял, чтобы в качестве условия распространения в него включили технические подробности процесса. К тому времени, когда они с Мэри Лу вышли из здания «Ассошиэйтед пресс», на улице уже продавался первый экстренный выпуск: «ГЕНИЙ ДАРИТ ОБЩЕСТВУ БЕСПЛАТНУЮ ЭНЕРГИЮ». Арчи купил газету и поманил к себе тенью следовавшего за ним мускулистого типа:

– Иди-ка сюда, дорогой. Можешь больше не изображать из себя пожарный кран. У меня для тебя есть задание. – Он протянул громиле газету, которую тот неуверенно взял. За всю его долгую предосудительную карьеру к нему еще никто не обращался столь учтиво. – Отнеси эту газету своему боссу и скажи ему, что Арчи Дуглас посылает ему валентинку. Чего стоишь, хватит таращиться! Беги, пока я тебе твою тупую башку не расшиб!

Пока Арчи смотрел, как тот исчезает в толпе, Мэри Лу нежно взяла его за руку:

– Ну как, теперь чувствуешь себя лучше, сынок?

– Намного.

– Все тревоги позади?

– Все, кроме одной. – Он взял ее за плечи и развернул к себе. – Нужно решить с тобой один вопрос. Идем! – Он схватил ее за запястье и потащил в сторону пешеходного перехода.

– Какого черта, Арчи? Отпусти!

– И не подумай. Видишь вон тот дом? Это здание суда. Рядом с окном, где выдают лицензии на собак, есть еще одно, где можно получить разрешение на брак.

– Я не собираюсь выходить за тебя замуж!

– Черта с два не собираешься. Ты много раз оставалась на ночь в моей лаборатории. Я скомпрометирован. Придется тебе сделать меня честным человеком – или я начну кричать во все горло прямо посреди улицы.

– Это шантаж!

Когда они вошли в здание, она все еще упиралась – но не особо.

Комментарий³⁰

«Да будет свет!» (оригинальное название «Прометей, несущий факел») существует в трех опубликованных вариантах, ни один из которых не совпадает полностью с рукописью Хайнлайна 1939 года. В оригинальной публикации в «Super Science Stories» «медовая блондинка» доктор Мартин сравнивается с танцовщицей Салли Рэнд. В переработке 1950 года Хайнлайн поменял сравнение на красотку-актрису военных времен Бетти Грейбл, а для единственного издания в мягкой обложке сборника «Человек, который продал Луну» начала 1960-х он вновь поменял его, на этот раз на Мэрилин Монро. В одной из рукописей в качестве сравнения приводится актриса Джипси Роза Ли. Язык трех версий также немного отличается – в соответствии с тем, что считалось рискованным, а что приемлемым на тот момент, когда рукопись в очередной раз редактировалась.

Рассказ был исключен из сборника-омнибуса 1967 года (издательства «Putnam»), объединявшего в себе три тома издательства «Shasta» – «Past Through Tomorrow». Редактор согласился с замечанием Деймона Найта, которого попросили написать предисловие к книге (вероятно, на основе его эссе «Единственный разумный человек», впоследствии вошедшего в книгу «В поисках чуда», издательство «Advent», 1956 г.), что рассказ как в достаточной степени отличается по тональности, так и существенно «слабее» других и потому его следует исключить. В итоге данный рассказ никогда не получил такой известности, как остальные, вошедшие в «Историю будущего», – хотя обсуждаемое в нем событие, изобретение солнечных панелей Дугласа—Мартин, имеет ключевое значение для «Истории будущего» (в то время как события «Линии жизни» относятся к ней лишь косвенным образом).

У рассказа «Да будет свет!» с самого начала была нелегкая судьба – Джон Кэмпбелл отверг его весной 1939 года по причине того, что в нем «слишком много девушки» для читателей «Astounding», и он был продан в «Super Science Stories» Фредерика Пола с измененным названием и под наскоро придуманным Хайнлайном псевдонимом «Лайл Монро» год спустя (за ставку вдвое меньшую, чем в «Astounding»). По случайности он вышел в том же месяце, когда Кэмпбелл опубликовал первую версию таблицы «Истории будущего», и читатели тотчас же заметили, что рассказ – из другой книги и под другим именем автора – включен в «Историю будущего» как ее часть. Псевдоним «Лайл Монро» немедленно стал секретом полишинеля – хотя и не столь важным.

³⁰ Перевод К. Плешкова.

Дороги должны катиться³¹

Рассказ

– Кто заставляет дороги катиться?

Оратор застыл на трибуне, ожидая ответа. Послышались редкие выкрики, пронзающие недовольный гул собравшихся в зале людей:

– Мы!

– Мы!

– Мы, кто же еще!

– А кто там, в преисподней, делает всю грязную работу, чтобы добропорядочные чистюли могли спокойно разъезжать наверху?

На этот раз люди откликнулись дружным ревом:

– Мы-ы!..

Не теряя времени зря, оратор подпускал пару. Слова хлынули единым потоком. Говоривший навис над толпой, стараясь встретиться взглядом с теми, к кому обращался:

– На чем держится бизнес? На дорогах! Что подвозит людям жратву? Дороги! Как они едут на работу? Их везут дороги! А как добираются домой, к своим женам? Опять же – по дорогам!

Он сделал эффектную паузу и, понизив голос, продолжил:

– Где они все окажутся, если вы, парни, перестанете двигать дороги? В заднице, вот где, и они это прекрасно знают! Знают, но что это в них меняет? Да ничего! Неужели мы просим у них слишком много? Или наши просьбы необоснованны? «Право увольняться по собственному желанию». У каждого работника в любом другом месте оно есть. «Равная зарплата с инженерами». А почему бы и нет? Кто здесь настоящие профессионалы – мы или они? Неужели обязательно надо отбарабанить свое в курсантах, нарядившись в их дурацкие шапочки, чтобы выучиться протирать подшипники или опускать барабаны? Кто по-настоящему отработывает свой хлеб – джентльмен в диспетчерской или парень в преисподней? Какие еще у нас требования? «Право самим выбирать инженеров». Да, мы хотим этого! Кто сумеет лучше подобрать инженеров – техники или тупая экзаменационная комиссия, которая даже носа в преисподнюю не совала и не может отличить подшипника от катушки электромагнита?

Он, словно прирожденный актер, сменил темп и еще больше понизил голос:

– Я говорю вам, братья, пора кончать с бессмысленными петициями в Транспортную комиссию и начинать бороться по-настоящему. Пусть слабаки болтают о демократии – в наших руках сила, и мы как раз те самые люди, с которыми им придется считаться!

Пока он так разглагольствовал, в конце зала поднялся человек:

– Брат председатель. – Он дождался очередной паузы и произнес, растягивая слова: – Можно мне пару слов?

– Конечно, брат Харви. Говори.

– Я вот что хочу спросить: для чего вы затеяли весь этот балаган? У нас самая большая почасовая оплата во всей гильдии механиков, у нас полная страховка и пенсия, безопасные условия труда, если не считать шума, из-за которого мы все можем оглохнуть. – Харви демонстративно сдвинул на затылок звукозащитный шлем. Одет Харви был в робу – видно, пришел сюда прямо с дежурства. – Конечно, – продолжал он, – нам приходится предупреждать об уходе за девяносто дней, но какого, спрашивается, хрена, мы же знали об этом, когда поступали на

³¹ С. Логинова, А. Етоева.

работу. Дороги должны катиться, они не могут тормозить всякий раз, когда какому-нибудь бездельнику надоела его работа. А теперь Соупи...

Стук молотка резко его оборвал.

– Простите, – поправился Харви, – я хотел сказать – *брат* Соупи расписывает, какие мы сильные и каким способом нам следует брать за глотку остальной мир. Чушь! Разумеется, мы можем остановить дороги и превратить страну в сумасшедший дом, но на это способен любой псих с банкой нитроглицерина, и ему при этом вовсе не обязательно быть техником. Думаете, мы с вами одни квакаем в этом болоте? Да, наша работа важна, но где бы мы оказались без фермеров и сталеваров, без дюжин других профессий и ремесел?

Его прервал невысокий, болезненного вида человек с выпирающими, словно у крысы, верхними зубами.

– Минуточку, брат председатель, – сказал он. – Я хотел бы задать вопрос брату Харви.

Он повернулся к Харви и ехидно спросил:

– Ты говоришь от имени гильдии или только за себя? Может быть, ты и вовсе не веришь в гильдию? Ты, случаем, не... – он приостановился, скользнув взглядом по костлявой фигуре Харви, – не шпион, а?..

Харви глянул на него так, как смотрят на таракана, плавающего в тарелке с супом.

– Сайкс, – произнес он, – не будь ты таким коротышкой, я вбил бы твои зубы тебе же в глотку. Я помогал создавать нашу гильдию, я бастовал в семьдесят шестом. А ты где тогда был? Со штрейкбрехерами?

Ударил молоток председателя.

– Прекратите, – потребовал он. – Никто из знающих историю гильдии не сомневается в лояльности брата Харви. Продолжаем в обычном порядке. – Он прокашлялся. – Обычно мы не даем слова посторонним. Большинство из вас терпеть не может инженеров, которые с вами работают, но есть среди них один, которого всем нам приятно послушать по неслужебным вопросам. Думаю, это оттого, что у него та же грязь под ногтями, что и у нас. Во всяком случае, имею честь представить вам мистера Шорти Ван Клика!..

Выкрик из зала прервал его:

– *Брата* Ван Клика!

– Отлично, брата Ван Клика, заместителя главного инженера нашего родтауна.

– Благодарю, брат председатель. – Представленный оратор проворно взобрался на трибуну, раздаривая собранию улыбки. Его прямо-таки распирало от внимания к своей персоне.

– Спасибо, братья. Разумеется, наш председатель прав: здесь, в зале гильдии сектора Сакраменто, или в любом другом помещении гильдии я чувствую себя куда уютнее, чем в клубе инженеров. Эти сопляки-курсанты у меня уже в печенках сидят. Кто знает, если бы я окончил один из престижных технических институтов, возможно, я считал бы иначе, но свою точку зрения я вынашивал там, внизу, в «преисподней». А теперь я хочу сказать о ваших требованиях, которые Транспортная комиссия вам же и швырнула в лицо. Вы позволите мне быть откровенным?

– Говори, Шорти!

– Можешь нам доверять!

– Возможно, мне не стоило бы об этом и говорить, но ваши интересы – это мои интересы, и молчать я не могу. Дороги в наши дни – самое главное, а вы – те люди, которые их заставляют катиться. И разве не справедливо бы было, если бы ваше мнение выслушали, а просьбы удовлетворили. Думается, политики достаточно умный народ, чтобы понимать это. Иногда, просыпаясь ночью, я ловлю себя на мысли: а почему бы нам, техникам, не взять это дело полностью в свои руки и?..

* * *

– Мистер Гейнс, звонит ваша жена.

– Хорошо. – Он взял трубку и повернулся к видеоэкрану. – Да, дорогая, я помню, что обещал, но... Ты абсолютно права, дорогая, но из Вашингтона просили показать мистеру Блекинсопу все, что он пожелает. А я никак не думал, что он прибывает сегодня... Нет, я не могу поручить заместителю. Это было бы невежливо. Он министр транспорта Австралии. Я говорил тебе... Да, дорогая, я знаю, что вежливость начинается дома, но ты же понимаешь – дороги должны катиться. Это моя работа, и ты знала, за кого выходила замуж... Да, это тоже часть моей работы... Вот, славная девочка. Мы обязательно поедем куда-нибудь завтра с утра. Давай сделаем так: ты закажи лошадей, завтраки, и мы устроим пикник. Я встречу тебя в Бейкерсфилде, как обычно... До свидания, дорогая. Поцелуй за меня малыша перед сном.

Он положил трубку на пульт, и хорошенькое, хоть и недовольное разговором, лицо жены исчезло с экрана.

В кабинет вошла молодая дама. Когда она открыла дверь, стала видна надпись на ее внешней стороне:

**РОДТАУН ДИЕГО-РЕНО
ГЛАВНЫЙ ИНЖЕНЕР**

Усталым взглядом Гейнс посмотрел на вошедшую:

– А, это вы. Хотите добрый совет, Долорес? Никогда не выходите замуж за инженера. Выходите за художников, они чаще бывают дома.

– Хорошо, мистер Гейнс. Мистер Блекинсоп уже здесь, мистер Гейнс.

– Уже? Я не ждал его так скоро. Видимо, корабль «Антиподов»³² приземлился раньше времени.

– Да, мистер Гейнс.

– Долорес, вы когда-нибудь испытывали эмоции?

– Да, мистер Гейнс.

– Хм... по вам не скажешь. Ну ладно, придется поверить, вы же никогда не ошибаетесь.

Пригласите мистера Блекинсопа.

– Хорошо, мистер Гейнс.

Ларри Гейнс поднялся, приветствуя гостя.

«Не больно представительный малый», – подумал он, протягивая вошедшему руку и обмениваясь принятыми в таких случаях любезностями. Сложенный зонтик и котелок выглядели, пожалуй, чересчур идеально. Оксфордский акцент гостя не мог скрыть резкий гнусавый выговор уроженца Австралии.

– Рад видеть вас, мистер Блекинсоп. Надеюсь, ваше пребывание у нас будет приятным.

Блекинсоп улыбнулся:

– Уверен, что так и будет. Это мой первый визит в вашу замечательную страну. И знаете, я чувствую себя здесь как дома: эвкалипты, коричневые сопки...

– Но цель вашей поездки, конечно же, деловая?

– О, разумеется! Моя основная задача – изучить дорожные города, родтауны, и доложить моему правительству, имеет ли смысл применять поразительный американский опыт для решения наших социальных проблем. Думаю, вы понимаете, что именно по этой причине меня и отправили к вам.

³² Имеется в виду компания «Antipodes Transways», упомянутая Хайнлайном в «Человеке, который продал Луну» и других рассказах. – Примеч. С. В. Голд.

– Да, я так и понял. Не знаю только, что именно вы бы хотели посмотреть. Полагаю, вы уже слышаны о родтаунах – как они начинались, как действуют и так далее?

– Да, конечно, кое-что я читал, но я же не инженер, мистер Гейнс. Моя сфера – социология и политика. Мне было бы интереснее посмотреть, как эти замечательные технические нововведения повлияли на людей. Давайте так: вы будете мне рассказывать о ваших дорогах, как будто я вообще о них ничего не слышал. А я буду задавать вопросы.

– Согласен, это хороший план. Кстати, сколько человек в вашей делегации?

– Только я один. Своего секретаря я отослал в Вашингтон.

– Понятно. – Гейнс взглянул на часы. – Скоро ужин. Я предлагаю пройти на Стоктонскую полосу. Там скоро будет проезжать неплохой китайский ресторанчик – очень даже рекомендую. Перекусим – это займет час, не больше, – а заодно вы посмотрите, как действуют наши дороги.

– Отлично.

Гейнс нажал клавишу, и на большом экране у противоположной стены появился плечистый молодой человек, сидящий за полукруглым пультом, перед которым располагалась контрольная панель, усыпанная приборами. Во рту у него застряла дымящаяся сигарета.

Он поднял глаза, улыбнулся и помахал рукой:

– Мое почтение, шеф. Чем могу служить?

– Привет, Дэйв. Значит, ты сегодня дежуришь? Слушай, я убегаю ужинать в сектор Стоктона. Где Ван Клиг?

– Ушел на какое-то собрание. Куда – не сказал.

– Происшествия были?

– Нет, сэр. Дороги катятся, люди едут домой ужинать.

– Замечательно. Так держать.

– Дороги будут катиться, шеф.

Гейнс отключил связь и повернулся к Блекинсопу:

– Ван Клиг – мой первый заместитель. Последнее время он слишком увлекся политикой, вместо того чтобы почаще бывать на дорогах. Впрочем, Дэвидсон и без него справится. Идем?

Они спустились по эскалатору и вышли на пешеходную дорожку, которая граничила с полосой, бегущей на север со скоростью пять миль в час. Обогнув вход в туннель с указателем «ПРОХОД НА ЮЖНУЮ ДОРОГУ», они остановились у края первой полосы.

– Вам приходилось кататься на транспорте? – поинтересовался Гейнс. – Это очень просто. Шагайте на полосу лицом навстречу движению.

Переходя с ленты на ленту, они начали пробираться сквозь толчею спешащих домой людей. Посреди двадцатимильной полосы им попалась прозрачная перегородка, почти достигающая крыши. Блекинсоп вопросительно вскинул брови.

– Это ветроломы, – ответил на молчаливый вопрос Гейнс и откатил в сторону дверь, приглашая своего спутника пройти дальше. – Если бы у нас не было способа разделения воздушных потоков у полос с различными скоростями, то на стомильной полосе ветер изорвал бы вам всю одежду в клочья.

Во время разговора Гейнсу постоянно приходилось наклоняться к Блекинсопу, чтобы перекрыть свист ветра, шум толпы и приглушенный рокот машин, скрытых под полосой внизу. По мере приближения к середине дороги сочетание этих шумов делало разговор невозможным. Они миновали еще три ветролома, расположенных на сорока-, шестидесяти- и восьмидесятимильных полосах, и наконец добрались до самой быстрой, стомильной полосы, которая пробегала от Сан-Диего до Рено и обратно за двенадцать часов.

Блекинсоп оказался на пешеходной дорожке шириной двадцать футов, ограниченной с другой стороны еще одной перегородкой. Прямо напротив него светилась вывеска:

СТЕЙКИ ДЖЕЙКА № 4

Самая быстрая еда на самой быстрой дороге!

Обед в полете, а мили – в пролете!

– Потрясающе, – сказал Блекинсоп. – Все равно что ужин в трамвае. Там что, действительно хороший ресторан?

– Один из лучших. Конечно, не экстра-класс, но знатоки его уважают.

– В таком случае, может быть...

Гейнс улыбнулся:

– Насколько я понимаю, сэр, вы хотели бы туда заглянуть?

– Право, я не хотел мешать вашим планам.

– Не беспокойтесь. Я голоден как волк, а Стоктон далеко.

Гейнс приветствовал хозяйку, словно знал ее много лет:

– О, миссис Маккой, привет. Как мы поживаем?

– Неужто сам шеф пожаловал? Давненько же мы вас у себя не видали.

Она проводила их в небольшой кабинет, отделенный перегородкой от прочих перекусывающих пассажиров.

– Вы и ваш друг желают поужинать?

– Конечно, миссис Маккой. И во всем полагаемся на ваш вкус, но непременно хотим попробовать ваши замечательные стейки.

– Двухдюймовые, из молодого бычка, который умер счастливым. – Она ушла выполнять заказ, с удивительной грацией для ее грузного тела.

Маккой часто принимала в своем заведении главного инженера и поэтому первым делом принесла и поставила перед ним на столик переносной телефон. Гейнс подключил телефон к розетке на стене кабинета и сразу же набрал номер:

– Алло! Дэвидсон? Дэйв, это я, шеф. Я ужинаю в четвертой столовке Джейка. Звони мне по десять-эль-шестьдесят шесть.

Когда он положил трубку, Блекинсоп вежливо поинтересовался:

– Вы всегда должны сообщать диспетчеру, где находитесь?

– Нет, что вы, – ответил Гейнс, – но знаете, как-то спокойней, когда бываешь в курсе всех дел. Мне или Ван Клику всегда желательно находиться неподалеку от телефона, чтобы старший сменный инженер – сейчас это Дэвидсон – в случае необходимости знал, где нас найти. Сами понимаете: если возникнет чрезвычайная ситуация, я обязан знать об этом в первую очередь.

– А что может вызвать чрезвычайную ситуацию?

– В основном две вещи: в первую очередь – обесточивание роторных барабанов, это останавливает дорогу и оставит миллионы людей в сотнях миль от дома. Если такое произойдет в час пик, нам придется эвакуировать всех этих людей с дороги, что не так просто сделать.

– Вы сказали – миллионы людей. Неужели их здесь так много?

– Конечно. От дороги, по которой мы сейчас едем, зависят двенадцать миллионов человек, живущих или работающих в пятимильной полосе вдоль всего ее протяжения.

* * *

Век энергии почти неразличимо сливается с веком транспорта, но два ключевых события четко разделены по времени: получение дешевой солнечной энергии и пуск первой механической дороги.

Несмотря на вспыхивавшие от случая к случаю кампании за экономию энергетических ресурсов, уголь и нефть в США были позорным образом разбазарены еще в первой половине двадцатого века. За этот же период автомобиль, начинавший как скромная, одноцилиндровая безлошадная карета, превратился в стального монстра мощностью в сотню лошадиных сил и скоростью, превышающей сто миль в час. Даже в провинции автомобили кишели, словно

дрожжи в закваске. Только по данным 1955 года один автомобиль приходился на каждых двух человек.

Они несли в себе семена собственной гибели. Восемьдесят миллионов стальных джаггер-наутов, несущихся на огромной скорости и управляемых далекими от совершенства людьми, принесли разрушений и жертв больше, нежели война. В том же 1955 году суммы, выплаченные владельцами автомобилей в качестве взносов на обязательное страхование имущества и возможного ущерба, превысили суммы, затраченные на покупку автомобилей. Кампании за безопасность движения стали хроническим явлением, но при этом они явно напоминали благочестивые попытки королевской рати собрать Шалтая-Болтая. В многолюдных мегаполисах безопасно управлять автомобилем было физически невозможно. В ходу были мрачные шуточки вроде: пешеходы делятся на две категории – быстрые и мертвые.

А еще пешехода определяли как водителя, которому посчастливилось отыскать стоянку для своей машины. Автомобили породили большие города, а затем сами же их и задушили своим громадным количеством. Еще в 1900 году Герберт Уэллс указал, что предел роста городов может быть математически предсказан исходя из возможностей его транспортных средств. Казалось бы, скорость автомобилей позволяет городам вырастать до двухсот миль в диаметре, но постоянные транспортные пробки и растущая опасность, исходящая от мощных, плохо управляемых машин, перечеркнули эту возможность.

В 1955 году «главная улица Америки» – шоссе № 66, Лос-Анджелес—Чикаго – была переоборудована в суперхайвей с нижним пределом скорости шестьдесят миль в час. Строительство дороги планировалось как госзаказ, она должна была поддержать развитие тяжелой промышленности, однако появление трассы имело неожиданные последствия. Большие города, Чикаго и Сент-Луис, выпустили навстречу друг другу что-то наподобие псевдоподий и слились, встретившись возле Блумингтона, штат Иллинойс. Вдоль магистрали выросла застроенная полоса, а население городов-родителей стало меньше.

В этом же году в Сан-Франциско произошла замена устаревших фуникулеров на эскалаторы, действующие от солнечных панелей Дугласа—Мартин. И хотя в том же 1955 году было выдано самое большое количество лицензий на вождение автомобиля, закат автомобильной эры был уже не за горами. Первым предупреждением об этом стал Закон о государственной обороне, принятый в 1957 году.

Этот закон, с таким трудом прошедший через Конгресс, объявил нефть стратегическим сырьем. Вооруженные силы получили приоритетное право на все наземные и подземные запасы нефти, а восемьдесят миллионов гражданских автомобилей оказались на голодном пайке. «Временные» ограничения Второй мировой войны превратились в постоянные.

Возьмем скоростные автострады того времени, урбанизированные вдоль всей своей длины. Добавим к ним механизированные улицы сан-францисских холмов. Нагреем до температуры кипения неизбежной нехваткой бензина и приправим полученную смесь изобретательностью янки. В результате получим первую механическую дорогу, которая была открыта в 1960 году между Цинциннати и Кливлендом.

Как и следовало ожидать, ее конструкция была довольно примитивна и основана на ленточных транспортерах, разработанных для шахт десятью годами ранее. Самая быстрая полоса имела скорость всего тридцать миль в час и была довольно узкой, так что никто и не помышлял заниматься на ней мелкой торговлей. Тем не менее эта лента оказалась прототипом сложнейшей социальной структуры, которой предстояло доминировать на американском континенте в последующие десятилетия. Сельская и городская культуры слились, объединенные быстрым, дешевым и удобным транспортом.

Фабрики – широкие низкие здания, с крышами, покрытыми солнечными панелями того же типа, что двигали полосы, – тянулись по обеим сторонам дороги. Между ними и позади них находились отели, магазины, театры, жилые дома. А чуть дальше от дороги начиналась

загородная территория, где и проживала основная часть населения. Небольшие коттеджи расположились среди холмов, по берегам рек, тут и там виднелись между сельскими фермами. Люди работали в городе, а жить предпочитали в деревне – но между работой и домом было не больше десяти минут ходьбы.

* * *

Миссис Маккой сама обслуживала шефа и его гостя. Появление знаменитых стейков вмиг оборвало разговор.

В это время впереди и позади них, вдоль всей протянувшейся на шестьсот миль линии, дежурные инженеры секторов каждый час выслушивали доклады техников, следящих за своими подсекторами.

«Подсектор первый – норма!», «Подсектор второй – норма!». Натяжение, напряжение, нагрузка, температура подшипников, показания синхротахметров... «Подсектор седьмой – норма!» Все техники, как один, – выносливые толковые люди в робах, проводящие большую часть жизни в «преисподней», среди вечного шума стомильной полосы, пронзительного визга приводных роторов и стонов передаточных роликов.

Дежурный инженер Дэвидсон рассматривал схему дороги, светящуюся на стене центральной диспетчерской сектора Фресно. Миниатюрная стомильная полоса на схеме едва заметно двигалась, и Дэвидсон машинально отметил место, где располагался «Стейк-хаус Джейка № 4». Шеф скоро доберется до Стоктона, надо будет позвонить ему после проверки. На трассе все спокойно, транспортная нагрузка нормальная для часа пик. Когда все вот так идет своим чередом, дежурный в центральной диспетчерской может спокойно вздремнуть, и никто этого не заметит.

Дэвидсон повернулся к курсант-инженеру:

– Мистер Барнс.

– Да, сэр.

– Как насчет чашки кофе?

– Неплохая идея, сэр. Я закажу, как только поступят все рапорта.

Минутная стрелка хронометра на панели управления подошла к двенадцати. Курсант щелкнул тумблером.

– Всем секторам доложить о ходе работ! – произнес он ломающимся от волнения голосом.

На экране появились лица двух дежурных по сектору. Тот, что помладше, тоже из всех сил стараясь скрыть смущение, отрапортовал:

– Диего-Кольцевая – катится!

Почти мгновенно их сменили двое других:

– Сектор Анджелес – катится!

Еще через секунду:

– Сектор Бейкерсфилд – катится!

И:

– Сектор Фресно – катится!

Последней отчиталась Рено-Кольцевая. Курсант повернулся к Дэвидсону и доложил:

– Дороги катятся!

– Очень хорошо – так держать!

Неожиданно видеоэкран осветился вновь.

– Сектор Сакраменто – дополнительный рапорт.

– Слушаю.

– Курсант Гюнтер – дежурный курсант-инженер сектора – во время инспекционной проверки обнаружил, что курсант Алек Джинс и техник второго класса Р. Дж. Росс играли на посту в карты. Как долго они отлынивали от патрулирования сектора – в точности неизвестно.

– Повреждения есть?

– Один барабан перегрелся, но остался синхронизирован. Его немедленно опустили и заменили другим.

– Очень хорошо. Прикажите бухгалтерии рассчитать Росса и передайте его дело гражданским властям. Курсанта Джинса – под арест и доставить ко мне.

– Слушаю, сэр.

– Так держать!

Дэвидсон повернулся к пульту управления и набрал временный номер главного инженера Гейнса.

* * *

– Мистер Гейнс, вы говорили, что есть две вещи, которые могут вызвать серьезные проблемы на дороге, но упомянули только обрыв питания роторов.

Гейнс собрал с тарелки остатки салата и только тогда ответил:

– На самом деле второй проблемы не существует – этого просто не может произойти. Но я все же скажу: мы сейчас едем со скоростью сто миль в час. Можете представить, что будет, если полоса под нами неожиданно разорвется?

Мистер Блекинсоп беспокойно заерзал на стуле:

– М-да, наверно, это было бы неприятно. Я хочу сказать, что, сидя в этом уютном кабинете, я как-то совсем забыл, с какой скоростью мы несемся. Ну, так что бы тогда произошло?

– Пусть это вас не тревожит. Лента не может разорваться. Она собрана из перекрывающихся секций и имеет двенадцатикратный запас прочности. Чтобы она порвалась, должны заглухнуть сразу несколько миль роторов и разом отказать все предохранители на оставшейся части дороги.

Но такое однажды случилось на трассе Филадельфия—Джерси-Сити, и мы вряд ли это забудем. Авария произошла на одной из первых скоростных дорог. По ней перевозилось огромное количество пассажиров и грузов – она обслуживала большой индустриальный район. Та полоса была не более чем ленточным транспортером, и при строительстве никто не предполагал, какой вес она будет нести. Катастрофа случилась при максимуме нагрузки, когда лента была переполнена людьми. Полоса позади разрыва на нескольких милях вздыбилась вверх, на скорости восемьдесят миль в час размазывая пассажиров о крышу. Секция перед разрывом щелкнула, словно кнут, расшвыряв людей на соседние полосы, и сбросила их вниз на вращающиеся барабаны или ударила о крышу.

Погибших было больше трех тысяч, и по всей стране вспыхнуло движение за запрещение дорог. По приказу президента их даже остановили на неделю, но потом пустили опять. Им не было альтернативы.

– Но почему?

– Страна стала экономически зависимой от дорог. К тому времени они превратились в основное средство сообщения в промышленных районах – в единственное, которое имело какое-то экономическое значение. Фабрики встали, продовольствие не подвозилось, людям угрожал голод – президент был просто вынужден пустить дороги опять. Другого выхода не было, социальная модель вылилась в определенную форму, которую стало уже невозможно изменить в одночасье. Крупное индустриальное общество должно иметь и соответствующий транспорт, не только для людей, но и для торговли.

Мистер Блекинсоп зачем-то скомкал салфетку и неуверенно произнес:

– Мистер Гейнс, я не собираюсь умалять изобретательность и достижения вашего великого народа, но вспомните поговорку: нельзя укладывать слишком много яиц в одну корзину. По-моему, это слишком рискованно – ставить экономику всей страны в зависимость от механизмов какого-то одного типа.

– Я вас понимаю, – спокойно ответил Гейнс. – Правда в ваших словах есть, но далеко не вся. Любая цивилизация, поднявшаяся выше натурального крестьянского хозяйства, зависит от какого-то одного, ключевого типа машин. Старый Юг держался на хлопкоочистительных машинах. Британская империя возникла благодаря паровым двигателям. Большие народы, если они хотят выжить, должны иметь развитое производство, источники энергии и транспорт. Если бы не техника, наша цивилизация никогда бы не встала на ноги. Это не вина техники – это ее сила.

Но и в самом деле, когда техника достигает высокого уровня, люди от нее начинают зависеть. Техника обеспечивает высокий уровень жизни, а нам приходится поддерживать ее работоспособность или страдать от последствий, ежели она вдруг откажет. Но реальный источник опасности кроется не в технике, а в людях, которые управляют машинами. Дороги, если рассматривать их только как механизмы, в полном порядке. Они мощны и безопасны и способны делать то, для чего предназначены. Нет, угроза таится не в машинах, а в людях.

Когда цивилизация начинает зависеть от техники, она становится заложницей тех людей, что обслуживают механизмы. Если у работников сильно развито чувство ответственности, а мораль их высока...

За стеной кто-то на полную мощность включил радио. Взрыв музыки заглушил голос Гейнса. Когда звук немного убавили, Гейнс сказал:

– Кстати. Вот прекрасная иллюстрация к тому, что я говорил.

Блекинсон прислушался. По радио передавали марш с навязчивым, затягивающим ритмом и в современной аранжировке. Оркестр подражал шуму моторов, ритмичному стуку работающих машин. На лице австралийца появилась улыбка – он узнал мотив.

– Это же гимн полевой артиллерии «Сбор канониров», правильно? Но я не вижу связи с тем, что вы рассказывали.

– Сейчас увидите. Это действительно музыка артиллерийского марша, но мы дали ей другие слова. Теперь это называется «Гимн курсантов-дорожников». Вот, послушайте.

Навязчивый ритм марша, казалось, слился в одно целое с шумом дороги. Затем вступил мужской хор:

Слушай дороги гуд,
Смотри, как они бегут!
Наш бесконечен труд, вечен пот,
Ибо наши дороги идут вперед!
Покуда вы мчите,
Покуда скользите,
Мы снизу следим за главным событием:
Как наши дороги идут вперед!

Ну-ка, быстро, быстро, быстро!
Мы недаром мотористы.
Живо сектора проверьте:
Первый, и второй, и третий!
И куда б вы ни попали,
Вы забудете едва ли,
Что ваши дороги идут вперед!

ТАК ПУСТЬ ОНИ КАТЯТСЯ! Это ваши дороги идут вперед!

– Вы слышите? – оживленно воскликнул Гейнс. – Слышите?.. Вот в чем подлинное назначение Академии транспорта США. Вот почему транспортники – полувоенная специальность со строгой армейской дисциплиной. Мы – узкое место, *sine qua non*, неперемненное условие существования индустрии и всей экономической жизни. В любых других отраслях возможны забастовки, но они вызовут лишь временные и локальные трудности. Иногда могут случаться неурожаи – страна переживет их довольно легко. Но дороги перестанут катиться – остановится все. Результат будет такой же, как при всеобщей забастовке, но с одним важным отличием: всеобщую забастовку должна поддержать большая часть населения, которых надо как следует поприжать, чтобы они решились на такой шаг. А вот люди, которые управляют дорогами – как бы мало их ни было, – способны вызвать полный паралич всей страны.

Пока у нас была всего одна дорожная забастовка – в семьдесят шестом. Причины ее были действительно серьезные, она выявила множество злоупотреблений. Но повториться она не должна!

– А что, по-вашему, мистер Гейнс, может служить порукой, чтобы такое больше не повторилось?

– Гордость работников – *esprit de corps*. Техникам дорожной службы постоянно внушается мысль, что они не просто трудятся, а выполняют священный долг. Кроме того, мы делаем все возможное, чтобы улучшить их социальное положение. Еще больше внимания мы уделяем Академии. Мы хотели бы выпускать не просто инженеров, а преданных делу людей, людей с железной самодисциплиной и желанием выполнять свой долг всегда, при любых обстоятельствах и несмотря ни на что. У нас есть прекрасные образцы для подражания: Аннаполис, Вест-Пойнт, Годдард.

– Годдард? Ах да, Ракетная академия. Ну и каковы же ваши успехи?

– Возможно, они могли быть и лучше, но мы стараемся. Нужно время, чтобы возникла традиция. Вот когда выпускник Академии, поступивший в нее мальчишкой, превратится в самого старого дорожного инженера, тогда можно будет немного расслабиться и считать, что главная задача выполнена.

– Вы сами, конечно, тоже кончали Академию?

Гейнс улыбнулся:

– Вы мне льстите. Неужели я кажусь таким молодым? Меня перевели сюда из армии. Видите ли, во время забастовки семьдесят шестого Министерство обороны целых три месяца обслуживало дороги. Я был в составе согласительной комиссии, она урегулировала условия труда, решала вопрос о повышении зарплаты и все остальное. Ну а после меня приписали...

Сигнальная лампочка на переносном телефоне замигала красным.

– Извините, – сказал Гейнс и поднял трубку. – Да?

Блекинсон мог слышать голос на другом конце провода:

– Шеф, это Дэвидсон. Дороги катятся!

– Отлично. Так держать!

– Поступил еще один тревожный рапорт из Сакраменто.

– Опять? Что там на этот раз?

Но прежде, чем Дэвидсон успел ответить, связь оборвалась. Гейнс начал набирать номер, и в этот момент чашка с недопитым кофе опрокинулась ему на колени. В ровное жужжание дороги вплелась незнакомая тревожная нота, Блекинсона качнуло на край стола.

– Что случилось, мистер Гейнс?

– Не знаю. Аварийная остановка – бог знает почему.

Несколько раз он раздраженно набирал номер, потом бросил трубку, не заботясь, чтобы она попала на место.

– Телефоны не работают. Пойдемте! Хотя нет, вам лучше обождать здесь, так безопасней.

– Можно я пойду с вами? Если не возражаете.

– Ладно, но не отходите от меня далеко.

Он отвернулся, тут же выкинув австралийского министра из головы.

Полоса медленно останавливала свой бег. Гигантские роторные барабаны и мириады роликов все еще двигались по инерции, предотвращая резкую остановку; она оказалась бы гибельной для всех, кто находился на полосе. У выхода из ресторана уже столпилась кучка пассажиров, прервавших ужин, – они устроили давку в дверях.

– Стойте!

В голосе человека, привыкшего к повиновению окружающих, есть что-то, заставляющее ему уступать. Возможно, это особая интонация или та гипнотическая сила, которой, как говорят, отличаются укротители диких зверей. В критическую минуту таинственное «нечто» проявляется и подчиняет даже тех, кто не привык к послушанию.

Пассажиры замерли. Гейнс продолжал:

– Всем оставаться на местах, пока мы не подготовим эвакуацию. Я – главный инженер. Здесь вам ничто не угрожает. Вы! – Он указал на здорового парня, стоящего в дверях. – Назначаетесь старшим. Проследите, чтобы больше никто не выходил из ресторана. Миссис Маккой, продолжайте обслуживание.

Гейнс вышел наружу, Блекинсон последовал за ним.

На самой полосе ситуация выглядела далеко не так просто. Стояла одна стомильная полоса, в то время как рядом с ней бешено мчалась другая, делавшая девяносто пять миль в час. Скорость не позволяла рассмотреть людей, стоявших на движущейся полосе, и их мелькающие фигуры казались вырезанными из картона.

Когда произошла авария, пешеходная дорожка стомильной полосы была переполнена. И теперь посетители магазинов, ресторанов и прочих торговых точек, комнат отдыха и видеозалов высыпали на улицу, желая узнать, что же случилось. И тут же произошла первая трагедия.

Толпа, напирая, вытолкнула на край дорожки какую-то женщину средних лет. Пытаясь удержать равновесие, та ступила на летящую мимо девяностопятимильную полосу. Еще не опустив ногу полностью, она поняла, что сделала, и в отчаянии закричала. Спустя мгновение движущаяся полоса рванула ее и покатила, придав упавшему телу скорость девяносто пять миль в час – сто тридцать девять футов в секунду. Покатившись, женщина повалила несколько картонных фигурок, скосив их, как серп траву, и через секунду пропала с глаз, унесенная потоком дороги. Кто была эта женщина, жива ли, сильно ли пострадали сбитые ею люди, – можно было только гадать.

Но этим дело не кончилось. Одну из картонных фигурок, тех, что она скосила, выбросило на стомильную полосу, фигурка врезалась в потрясенную толпу, и люди увидели человека, живого, но искалеченного, в крови, лежащего среди тел несчастных жертв, прервавших его полет.

И это было только начало. Несчастье распространялось лавиной, каждая сбитая кегля в этой безумной игре неминуемо сбивала другие, те касались опасной границы, и их снова швыряло в толпу людей, пока еще сохраняющих равновесие.

Центр бедствия давно скрылся из глаз. Блекинсон не видел всего, но его ум, привыкший вести дела в пересчете на миллионы людей, умножил кровавую лавину, что зародилась здесь, на двенадцать тысяч миль забитой людьми дороги, – и у него похолодело внутри.

К удивлению Блекинсопа, Гейнс не стал помогать упавшим и успокаивать охваченную страхом толпу, он решительно повернул к ресторану. Блекинсон сначала не понял, но, когда до него дошло, что они и вправду возвращаются в ресторан, он схватил Гейнса за рукав:

– Разве мы не поможем этим несчастным?

Гейнс на ходу оглянулся. Это уже не был прежний радушный хозяин, принимающий высокого гостя. Лицо застыло, исчезла мальчишеская молодость, весь он был сплошная энергия, управляемая холодной волей.

– Нет. Им помогут соседи. Мне надо заниматься дорогой. Всей. Целиком. Не мешайте.

Шокированный и слегка возмущенный политик стих. Он смирился. Разумом Блекинсоп понимал, что главный инженер прав: человек, отвечающий за жизнь миллионов, не может все бросить ради нескольких пострадавших, – но такой неприкрытый прагматизм был ему отвратителен.

Гейнс вернулся в ресторан.

– Миссис Маккой, где тут у вас запасной выход?

– На кухне, сэр.

Гейнс поспешил туда, Блекинсоп за ним. Мальчишка-филиппинец, который резал салат, увидев бегущих людей, быстро отскочил в сторону. Недолго думая, Гейнс взобрался на кухонный стол, смахнув с него разложенную мальчишкой зелень. Он дотянулся до круглого люка в потолке и открыл его с помощью ручного штурвала. Тут же был откидной металлический трап, закрепленный крючком на потолке.

Пытаясь поспеть за Гейнсом, Блекинсоп потерял шляпу. Оказавшись на крыше здания, Гейнс зажег карманный фонарик и принялся изучать верхнее перекрытие дороги. Согнувшись чуть ли не вдвое, он возился в тесном четырехфутовом промежутке между крышей ресторана и перекрытием.

Вскоре он нашел, что искал. В пятидесяти футах в стороне обнаружился другой лаз, похожий на тот, через который они только что пролезали. Гейнс крутанул колесо замка, выпрямился, положив руки на край отверстия, и одним ловким движением запрыгнул на крышу. Его компаньон полез следом за ним, хотя у него это получилось не сразу.

Они оказались в темноте, мелкий холодный дождь падал сверху на лица. Под ногами от горизонта до горизонта тянулись, слабо фосфоресцируя, солнечные энергетические панели. Та часть падающей на них лучистой энергии, которую не удавалось преобразовать в электричество, рассеивалась в воздухе. Она-то и создавала это призрачное свечение. Свет этот был так слаб, что по-настоящему ничего осветить не мог, он больше напоминал призрачный отблеск заснеженной равнины при свете звезд.

Ступая в этом призрачном свете, они отыскиали проход, по которому им предстояло добраться до невидимой из-за дождя стены примыкающих к дороге зданий. Узкая лента мостков таяла в темноте за плавным изгибом крыши. Они побежали по мосткам, стараясь двигаться как можно быстрее, насколько позволяла темнота и скользкие ступени. Блекинсоп все никак не мог успокоиться, возмущенный бездушием Гейнса. Несмотря на аналитический ум, по натуре он был человек отзывчивый, он чувствовал свою сопричастность простому люду, а без этого никакой политик со всеми его достоинствами и недостатками не может рассчитывать на успех.

Вот потому-то Блекинсоп инстинктивно не доверял тем, чьими поступками управляет исключительно логика. Сам он отлично понимал, что если держаться одной лишь логики, то можно запросто зачеркнуть сам смысл существования рода человеческого, не говоря уже о человеческих ценностях, служению которым он себя посвятил.

Если бы он мог проникнуть сквозь броню сосредоточенности своего спутника, он бы, возможно, успокоился. Глядя со стороны, и вправду можно было подумать, что в голове у Гейнса работает электронное устройство, которое мгновенно анализирует поступающую информацию, вырабатывает варианты действий, бесстрастно откладывая окончательное решение до тех пор, пока не будут получены все необходимые данные. Но в глубине души, в нише, надежно отгороженной от действующего ума строгой самодисциплиной, он сильно переживал, и лишь привычка сдерживать свои чувства не давала им выходить наружу. Душа его мучилась от тех

бесконечных упреков, которыми он сам себя осыпал. Видя страдания людей, он места себе не находил, представляя, что творится сейчас вдоль всей полосы дороги. Гейнс не знал, чем вызвана катастрофа и где искать виноватых, зато очень хорошо понимал, что часть вины лежит на нем, – потому что власть порождает ответственность.

Он слишком долго нес на своих плечах нечеловечески тяжкое бремя руководства, какое ни один нормальный человек не смог бы выдержать, и сейчас он опасно приблизился к той роковой черте, за которой капитаны вместе со своими кораблями отправляются напрямик на дно. И только необходимость немедленных и конкретных действий поддерживала его в эти минуты.

Но на его лице не было и следа бушевавшей в глубине бури.

На стене здания зеленым пунктиром светились стрелки, указывающие влево. А над ними, там, где узкая тропинка упиралась в стену, горел указатель: «ПРОХОД ВНИЗ». Гейнс и следом за ним задыхающийся Блекинсоп поспешили туда. Они миновали дверь, пробитую в стене, спустились по узкой лестнице, освещенной одинокой люминесцентной лампой, и оказались на переполненной шумной толпой неподвижной пешеходной дорожке, примыкающей к северной магистрали.

Рядом с лестницей, чуть правее, стояла телефонная будка. Сквозь стеклянную дверь был виден солидный, прилично одетый господин, увлеченно говоривший что-то своей не менее представительной собеседнице, чье изображение виднелось на экране. Еще три человека дожидались своей очереди.

Гейнс протолкался к будке, рывком распахнул дверь, ухватил за плечи изумленного и возмущенного человека и выпихнул его вон, захлопнув за ним дверь. Одним движением он убрал с экрана матрону – та даже слова не успела сказать – и нажал кнопку «экстренный вызов».

Он ввел свой личный код, и на экране возникла осунувшаяся физиономия дежурного инженера Дэвидсона.

– Докладывайте!

– Это вы, шеф! Слава богу! Где вы? – воскликнул Дэвидсон с облегчением.

– Докладывайте!

Старший дежурный офицер овладел собой и принялся излагать суть дела:

– В девятнадцать ноль девять натяжение двадцатой полосы сектора Сакраменто внезапно выросло. Прежде чем мы успели что-либо предпринять, оно вышло за критический уровень. Сработала блокировка. Подача энергии на полосу прекратилась. Причина аварии неизвестна. Связи с диспетчерской в Сакраменто нет. Они не отвечают ни по запасному, ни по коммерческому каналу. Попытки наладить связь продолжаются. Послан курьер из подсектора десять сектора Стоктон. О жертвах не сообщалось. Пассажирам по трансляционной сети рекомендовано держаться подальше от девятнадцатой полосы. Принимаются меры по эвакуации людей.

– Жертвы есть, – прервал Гейнс. – Вызывайте полицию и скорую помощь. Срочно!

– Слушаюсь, сэр! – Дэвидсон повернулся, чтобы отдать распоряжение, но дежурный курсант уже принялся его выполнять. – Шеф, мне отключать остальную часть дороги?

– Не надо. Думаю, что жертв больше не будет. Продолжайте транслировать предупреждение. И смотрите, чтобы не встали другие полосы, иначе получим такую пробку, что сам черт ее не пробьет.

Принимая такое решение, Гейнс исходил из того, что остановить полосу легко, а вот разогнать ее снова можно, только предварительно разгрузив. Роторы не такие мощные, чтобы сдвинуть с места ленту, переполненную людьми и грузами. После остановки дороги пришлось бы сначала эвакуировать со всех полос пассажиров, затем, исправив положение на двадцатой, опять запустить дорогу и лишь после этого решать проблему с образовавшейся пробкой. А тем временем пять с лишним миллионов людей, застрявших вдали от дома, задали бы серьезную

задачу полиции. Гораздо проще и безопаснее было эвакуировать людей с двадцатой полосы по крыше, чтобы они могли добраться до дома с помощью оставшихся полос.

– Сообщите мэру и губернатору, что я принимаю чрезвычайные полномочия, – распорядился Гейнс. – Поставьте в известность начальника полиции, пусть выполняет ваши распоряжения. Прикажите коменданту вооружить всех имеющихся под рукой курсантов и ждать дальнейших приказов. Выполняйте!

– Есть, сэр! Надо ли вызвать свободных от дежурства техников?

– Нет. Это не авария. Посмотрите на ваши данные – целый сектор остановился одновременно. Не иначе как кто-то вручную отключил роторы. Впрочем, нет, техников соберите тоже, но не вооружайте и в «преисподнюю» посылать не надо. Скажи коменданту, чтобы срочно направил весь наличный состав курсантов-старшекурсников в десятый подсектор Стоктона в мое распоряжение. Вооружите их пистолетами и усыпляющими гранатами и обеспечьте моноциклами.

– Слушаюсь, сэр!

К плечу Дэвидсона склонился клерк и что-то прошептал ему на ухо.

– Шеф, – сказал Дэвидсон, – с вами хочет переговорить губернатор.

– У меня нет времени. У вас, кстати, тоже. Кто ваш заместитель? Вы за ним посылали?

– Хаббард. Он уже здесь.

– Вот пусть он и разбирается с губернатором, мэром, газетчиками – с кем угодно, хоть с Белым домом. А вы занимайтесь дежурством. Все, я отключаюсь. Выйду на связь, когда разыщу патрульную машину.

Экран не успел погаснуть, когда Гейнс был уже на улице.

Блекинсоп, не решаясь заговорить, последовал за ним на северную двадцатимильную полосу. Там Гейнс остановился у ветролома, повернулся и начал присматриваться к стене, мимо которой они двигались. Заметив какой-то ориентир или неведомый его спутнику знак, он, словно фигуристка, исполняющая на льду пробежку, метнулся обратно на неподвижный тротуар. Все произошло так быстро, что Блекинсоп отстал от него на несколько сот футов и едва не потерял из виду, когда Гейнс нырнул в какую-то дверь и побежал по лестнице вниз.

Они оказались в узком эксплуатационном туннеле, в «преисподней». Всепроникающий гул обрушился на них, заполнил уши и каждую клеточку тела. Блекинсоп, ошалев от шума, смутно воспринимал окружающее. Прямо перед ним, освещенный желтым светом дуговой лампы, находился один из роторов, приводящих в движение пятимильную полосу: его огромный барабан медленно вращался вокруг многочисленных катушек статора. Верхняя часть барабана прижималась к ползущей над головами ленте дороги, передавая ей свое движение.

Справа и слева, на сколько хватало глаз, крутились другие роторы. Промежутки между работающими роторами тесно, словно сигары в коробке, заполняли ряды роликов, обеспечивающих непрерывную опору движущейся ленте. Сами они опирались на арки, собранные из стальных балок; сквозь их переплетение Блекинсоп видел новые и новые ряды роторов, расставленных в шахматном порядке, и роторы в каждом следующем ряду вращались быстрее, чем в предыдущем.

Неподалеку от узкого тротуара, на котором они стояли, за линией стальных опор, параллельно рядам роторов, – мощеная насыпная дорога; с тротуаром дорога соединялась пандусом. Гейнс, не скрывая своего раздражения, всматривался в туннель, по которому она шла. Блекинсоп спросил было, что он там ищет, но обнаружил, что не слышит и собственного голоса. Невозможно было перекричать лязг тысячи роторов и визг сотен тысяч роликов.

Гейнс по движению губ понял вопрос Блекинсопа. Соорудив из ладоней рупор, он прокричал Блекинсопу на ухо:

– Нет машины! Здесь должна быть машина!

Австралиец, желая помочь и не зная, как это сделать, схватил Гейнса за руку и показал куда-то назад, в джунгли механизмов. Гейнс взглянул в том направлении и увидел группу людей, которых не замечал раньше.

В нескольких полосах от них шестеро человек суетились у одного из барабанов. Опустив барабан так, чтобы он больше не соприкасался с дорогой, они собирались полностью его заменить. Замена лежала рядом, на низкой массивной тележке.

Главный инженер улыбнулся Блекинсопу в знак благодарности и направил фонарь на группу работающих людей, сфокусировав луч в тонкую яркую иглу света. Один из техников поднял голову; Гейнс ему просигналил. Человек отделился от остальных и бегом направился к ним.

Подбежавший механик оказался худощавым молодым человеком, одетым в робу. На голове у него были наушники и нелепая шапочка с золотой кокардой и знаками отличия. Курсант узнал главного инженера и козырнул. Его лицо приняло по-детски серьезное выражение.

Гейнс сунул фонарь в карман и принялся быстро жестикулировать, объясняясь с помощью языка, похожего на язык глухонемых. Блекинсоп покопался в своих дилетантских знаниях и решил, что больше всего это напоминает язык жестов американских индейцев, хотя порой пальцы повторяли движения гавайской хула-хула. Разумеется, так только казалось, поскольку язык был приспособлен для технических нужд и состоял почти целиком из специальных терминов.

Курсант ответил на том же языке, подошел к краю насыпной дороги и направил луч своего фонаря на юг. Световое пятно выхватило из темноты машину; она была еще далеко, но приближалась с огромной скоростью. Затормозив, машина остановилась около них.

Это был небольшой экипаж, внешне напоминающий яйцо, поставленное на два колеса. Передняя часть откинулась вверх, и показался водитель – тоже курсант. Гейнс несколькими жестами объяснился с ним, затем протолкнул Блекинсопа в тесный пассажирский отсек и сам втиснулся следом.

Прозрачный колпак еще не успел встать на место, когда их ударил шквал ветра от пронесшихся мимо машин. Из трех австралиец успел разглядеть лишь последнюю. Они мчались на север со скоростью не меньше двухсот миль в час. Блекинсопу показалось, что за стеклом последней машины мелькнули маленькие кадетские шапочки – впрочем, полной уверенности у него не было.

Спросить Блекинсоп так и не успел – водитель дал старт. Гейнс, не обращая внимания на перегрузки, вызывал по встроенному телефону Дэвидсона. В закрытой машине стало достаточно тихо, чтобы можно было говорить. На экране появилось лицо телефонистки релейной станции.

– Соедините меня со старшим дежурным офицером!

– О, мистер Гейнс! С вами хочет говорить мэр, мистер Гейнс!

– Пошлите его к черту и дайте Дэвидсона! Скорее!

– Хорошо, сэр!

– И еще: держите этот канал соединенным с пультом Дэвидсона, пока я не прикажу отключить.

– Слушаюсь. – Телефонистка исчезла с экрана, уступив место дежурному офицеру.

– Это вы, шеф? У нас пока никаких новостей.

– Ладно. Ты можешь связываться со мной по этому каналу или через пост управления десятым подсектором. У меня – все.

Лицо Дэвидсона вновь сменилось лицом телефонистки.

– Звонит ваша жена, мистер Гейнс. Будете говорить?

Гейнс пробормотал что-то не слишком вежливое, потом ответил:

– Да.

На экране появилась миссис Гейнс. Не дожидаясь, когда она начнет говорить, он выпалил на одном дыхании:

– Дорогая, со мной все в порядке, буду дома, когда сумею добраться, я сейчас очень занят. И быстренько отключил телефон. Экран погас.

Машина резко затормозила и остановилась у лестницы, ведущей в пост управления десятым подсектором. Они вышли наружу. Три больших грузовика стояли на пандусе, а три взвода курсантов замерли в шеренгах по стойке смирно.

Подбежавший к Гейнсу курсант отдал честь:

– Дежурный курсант-инженер Линдсей, сэр. Дежурный инженер просил вас немедленно пройти на пост.

Они вошли в комнату, и дежурный офицер обратился к Гейнсу:

– Шеф, вас вызывает Ван Клик.

– Давайте.

Ван Клик появился на большом экране.

– Привет, Ван, – произнес Гейнс. – Ты где?

– На посту Сакраменто. Теперь слушай...

– В Сакраменто? Отлично! Докладывай.

Ван Клик соорудил презрительную гримасу:

– Черта с два я буду тебе докладывать. Никакой тебе я больше не заместитель. Ты теперь мне будешь докладывать.

– Что, черт возьми, ты несешь?

– Слушай и не перебивай меня, тогда все узнаешь. Тебе конец, Гейнс. Я избран председателем Временного комитета управления Новым порядком.

– Ван, у тебя все дома? О каком Новом порядке ты говоришь?

– Узнаешь. Сегодня произошла функционалистическая революция. Вы ушли, и мы теперь вместо вас. Это мы остановили двадцатую, чтобы показать вам, что мы многое можем и больше шутить не намерены.

* * *

Книга «О функциях: Трактат о естественном устройстве общества» впервые увидела свет в 1930 году. Она была заявлена как научно обоснованная теория социальных отношений. Ее автор – Пол Декер – отвергал «устаревшие и пустые» идеи демократии и равенства людей, предлагая взамен систему, в которой люди оценивались «функционально», то есть по той роли, которую они играли в экономической цепочке. Основное положение этой теории гласило, что каждый человек может и должен обладать той степенью власти над окружающими, какая внутренне присуща социальным функциям, им исполняемым. Любая другая форма социальной организации глупа, нереальна и противна «естественному порядку».

То, что все отрасли современной экономики полностью зависимы друг от друга, совершенно ускользнуло от внимания создателя этой «замечательной» теории. Зато его идеи были изящно украшены бойкими выводами поверхностной механистической псевдопсихологии, основанной на наблюдениях за иерархией среди домашних птиц и на знаменитых опытах Павлова на собаках. При этом автора совершенно не интересовало, что люди – не собаки и не цыплята. Старый доктор Павлов полностью отвергал эту теорию, как отвергал все потуги тех, кто слепо и ненаучно пытался обратить в догму его важные, но строго ограниченные эксперименты.

Функционализм получил признание не сразу: во время Великой депрессии все – от водителя грузовика до девицы из гардероба – имели собственные рецепты правильного мироустройства, пунктов из шести, и самое удивительное, что большинство этих деятелей умудрились

печатать свои «труды». И все-таки функционализм распространился. Особенно популярен он был среди людей маленьких, которых полно в любом уголке и которым ничего не стоило себя убедить, что именно их труд совершенно необходим миру, а поэтому при «естественном порядке вещей» они стали бы хозяевами положения. А поскольку в мире всегда в избытке действительно необходимых профессий, то очень многие легко поверили в полезность и необходимость функционализма.

* * *

Прежде чем дать ответ, Гейнс какое-то время внимательно смотрел на Ван Клика.

– Ван, – медленно сказал он, – ты же не думаешь, что вам удастся повернуть такое?

Коротышка выпятил грудь:

– Почему бы и нет? У нас *уже* все получилось. Ты не сможешь запустить двадцатую, пока я не дам разрешения, а если понадобится, я могу остановить всю дорогу.

Только теперь Гейнс с тревогой понял, что его заместитель оказался маниакально тщеславным человеком. Значит, надо держать себя в руках и не раздражаться понапрасну.

– Конечно, Ван, ты можешь это сделать. Но как быть со всей остальной страной? Ты полагаешь, что армия США будет спокойно смотреть, как ты управляешь в Калифорнии, будто в собственном королевстве?

Ван Клик усмехнулся:

– Я это учел. Только что по радио было передано обращение ко всем дорожным техникам страны. Я рассказал им, что мы сделали, и призвал их подниматься на борьбу за свои права. Если остановятся все дороги страны и люди начнут голодать, то, полагаю, президент сначала крепко подумает, прежде чем задействует армию против нас. Да, он, конечно, может послать кого-то, чтобы захватить или убить меня. Но я не боюсь смерти, а он не посмеет перестрелять всех техников как класс, потому что страна без нас существовать не может. И значит, ему придется мириться с нами – на наших условиях!

Гейнс чувствовал, что в словах Ван Клика есть своя горькая правда. Если забастовка дорожных техников станет всеобщей, правительство не сможет подавить ее силой. Такая попытка сродни попытке избавиться от головной боли с помощью гильотины. Но будет ли восстание всеобщим?

– Почему ты думаешь, что техники всей страны пойдут за тобой?

– А почему нет? Это естественный порядок вещей. Сейчас век машин, реальная власть в руках техников, но они обмануты и не пользуются своей властью, потому что им ловко заморочили головы кучей устаревших фраз. А из всех техников самое главное и абсолютно незамеченное место занимают дорожные техники. Сегодня они выходят на сцену – таков естественный порядок вещей! – Он отвернулся, покопался в разложенных на столе бумагах и добавил: – На сегодня все, Гейнс. Мне еще нужно позвонить в Белый дом и сообщить президенту о положении дел. Продолжай работать, веди себя хорошо, и тебе не причинят вреда.

Экран погас, но Гейнс еще какое-то время сидел неподвижно, осмысливая услышанное. Вот оно что, оказывается. Интересно, чего добьется Ван Клик своим призывом к забастовке на других участках? Скорее всего, ничего, но ведь недавно Гейнсу и в голову не могло прийти, что его собственные техники окажутся способны на подобные действия. Возможно, он зря отказывается обсуждать это с кем-то со стороны. Нет, все правильно, если бы он начал тогда говорить с губернатором или газетчиками, разговор бы, наверное, не закончился до сих пор. И все-таки...

Гейнс позвонил Дэвидсону:

– Дэйв, в других секторах без происшествий?

– Да, сэр.

- А как на других дорогах?
- Пока сообщений нет.
- Слышал мой разговор с Ван Кликом?
- Да, слышал. Я был на связи.

– Ладно. Пусть Хаббард свяжется с президентом и губернатором и передаст им, что я категорически возражаю против применения военной силы, пока беспорядки ограничиваются одной дорогой. Передай, что я сниму с себя всю ответственность, если они вмешаются прежде, чем я попрошу.

Дэвидсон не мог скрыть сомнения:

– Вы считаете, что это будет правильно, сэр?

– Да! Если мы напомним Вану и его бунтовщиков армию, мы и вправду рискуем вызвать восстание по всей стране. Кроме того, он успеет разрушить дорогу так, что сам Господь Бог и вся королевская конница не смогут ее собрать. Какова сейчас загрузка дороги?

– Пятьдесят три процента от пиковой.

– Что на двадцатой?

– Почти всех эвакуировали.

– Хорошо. Надо очистить дорогу как можно скорее. Лучше, если полиция выставит на подходах к дороге посты, чтобы снизить пассажирский поток. Ван может в любой момент остановить все полосы, или я сделаю это сам в случае необходимости. Теперь слушай план действий: я вместе с курсантами иду в «преисподнюю». Мы будем пробиваться на север, подавляя любое сопротивление, какое встретим. Ты организуешь специалистов и младший персонал. Они должны следовать за нами. Каждый барабан, до которого они доберутся, должен быть переключен на контрольный щит сектора Стоктон. Делать все это придется быстро, отключив блокировку, поэтому пошли сюда побольше мотористов, чтобы они могли вовремя заметить все неисправности.

Если наш план сработает, мы выкрадем управление сектором Сакраменто из-под носа у Вана, а после пусть сидит в своей диспетчерской в Сакраменто сколько угодно. Возможно, голод прочистит ему мозги.

Гейнс выключил связь и повернулся к дежурному инженеру подсектора:

– Эдмундс, дайте мне шлем и пистолет.

– Есть, сэр.

Он выдвинул ящик и протянул шефу пистолет. Пистолет был небольшой, но выглядел достаточно внушительно. Гейнс сунул его за ремень, затем втиснул голову в шлем, но наушники пока оставил открытыми.

Блекинсон кашлянул, напоминая о себе, и спросил:

– Можно... э-э-э... мне тоже взять шлем?

– Что? – Гейнс не сразу понял, о чем его спрашивают. – Нет, он вам не понадобится, мистер Блекинсон. Вы пока оставайтесь здесь, – если что, я вас позову.

– Но... – Австралийский министр хотел было ему возразить, потом передумал и сдался. Стоящий у дверей дежурный курсант обратился к Гейнсу:

– Мистер Гейнс, здесь техник, он хочет с вами поговорить. Его зовут Харви.

– Мне некогда.

– Он из Сакраменто, сэр.

– Из Сакраменто? Давайте его сюда!

Харви коротко рассказал Гейнсу, что видел и слышал на сегодняшнем митинге в гильдии.

– Мне стало противно, и я ушел, а они еще продолжали трепаться. Я даже вспоминать о них не хотел, пока не остановилась двадцатая. А когда я узнал, что в секторе Сакраменто беспорядки, то сразу решил встретиться с вами.

– Как долго все это готовилось?

– Думаю, что порядочно. Вы же знаете, как это бывает, – везде найдется парочка обиженных, и многие из них функционалисты. Но не будешь же отказываться работать с человеком только из-за того, что у него не такие политические взгляды? У нас свободная страна.

– Вам стоило бы прийти ко мне пораньше, Харви.

Харви угрюмо молчал. Гейнс внимательно посмотрел ему в лицо:

– Не расстраивайтесь, вы были правы. Следить за вашими друзьями – это моя обязанность, а не ваша. Как вы и сказали, у нас свободная страна. Что-нибудь еще?

– Ну... раз все так повернулось, думаю, я могу вам помочь взять зачинщиков.

– Спасибо. Тогда пойдете со мной. Мы собираемся в «преисподнюю», попробуем разгрести весь этот бардак.

Дверь неожиданно распахнулась, и в помещение поста вошли двое: техник и курсант, которые несли на руках тело третьего. Они осторожно положили его на пол.

Убитый оказался совсем молодым парнем. Грудь его была залита кровью. Гейнс вопросительно посмотрел на дежурного офицера:

– Кто это?

Эдмундс отвел взгляд от тела и ответил:

– Курсант Хьюз, я отправил его посыльным в Сакраменто, когда оборвалась связь. Мы не знали, что с ним, и следом я послал Марстона и курсанта Дженкинса.

Гейнс что-то буркнул себе под нос и пошел к выходу:

– Идем, Харви.

Настроение ожидавших внизу курсантов было уже другим. Гейнс видел, что юношеский задор сменило что-то менее привлекательное. Многие переговаривались на языке жестов, кто-то сосредоточенно проверял оружие.

Гейнс кинул взгляд на курсантов, потом подозвал старшего. Между ними произошел быстрый обмен жестами. Курсант козырнул, повернулся к остальным и, подав короткий сигнал, опустил руку. Курсанты один за другим поднялись наверх, в комнату сменного персонала. Гейнс двинулся следом.

Оказавшись в помещении, где не было шума, Гейнс сказал:

– Вы все видели Хьюза. Кто из вас хочет свести счеты с той сволочью, которая это сделала?

Трое курсантов отозвались немедленно. Сломав строй, они шагнули вперед.

Гейнс холодно посмотрел на них:

– Хорошо. Вы трое, сдайте оружие и возвращайтесь в казарму. Если кто-то еще думает, что наша цель – месть или охота, – он может присоединиться к ним. – Гейнс выдержал паузу, потом продолжил: – Сектор Сакраменто захвачен самозванцами. Мы собираемся его вернуть – если получится, без жертв с обеих сторон и без остановки дороги. План такой: двигаемся по «преисподней», отбивая один ротор за другим, и переключаем их на Стоктон. Ваша задача – продвигаться на север и арестовывать всех, кто встретится на пути. Вы должны при этом помнить, что большинство из них невиновны. Поэтому старайтесь использовать гранаты с усыпляющим газом и стрелять на поражение только в крайнем случае.

Капитан, разбейте людей на десятки и каждому отделению назначьте командира. Отделение распределяется по «преисподней» цепью, садится на моноциклы и движется на север. Скорость держать пятнадцать миль в час, интервал между цепями – сто ярдов. Передняя цепь окружает замеченных людей, задерживает их и сажает в транспортную машину, затем, став за последней цепью, вновь продолжает движение. Фургоны, которые доставили вас сюда, используйте для размещения пленных. Водители фургонов должны держаться поблизости от второй цепи.

Выделите группу захвата постов управления подсекторами, но ни одного поста не атаковать, пока его подсектор не будет переключен на Стоктон. Особое внимание обратите на обеспечение связи. У меня – все. Вопросы есть?

Гейнс пробежал взглядом по лицам молодых людей. Не услышав вопросов, он снова повернулся к старшему:

– Отлично, сэр. Выполняйте приказ!

* * *

Пока Гейнс ставил задачу, прибыла группа техников. Возглавлявший ее инженер тут же получил от Гейнса распоряжения. Курсанты уже стояли у моноциклов наготове, и курсант-капитан в ожидании смотрел на Гейнса. Тот кивнул, курсант сделал рукой отмашку, и первая партия, оседлав машины, двинулась вперед.

Гейнс и Харви, оба на моноциклах, держались возле курсант-капитана ярдах в двадцати пяти позади первой линии. С тех пор как главный инженер последний раз ездил на этой маленькой, нелепого вида машине, прошло немало времени, и сейчас Гейнс чувствовал себя не слишком уверенно. Моноцикл не придает своему седоку внушительности, по размерам и форме он чем-то напоминает кухонную табуретку, гиростабилизированную на единственном колесе. Но для патрулирования в тесном лабиринте «преисподней» лучшего средства не придумаешь, он может пролезть в любой узкий проход, легко управляется и терпеливо сохраняет устойчивость, когда его всадник спешивается.

Небольшая патрульная машина следовала за Гейнсом. Шныряя среди вращающихся барабанов, она старалась держаться поближе к главному инженеру, теле- и аудиокommуникаторы внутри ее позволяли Гейнсу не отрываться от прочих его многочисленных обязанностей.

Первые двести ярдов сектора Сакраменто были пройдены без происшествий, затем один из разведчиков заметил припаркованный неподалеку от роторного барабана моноцикл. Его хозяин в это время снимал показания с датчиков у основания ротора и не заметил их приближения. Техника тут же арестовали – он и не думал сопротивляться, хотя и был до крайности удивлен, возмущен и сбит с толку.

Отделение отстало, пропустив на смену вторую цепь.

Через три мили у них было уже тридцать семь арестованных и ни одного убитого. Двое курсантов получили небольшие ранения, и их отправили в тыл. Из всех пленников только четверо оказались вооружены, Харви узнал среди них одного из зачинщиков беспорядков. Самого себя Харви предложил в качестве парламентаря, но пока такой нужды не было.

Гейнсу идея Харви понравилась. Он знал, что техник – признанный профсоюзный лидер, и его авторитетом пренебрегать не стоило. Ради успеха он был готов на все, что сводило риск насилия к минимуму.

Через какое-то время первая цепь обнаружила еще одного техника. Его скрывал вращающийся барабан, и курсанты почти подошли вплотную, прежде чем на него наткнулись. Он не пытался сопротивляться, хотя был вооружен, и происшествие не стоило бы внимания, если бы в момент захвата он не разговаривал по «тихому» телефону, который был подключен к розетке у основания ротора.

Техника уже задержали, когда подоспел Гейнс. Он ухватил резиновый нагубник прибора и так сильно за него дернул, что послышался хруст – телефон застрял между зубами. Арестованный сплюнул обломок зуба, свирепо глянул на задержавших его людей, но все попытки заставить его говорить ничего не дали.

Гейнс хоть и действовал быстро, но пленник по переговорному устройству мог успеть предупредить противника об атаке. Вероятно, они потеряли преимущество внезапного удара. По цепи передали приказ продолжать движение, но с большой осторожностью.

Опасения Гейнса вскоре подтвердились: впереди, в нескольких сотнях футов, показалась группа людей, спешивших им навстречу. Людей в группу входило десятка два, точнее сказать было трудно, – большинство из них двигались, прячась за стальными барабанами.

Харви взглянул на Гейнса, тот кивнул и просигналил курсант-капитану остановиться.

Харви выехал вперед, высоко подняв над головой руки, показывая, что у него нет оружия. Ему пришлось управлять машиной, наклоняясь всем телом то в одну, то в другую сторону. Вскоре он подъехал к бунтовщикам, и они вразнобой начали тормозить. Харви тоже остановился, не доезжая до них нескольких шагов. Один из заговорщиков, явно вожак, заговорил с Харви на языке жестов, Харви ему что-то ответил.

Они были чересчур далеко, а желтый свет был слишком тускл, чтобы понять, о чем они говорили. Разговор продолжался недолго, затем наступила пауза. Вожак, казалось, был в нерешительности. Тогда из группы вперед выехал человек и, сунув пистолет в кобуру, заговорил с предводителем. В ответ на резкие жесты подъехавшего тот отрицательно помотал головой.

Мужчина начал опять, но получил тот же ответ. Тогда он в последний раз сделал недвольный короткий жест, выхватил пистолет и выстрелил в Харви. Харви согнулся, схватившись за живот. Мужчина пальнул еще раз. Харви дернулся и соскользнул с сиденья на землю.

Капитан выхватил оружие раньше Гейнса. Пуля попала в убийцу, тот подался назад, с удивлением вскинув голову. Казалось, он не может понять, что же такое произошло, он слишком быстро умер, чтобы успеть осознать это.

Курсанты открыли огонь. Передняя шеренга вдвое уступала числом противнику, но тот был явно сбит с толку. Заговорщики ответили беспорядочным залпом, и сразу сделалось ясно, что кажущееся их преимущество ничего не стоит. Не прошло и тридцати секунд после первого подлого выстрела, а повстанцы были кто перебит, кто ранен или взят в плен.

У Гейнса было двое убитых, включая Харви, и двое раненых.

Гейнс изменил свою тактику под новые условия. Теперь, когда о секретности можно было забыть, главными стали скорость и ударная мощь.

Вторая цепь двигалась по пятам за первой, почти вплотную. Третья отставала всего на двадцать пять ярдов. Теперь они игнорировали всех безоружных, оставляя их четвертой цепи, но получили приказ стрелять без предупреждения в любого, у кого заметят оружие.

Гейнс просил по возможности ранить, а не убивать противника, но прекрасно осознавал, что выполнить это практически невозможно. Будут смерти. Он этого не хотел, но понимал, что у него нет выбора. Он не мог посылать своих ребят под пули, запретив им стрелять первыми. Любой вооруженный повстанец был потенциальным убийцей, и в такой ситуации он не мог связывать руки своим людям.

Когда цепи перестроились, Гейнс скоординировал капитану курсантов выдвигаться, и первые две цепи рванули с места на максимальной скорости, на какую способны моноциклы, – почти восемнадцать миль в час. Гейнс последовал за ними.

Объезжая мертвое тело Харви, он невольно посмотрел на него. Натриевая лампа окрашивала лицо в неприятный желтушный цвет, но и на этой неживой маске отпечаталась суровая красота; даже сейчас, в смерти, был виден его сильный характер. Увидев это лицо, Гейнс уже меньше переживал по поводу своего приказа, но терзающее его чувство личной ответственности одолевало его с новой силой.

* * *

Некоторое время они шли, не встречая сопротивления, и Гейнс уже начал надеяться на скорую бескровную победу. Но тут он заметил, что ритмичный грохот машин, проникавший даже через наушники шлема, сделался каким-то другим. Он сдвинул шлем. Грохот машин затихал, роторные барабаны и ролики останавливали свой бег.

Дорога встала.

– Остановите людей! – крикнул он курсант-капитану, и слова его гулким эхом отозвались в неестественной тишине.

Откинулась дверца патрульной машины, и Гейнс поспешил туда.

– Шеф! – позвал из машины связист. – Вас – к экрану.

Узнав Гейнса, девушка на экране сразу же уступила место Дэвидсону.

– Шеф, – быстро выпалил он, – с вами хочет говорить Ван Клик.

– Кто остановил дорогу?

– Он.

– Какие еще происшествия?

– Никаких. Когда произошла остановка, на дороге уже почти никого не было.

– Хорошо. Давай Ван Клика.

При виде Гейнса на лице главаря заговорщиков вспыхнула плохо сдерживаемая ярость.

– Ну что?! – с ходу закричал он. – Ты думал, я шутки с тобой шучу? Ну так получай, что хотел! Интересно, как ты теперь запоешь, мистер главный инженер?

На Гейнса накатило желание выложить вслух все, что он думает о своем замке. Голос этого недоростка действовал на него подобно скрежету ножа по стеклу, но Гейнс не мог себе позволить роскоши говорить прямо. Он заставил себя говорить самым уважительным тоном, стараясь не выдавать чувств и успокоить болезненное тщеславие собеседника.

– Вынужден признать, что этот тайм за тобой, Ван, – дорога остановлена, – и не думай, что я не воспринимал тебя всерьез. Я слишком долго смотрел, как ты работаешь, чтобы тебя недооценивать. И знаю, что твои слова с делом не расходятся.

Чувствовалось, что Ван Клик был польщен его признанием, но пытался скрыть свою радость.

– Тогда какого дьявола ты там суетишься? – Он уже не говорил – требовал. – Тогда почему бы тебе не перестать валять дурака и не сдать? Ведь вам нас не победить.

– Может, и так, Ван, но ты же понимаешь, что я должен попытаться. Кстати, – продолжал он, – с чего ты взял, что мне не победить? Ты же сам сказал, что я могу пригнать сюда всю армию Соединенных Штатов.

Ван Клик торжествующе улыбнулся:

– Видишь вот это? – Он показал грушевидный пульт дистанционного управления с единственной кнопкой, прикрепленный к длинному проводу. – Стоит нажать на кнопку, и взрыв снесет все полосы дороги от края до края – взорвет ее ко всем чертям! А перед уходом я возьму топор и напоследок разнесу на этой станции все, что можно.

Единственное, о чем Гейнс сейчас сожалел, – что плохо разбирается в психологии. Чтобы переиграть Ван Клика, ему придется довериться только своему здравому смыслу и из всех сил постараться найти правильные слова.

– Звучит довольно радикально, Ван, но я не вижу, почему мы должны сдаваться.

– Не видишь? Так раскрой глаза! Если ты вынудишь меня взорвать дорогу, что станет с людьми, которые взлетят на воздух вместе с ней? Подумай об этом.

Гейнс лихорадочно искал решение. Он ничуть не сомневался, что Ван Клик выполнит свою угрозу. Его показушное, мальчишески-дерзкое «если ты вынудишь меня» свидетельствовало об опасной неустойчивости его психического состояния. Разрыв дороги в густонаселенном секторе Сакраменто, скорее всего, разрушит один или несколько жилых домов и наверняка убьет владельцев магазинчиков на работающем участке двадцатой полосы, а также случайных прохожих. Ван был абсолютно прав: он, Гейнс, не осмелится рисковать жизнями посторонних людей, которые ни о чем не подозревают, – пусть даже эта дорога встанет навсегда.

Если уж откровенно, проблема сейчас не в том, какой ущерб понесет дорога. Его выбила из колеи угроза, нависшая над ничего не подозревающими людьми.

Между тем мелодия все крутилась и крутилась в его голове: «Слушай дороги гуд, смотри, как они бегут! Наш бесконечен труд...» Что делать? Что ему делать? «Покуда вы мчите, покуда скользите...» Выхода нет, нет никакого выхода...

Он повернулся к экрану:

– Слушай, Ван, ты ведь не станешь взрывать дорогу, если тебя не вынудят. Я уверен, ты не хочешь, чтобы дорога погибла. И я не хочу. Как ты смотришь на то, что я приду к вашей штаб-квартире и мы обсудим проблему? Два разумных человека всегда найдут способ договориться.

– Что ты еще задумал? – подозрительно поинтересовался Ван Клику.

– Да ничего я не задумывал. Я приеду один, без оружия, буду скоро, как только позволит машина.

– А твои люди?

– Пока я не вернусь, они останутся здесь. Не веришь – можешь выставить наблюдателей.

Ван Клику секунду помедлил с ответом, разрываясь между опасением угодить в ловушку и предвкушением того, что его бывший начальник придет к нему, чтобы обсудить условия сдачи. Наконец он неохотно согласился.

Гейнс дал инструкции Дэвидсону и рассказал ему, что он собирается делать.

– Дэйв, если через час я не вернусь, действуй по своему усмотрению.

– Будьте осторожны, шеф.

– Постараюсь.

Гейнс отослал водителя патрульной машины, вывел ее по скату на насыпную дорогу, развернулся на север и дал газ. Наконец-то у него появился шанс собраться с мыслями – несмотря на скорость под двести миль в час.

Положим, его план удастся, но и в этом случае после победы многое придется менять. В первую очередь надо сделать выводы из двух тяжелых уроков; мысли о них крепко сидели в мозгу, словно занозы. Первое, что придется предпринять, – это установить на полосах перекрестную блокировку, чтобы в случае резкого расхождения скоростей соседние полосы ускорились или тормозили. То, что произошло на двадцатой, не должно повториться!

Но с этим просто, – это задача техническая. Главная проблема не в этом, главное – подбор кадров. Разумеется, отборочные тесты должны быть улучшены, они должны гарантировать, что на транспорте будут работать только сознательные, надежные люди. Но – черт побери! – ведь считалось, что именно это и гарантируют нынешние тесты. Улучшенный метод Хамма—Уодсворта—Бертон еще ни разу не приводил к ошибкам. Во всяком случае, до сегодняшних событий в секторе Сакраменто. Непонятно, как Ван Клику удалось склонить к мятежу такое количество проверенных на тестах людей? Это просто невозможно!

Без серьезной причины хорошо подобранный коллектив не выйдет из равновесия. Поведение одного человека еще может быть непредсказуемым, но когда их большое количество, они надежны, словно числа или машины. Они подчиняются законам статистики, их действия можно измерить, проверить, классифицировать.

Гейнс представил себе отдел кадров, шкафы с картотеками, клерков... Наконец-то! Он понял! Ван Клику как первый заместитель главного инженера был *офицером по кадрам целой дороги!*

Вот он – ответ, который объяснял все. Только у одного человека, офицера по кадрам, была замечательная возможность собрать всех паршивых овец в одно стадо. Теперь Гейнс был твердо убежден, что тесты на психологическую устойчивость подделывались, возможно не один год, и что Ван Клику намеренно собирал нужных ему людей в одном секторе, подделывая их личные дела.

Он получил еще один хороший урок: необходимы более жесткие тесты для офицеров. Классификацию и назначение персонала на должности нельзя доверять ни одному офицеру, если за ним не ведется самого тщательного контроля. Даже его, Гейнса, необходимо проверять

в этом отношении. Вот только... *Qui custodiet ipsos custodies?* Кто будет сторожить самих сторожей? Латынь, может, и устарела, но древние римляне от этого дураками не становились.

Теперь он знал, в чем была его ошибка, и это доставляло ему мрачное удовлетворение. Надзор и контроль, проверка и перепроверка – вот ответ на вопрос. Да, будет хлопотно, да, не эффективно, но с этим придется смириться – повышая безопасность, всегда что-нибудь да приносишь в жертву.

Не стоило отдавать так много полномочий Ван Клику, не изучив его досконально. Но еще не поздно разузнать о нем кое-что!

Он нажал аварийную кнопку, и машина резко остановилась.

– Станция? Соедините меня с моим офисом!

Лицо Долорес смотрело на него с экрана.

– Вы на месте? – сказал он. – Отлично! Я боялся, что вы уже дома.

– Я услышала об аварии и сразу вернулась, мистер Гейнс.

– Вы умница. Дайте мне личное дело Ван Клика. Я хочу посмотреть его квалификационную запись.

Она мгновенно принесла дело и принялась читать ему записи, большей частью состоящие из символов и процентов. Слушая, Гейнс машинально кивал головой – данные только подтверждали его подозрения: скрытый интроверт, комплекс неполноценности... Все сходится.

– Замечание комиссии, – прочитала она. – Несмотря на потенциальную нестабильность, выявленную максимумом А и Д на результирующей кривой, комиссия убеждена, что этот офицер тем не менее пригоден к работе. У него исключительно хороший послужной список, и он особенно подходит для руководства людьми. Поэтому его рекомендовано оставить на службе с возможностью дальнейшего продвижения.

– Достаточно, Долорес. Спасибо.

– Да, мистер Гейнс.

– Я иду ва-банк. Держите за меня кулак.

– Но, мистер Гейнс... – Там, во Фресно, на Долорес смотрел пустой экран.

* * *

– Проведите меня к Ван Клику!

Охранник нехотя убрал пистолет, упирившийся Гейнсу в ребра, и кивком головы велел ему первым идти наверх. Гейнс вылез из машины и пошел, как ему велели.

Ван Клик обосновался не в административном корпусе, а в диспетчерской сектора. Его окружали с полдюжины вооруженных мятежников.

– Добрый вечер, директор Ван Клик.

Услышав, что Гейнс признал его новое звание, коротышка буквально разбух от гордости.

– Мы здесь не очень обращаем внимание на титулы, – сказал он с показным безразличием. – Можешь называть меня просто Ван. Садись, Гейнс.

Гейнс так и сделал. Теперь надо было как-то удалить посторонних. Со скучающим видом он посмотрел на охрану:

– Ты что, боишься, что сам не справишься с одним безоружным человеком? Или функционалисты уже не доверяют друг другу?

Ван Клик покраснел от злости, но Гейнс бесстрашно улыбнулся ему в лицо. Наконец коротышка взял со стола пистолет и указал парням на дверь:

– Оставьте нас, ребята.

– Но, Ван...

– Пошли вон, я сказал!

Когда они остались одни, Ван Клик подвинул к себе пульт с кнопкой, который Гейнс до этого видел на экране, и направил на своего бывшего шефа пистолет.

– Ну ладно, – раздраженно проговорил Ван Клик, – попробуешь выкинуть какой-нибудь фортель – все полетит к чертям! Ну, так что ты хотел мне сказать?

Улыбка на лице Гейнса стала еще шире. Ван Клик нахмурился:

– Что здесь, черт возьми, смешного?

– Прежде всего ты сам, Ван, – ответил Гейнс. – Это надо же такое придумать: ты затеял функционалистскую революцию, а единственная функция, до которой ты смог додуматься, – взорвать дорогу, без которой ты вообще окажешься полный ноль. Признайся, чего ты так боишься?

– Я не боюсь!

– Неужели? Ты сидишь здесь, готовый совершить хакарири при помощи своей игрушечной кнопки, и еще говоришь мне, что не боишься? Если бы твои приятели знали, как близок ты к тому, чтобы лишиться их всего, за что они боролись, – да они тебя тут же бы пристрелили! Ты ведь их тоже боишься, а?

Ван Клик оставил кнопку и встал.

– Я ничего не боюсь! – выкрикнул он и начал обходить пульт, приближаясь к Гейнсу.

Гейнс сидел на месте и смеялся:

– Я же вижу, как ты боишься! Сейчас ты боишься меня. Боишься, что я вызову тебя на ковер и отчитаю за плохую работу. Ты боишься, что курсанты при встрече не отдадут тебе честь. Боишься, что они потешаются у тебя за спиной. Ты боишься во время ужина взять не ту вилку. Ты боишься, когда на тебя смотрят люди, и боишься, что они тебя не замечают.

– Нет! – закричал Ван Клик. – Ты... ты грязный тупой сноб! Ты думаешь, будто лучше других только из-за того, что закончил престижную школу... – Он задохнулся, голос его сорвался в попытке скрыть накотившиеся от бессильного гнева слезы. – Это все ты, ты и твои мерзкие курсантики...

Гейнс внимательно за ним наблюдал. Теперь он ясно видел, какой слабый у этого человека характер, и удивлялся, почему не замечал этого раньше. Ведь признаки были явные. Он припомнил, как однажды недоволен был Ван, когда Гейнс предложил ему помочь разобраться в каких-то вычислениях.

Но сейчас надо было сыграть на его слабости, отвлечь внимание Вана от опасной кнопки, сосредоточив его ярость на Гейнсе.

Хотя слишком его провоцировать тоже не следует, иначе неожиданный выстрел может положить конец самому Гейнсу, а заодно и лишит всех последнего шанса избежать кровавой битвы за контроль над дорогой.

Гейнс презрительно хмыкнул.

– Ван, – сказал он, – ты маленькое жалкое ничтожество. Это всем давно известно. Я же тебя насквозь вижу. Ты – третий сорт, Ван, и всю свою жизнь ты боялся, что тебя разглядят как следует и пошлют туда, где место таким, как ты. Да какой из тебя директор! Плунуть и растереть! Если ты – лучший из функционалистов, то проще оставить вас в покое, вы сами себя тут зароете из-за полной некомпетентности.

Он развернул кресло, демонстративно повернувшись спиной к Ван Клику с его пистолетом.

Ван Клик приблизился к своему мучителю, остановившись в нескольких футах, и заорал:

– Ты!.. Я тебе покажу!.. Я всажу в тебя пулю, понял, ты?..

Гейнс медленно развернулся, встал и пошел прямо на Вана:

– Положи эту хлопушку, пока не поранился.

Ван Клик отступил на шаг.

– Не подходи!.. – закричал он. – Или я тебя пристрелю! Вот увидишь, я...

«Пора», – решил Гейнс и нырнул ему под руку.

Пистолет грохнул над самым ухом. Что ж, эта пуля была не его. Вцепившись друг в друга, они повалились на пол. Для своего малого роста Ван Клиг был довольно крепок. Где же пистолет? Вот! Гейнс схватил выпавший пистолет и быстро вскочил, думая, что Ван Клиг тут же бросится на него.

Но Ван Клиг не поднялся. Он лежал на полу, слезы текли из закрытых глаз, он рыдал, словно наказанный ни за что ребенок.

Секунду Гейнс глядел на него с состраданием, потом размахнулся и аккуратно ударил рукояткой пистолета под ухо. Подошел к двери, прислушался и тщательно ее запер.

Шнур от кнопки вел к щиту управления. Гейнс проверил соединение и осторожно его разъединил. Закончив эту нехитрую работу, он повернулся к пульту и вызвал Фресно.

– Порядок, Дэйв, – сказал он, – атакуйте прямо сейчас и, бога ради, поторопитесь!

И тут же отключил связь, не желая, чтобы подчиненный видел, как его трясет.

* * *

На следующее утро во Фресно Гейнс, весьма довольный, мерил шагами центральную диспетчерскую. Дороги катились – вскоре они должны разогнаться до нормы.

Это была долгая ночь. Гейнс потребовал провести тщательную проверку сектора Сакраменто, и туда для этой работы были посланы все свободные от службы инженеры и все курсанты, чтобы дюйм за дюймом проверить все полотно дороги. Посты управления двумя подсекторами, пульта которых были повреждены, пришлось переносить на другие, действующие. Но главное – дороги катились; подошвами, через пол, он ощущал их ритмичный бег.

Гейнс остановился рядом с усталым небритым Дэвидсоном.

– Почему ты не уходишь домой, Дэйв? – спросил он. – Макферсон уже принял дежурство.

– А вы, шеф? Вы тоже не слишком тянете на роль жениха.

– Ничего. Я могу поспать у себя в кабинете. Чуть попозже. Свою жену я уже предупредил.

Она сама придет ко мне сюда.

– Злитесь?

– Не очень. Ну, знаешь, как это бывает у женщин.

Он повернулся к приборному щиту и посмотрел, как работают контрольные комплексы, принимающие показания сразу шести секторов. Сан-Диего-Кольцевая, сектор Анджелес, сектор Бейкерсфилд, сектор Фресно, Стоктон... Стоктон? О боже! Блекинсон! Он же оставил министра Австралии в конторе Стоктона на всю ночь!

Гейнс бросился к двери, крикнув на ходу Дэвидсону:

– Дэйв! Ради бога! Срочно закажи мне машину!

Смысл просьбы дошел до Дэвидсона лишь тогда, когда Гейнс пересек зал и был уже у себя в кабинете.

– Долорес! – с порога обратился Гейнс к секретарше.

– Слушаю, мистер Гейнс.

– Позвоните моей жене и передайте, что я еду в Стоктон. Если она уже выехала, пусть ждет меня здесь. И еще, Долорес...

– Да, мистер Гейнс.

– Попробуйте ее как-нибудь успокоить.

Губы ее плотно сжались, но лицо осталось непроницаемым.

– Хорошо, мистер Гейнс.

– Ну вот и умница.

Он вышел из офиса и сбежал по ступенькам вниз. На дороге он огляделся. От вида бегущих полос он почувствовал прилив новых сил. Быстрыми шагами он двинулся в сторону указа-

теля: «ПРОХОД ВНИЗ». Насвистывая себе под нос, Гейнс открыл дверь, и грохочущий, реву-
щий ритм «преисподней» словно бы подхватил мелодию, слившись с ней воедино:

Ну-ка, быстро, быстро, быстро!
Мы не даром мотористы.
Живо сектора проверьте:
Первый, и второй, и третий!
И куда б вы ни попали,
Вы забудете едва ли,
Что ваши дороги идут вперед!

Комментарий³³

Если не считать некоторого смещения исторических дат, рассказ «Дороги должны катиться» почти не редактировался перед книжной публикацией. Выдвинутая в нем идея о том, что движущиеся дороги могут стать основной транспортной системой, в 1940 году выглядела не такой экзотичной, какой она кажется нам сегодня: тогда в стране был дефицит нефти и еще не были сделаны колоссальные инвестиции в систему автомагистралей, связавшую между собой все штаты. Кроме того, все это стало возможным лишь благодаря случайному изобретению панелей солнечной энергии Дугласа—Мартин (см. «Да будет свет!»), обеспечившему всех практически бесплатной энергией.

³³ Перевод С. В. Голд.

Взрыв всегда возможен³⁴³⁵

Рассказ

– Положите ключ на место!

Человек, к которому это относилось, медленно повернулся и взглянул на говорившего. Лица нельзя было разглядеть под странным шлемом, который был частью свинцово-кадмиевой брони, скрывавшей его тело, но в голосе явно слышалось нервное раздражение.

– Какого черта, док? – Гаечный ключ он по-прежнему сжимал в руке.

Они смотрели друг на друга, как два фехтовальщика в масках, ожидающих, когда противник откроется. Голос первого прозвучал из-под маски тоном выше и повелительнее:

– Вы меня слышали, Харпер? Положите немедленно ключ и отойдите от этого триггера! Эриксон!

Из дальнего угла реакторного зала к ним приблизилась третья бронированная фигура:

– В чем дело, док?

– Харпер отстранен от дежурства. Пошлите за его сменщиком! Дежурным инженером назначается вы.

– Хорошо.

Судя по голосу и манерам, третий был флегматиком, и он никак не прокомментировал ситуацию. Инженер-атомщик, которого подменил Эриксон, перевел взгляд с одного на другого, затем аккуратно положил гаечный ключ на место:

– Слушаюсь, доктор Силард! Только и вы пошлите за своим сменщиком. Я потребую немедленного разбора дела!

Возмущенный Харпер круто повернулся и пошел к двери, его свинцовые башмаки громыхали по плиткам пола.

Силарду пришлось дожидаться сменщика минут двадцать. Это были неприятные минуты. Возможно, он поторопился. Возможно, он вообще напрасно решил, что Харпер не выдержал напряжения работы с самой опасной машиной в мире – атомным конвертером. Но если он и ошибся, то ошибка в нужную сторону, ибо в этом деле промахи *не должны быть возможны*, потому что любой промах может привести к атомному взрыву почти десяти тонн урана-238, урана-235 и плутония.

Силард попробовал представить, что тогда будет. Ему это не удалось. Он слышал, что мощность атомного взрыва урана превосходит мощность тринитротолуола в двадцать миллионов раз, но эта цифра ничего ему не говорила. Он пытался думать о реакторе как о сотнях миллионов тонн самого сильного взрывчатого вещества или о тысячах Хиросим. Но это тоже не имело смысла. Однажды он видел взрыв атомной бомбы – его пригласили для психологического тестирования персонала ВВС. Но он не мог себе представить взрыва тысячи таких бомб – его мозг пасовал.

Вероятно, инженеры-атомщики способны это вообразить. Возможно, с их математическими способностями и ясным пониманием процессов, происходящих там, в недрах реактора, они видят как наяву, какое непостижимо ужасное чудовище заперто за щитом. И если это так, нет ничего удивительного в предположении, что взрыв возможен...

Силард вздохнул. Эриксон оторвался от приборов линейного резонансного ускорителя:

– Что случилось, док?

³⁴ По-английски в названии «Blowups happen» скрывается игра слов: «blowup» означает не только «взрыв», но и «психологический срыв». – *Примеч. С. В. Голд.*

³⁵ Перевод Ф. Мендельсона.

– Ничего. Мне жаль, что пришлось устранить Харпера.

Силард чувствовал на себе пронизательный взгляд невозмутимого скандинава.

– А вы, часом, сами не того, док? Иногда мозгоправы вроде вас тоже взрываются...

– Я? Не думаю. Я боюсь этой штуковины. И был бы сумасшедшим, если бы не боялся.

– Я тоже, – сумрачно ответил Эриксон и опять занялся настройкой регулятора ускорителя.

Сам ускоритель находился за щитом ограждения. Его «дуло» скрывалось за вторым щитом, там из него извергался поток разогнанных до немыслимых скоростей субатомных «пуль» и падал на бериллиевую мишень, расположенную в самом центре реактора. Под ударами этих частиц бериллий испускал нейтроны, которые разлетались во всех направлениях, пронизывая массу урана. Некоторые нейтроны, сталкиваясь с атомами урана, разбивали их и вызывали деление ядер. Осколки превращались в новые элементы: барий, ксенон, рубидий – в зависимости от того, как делилось ядро. Новые элементы – как правило, нестойкие изотопы – в процессе радиоактивного распада и цепной реакции в свою очередь делились на десятки других элементов.

Но если вторичное превращение элементов не представляло особой опасности, то первичное, когда раскалывались атомы урана, высвобождая связывавшую их энергию, чудовищную и невообразимую, двести миллионов электронвольт, – это превращение было самым важным и самым опасным.

Потому что уран, превращаясь под действием бомбардировки нейтронами в атомное топливо, при делении тоже испускал нейтроны, которые могли попасть в другие атомы урана и в свою очередь вызвать их деление. И если возникали благоприятные условия для цепной реакции, она могла выйти из-под контроля и в какое-то неуловимое мгновение, за долю микросекунды, перерасти в атомный взрыв, перед которым атомная бомба показалась бы детской хлопушкой. Взрыв такой силы настолько превосходил бы все известное человечеству, что представить его было немыслимо, как нельзя представить собственную смерть. Этого можно бояться, но этого нельзя понять.

Но для работы атомного конвертера необходима была самоподдерживающаяся цепная реакция деления *почти на грани атомного взрыва*. Чтобы расщепить первое урановое ядро, бомбардируя его нейтронами из бериллиевой мишени, требовалось энергии больше, чем высвобождала смерть атома при первичном делении. Для того чтобы реактор продолжал работать, необходимо было, чтобы каждый атом, расщепленный нейтроном из бериллиевой мишени, в свою очередь вызывал расщепление еще нескольких.

И в равной степени было необходимо, чтобы эта цепная реакция постоянно имела тенденцию к затуханию. Она не должна усиливаться, иначе вся масса урана взорвется – за столь малый промежуток времени, что его невозможно измерить никаким способом.

Да и некому будет измерять.

Дежурные инженеры-атомщики контролировали работу реактора с помощью «триггеров» – слово, под которым подразумевались линейный резонансный ускоритель, бериллиевая мишень, кадмиевые замедлители, контрольные приборы, распределительные щиты и источники питания. Иначе говоря, инженеры могли понижать или повышать интенсивность нейтронного потока, падающего на бериллиевую мишень, тем самым уменьшая или увеличивая скорость реакции, могли с помощью кадмиевых замедлителей менять «эффективную массу» реактора и могли, сверяясь с показаниями приборов, определять, что реакция укрощена – вернее, *была* укрощена мгновение назад. Знать же о том, что происходит в реакторе *сейчас*, они не могли, потому что скорость элементарных частиц слишком велика, а временные интервалы слишком малы. Инженеры походили на птиц, летающих хвостами вперед: они видели, откуда прилетели, но не ведали, куда летят. И тем не менее инженер, и только он один, должен был

обеспечивать высокую производительность реактора и одновременно следить за тем, чтобы цепная реакция не достигла критического уровня и не переросла в массовый взрыв.

Эта задача была за гранью возможного. Инженер не мог быть уверен и никогда не был до конца уверен, что все идет хорошо.

Он мог использовать в работе все навыки и знания, полученные благодаря самому современному техническому образованию, он мог снизить риск до теоретического минимума, но слепые законы вероятности, которые, по-видимому, господствуют на субатомном уровне реальности, могли в любой момент вытащить из рукава туза и свести на нет всю его игру.

И каждый инженер-атомщик это знал. Он знал, что ставит на карту не только свою жизнь, но и бесчисленные жизни других людей – возможно, жизни всех на этой планете. Никто не знал, какие последствия будут у такого взрыва. Наиболее консервативно настроенные ученые считали, что взрыв реактора не только уничтожит завод со всем его персоналом, но заодно поднимет на воздух ближайший многолюдный и весьма оживленный участок родтауна Лос-Анджелес—Оклахома и зашвырнет его миль на сто к северу.

Официальная, более оптимистическая точка зрения, согласно которой Комиссия по атомной энергии и выдала разрешение на установку, основывалась на математических выкладках, доказывавших, что в начале реакции масса урана сама дезинтегрируется на молекулярном уровне, – таким образом процесс локализуется прежде, чем захватит всю массу и приведет ее к взрыву.

Однако инженеры-атомщики в большинстве своем официальной теории не признавали. Они относились к теоретическим предсказаниям именно так, как те того заслуживали, то есть не доверяли им ни на грош, пока эти теории не были подтверждены экспериментом.

Но даже придерживаясь официальной версии, каждый атомщик, заступая на дежурство, взваливал на себя ответственность не только за свою жизнь, но и за жизни множества других людей – сколько их было на самом деле, лучше не думать. Ни один рулевой, ни один генерал, ни один хирург никогда еще не нес такого бремени повседневной постоянной ответственности за жизнь своих братьев, какую взваливали на себя инженеры каждый раз, когда прикасались к регуляторам настройки или считывали показания приборов.

Поэтому инженеры-атомщики должны были обладать не только острым умом, знаниями и опытом, но также иметь соответствующий характер и чувство социальной ответственности. Для этой работы отбирались люди чуткие, которые могли до конца осознать важность доверенного им дела, – другие здесь не годились. Но бремя постоянной ответственности было слишком тяжелым для того, чтобы такие чуткие люди могли нести его неопределенно долгое время.

Они вынуждены были работать в состоянии перманентной психологической неустойчивости. Их профессиональным заболеванием было безумие.

* * *

Доктор Каммингс наконец появился, застегивая на ходу пряжки защитной брони, непроницаемой для радиации.

– Что случилось? – спросил он Силарда.

– Пришлось отстранить Харпера.

– Так я и думал. Я его встретил на выходе. Он был зол как черт и так на меня зыркнул...

– Представляю. Он требует немедленного разбора. Поэтому и пришлось послать за вами.

Каммингс кивнул. Потом, мотнув головой в сторону инженера, безликой фигуры в броне, спросил:

– Кого мне сегодня опекать?

– Эриксона.

– Ну что ж, неплохо. Квадратные головы не сходят с ума, а, Гас?

Эриксон на мгновение поднял голову, буркнул: «Это уж ваше дело» – и снова погрузился в свои вычисления.

– Похоже, психологи не пользуются здесь особой популярностью? – проговорил Каммингс, снова обращаясь к Силарду. – Ну ладно. Смена принята, сэр.

– Смена сдана, сэр.

Силард прошел через зигзагообразный коридор во внешней защите, окружавшей реакторный зал. В раздевалке за последним щитом он снял свои громоздкие доспехи, бросил их в нишу и поспешил к лифту. Кабина лифта остановилась глубоко внизу – на площадке пневматической подземной дороги. Он отыскал пустую капсулу, сел в нее, закрыл герметическую дверцу и откинулся на сиденье, приготовившись к ускорению.

Пять минут спустя он уже стучал в дверь кабинета начальника станции, в двадцати милях от реактора.

Собственно, промышленный реактор был выстроен в котловине, среди пустынных холмов аризонского плато. Все, что не являлось необходимым для непосредственного управления реактором – административные корпуса, телевизионная станция и тому подобное, – располагалось далеко за холмами. Здания этих подсобных служб были выстроены из самых прочных материалов, какие только могла создать инженерная мысль. Таким образом, оставалась надежда, что, если день «Х»³⁶ когда-нибудь придет, у обитателей этих зданий будет примерно столько же шансов спастись, сколько у человека, вздумавшего спуститься в бочке по Ниагарскому водопаду.

Силард постучал еще раз. Его встретил секретарь Штейнке. Силард помнил его историю болезни. В прошлом один из самых блестящих молодых инженеров, он вдруг утратил всякую способность к математическим операциям. Типичный случай диссоциативной фуги, но бедняга ничего не мог с собой поделать – он был слишком озабочен своим состоянием, чтобы оставаться на дежурстве. Впрочем, у него хватило силы воли не бросить работу, и он был пере-квалифицирован для административной службы.

Штейнке пригласил Силарда в личный кабинет начальника станции. Харпер был уже там и ответил на его приветствия с ледяной вежливостью. Начальник станции, как всегда приветливый и радушный, показался Силарду усталым, словно круглосуточное напряжение истощало его силы.

– Входите, доктор, входите! Садитесь. А теперь расскажите, что там стряслось. Признаться, я удивлен. Я всегда считал Харпера одним из самых надежных инженеров.

– А я и не говорю, что он ненадежен, сэр.

– Значит?

– Он, может быть, вполне здоров, но ваши инструкции не позволяют мне рисковать.

– Совершенно верно.

Начальник станции смущенно взглянул на инженера, сидевшего в напряженной выжидающей позе, потом снова обратился к Силарду:

– Может быть, вы все-таки объясните, что произошло?

Силард тяжело вздохнул:

– Находясь на дежурстве в качестве психолога-наблюдателя реакторного зала, я заметил, что дежурный инженер чем-то озабочен: его реакции показались мне необычно замедленными. Я изучал этот случай в течение нескольких дней, и внеслужебные наблюдения показали, что его рассеянность возрастает. Например, играя в бридж, он неоднократно переспрашивал, какая предложена ставка, чего раньше с ним не случалось. Были и другие аналогичные признаки. Короче говоря, сегодня в пятнадцать одиннадцать, находясь на дежурстве, я заметил, что Харпер без всякого видимого повода с отсутствующим видом взял гаечный ключ, предназначен-

³⁶ В оригинале на немецком и, вопреки правописанию, с маленькой буквы: «*der tag*». – Примеч. С. В. Голд.

ный только для фланцев водяных щитов, и приблизился к триггеру. Я отстранил его от дежурства и отослал из реакторного зала.

– Шеф! – воскликнул было Харпер, но тут же взял себя в руки и продолжал уже спокойнее: – Если бы этот знахарь мог отличить гаечный ключ от осциллографа, он бы понял, что я хотел сделать. Ключ лежал не на своем месте. Я это заметил и взял его, чтобы положить в ящик. По дороге я остановился, чтобы проверить показания приборов!

Начальник станции вопросительно посмотрел на Силарда.

– Возможно, что это правда, – упрямо произнес психолог. – Будем считать, что это чистая правда, но это не отменяет моего диагноза. Ваше поведение изменилось, ваши поступки непредсказуемы, и я не могу допустить вас к ответственной работе без полного и всестороннего обследования.

Начальник станции Кинг вздохнул и забарабанил пальцами по столу. Потом медленно заговорил, обращаясь к Харперу:

– Кэл, ты славный парень, и поверь мне, я знаю, каково тебе сейчас. Но избежать этого нельзя, невозможно – тебе придется пройти все психометрические испытания и подчиниться решению врачей.

Он выжидательно замолчал, но Харпер хранил бесстрастное молчание.

– Знаешь что, сынок, а почему бы тебе не взять отпуск на пару дней? А потом, когда вернешься, ты пройдешь эти испытания или просто перейдешь на другую работу, подальше от нашей бомбы, как пожелаешь...

Кинг посмотрел на Силарда, и тот одобрительно кивнул. Но Харпера это предложение нисколько не смягчило.

– Нет, шеф! – отрезал он. – Так дело не пойдет. Разве вы сами не видите, в чем тут загвоздка? В проклятой постоянной слежке! Кто-то все время стоит у тебя за спиной и ждет, когда ты рехнешься. Невозможно даже побриться в одиночестве. Мы нервничаем из-за всяких пустяков, потому что боимся, как бы какой-нибудь мозгоправ, сам наполовину съехавший, не вообразил, что мы теряем разум. Боже правый, так чего же вы после этого от нас хотите?

Облегчив душу, Харпер ударился в противоположную крайность, но смирение ему не очень-то шло.

– Ну и распрекрасно! Можете не вызывать санитаров, я спокойно уйду сам. Вы хороший человек, шеф, несмотря ни на что. И я рад, что работал у вас, – прибавил он. – Прощайте!

Кингу удалось справиться со своим голосом – боль пряталась только в глазах.

– Подожди, Кэл, – сказал он. – Мы еще не кончили. Забудь об отпуске. Я перевожу тебя в лабораторию изотопов. Как-никак ты исследователь, и никто тебя от этой работы не освобождал. Если я поставил тебя на дежурство, то лишь потому, что у нас не хватает первоклассных специалистов.

Что касается психологического контроля, – продолжал он, – то мне он так же неприятен, как и тебе. Ты, наверное, не слышал, что за мной они следят вдвое пристальнее, чем за вами, дежурными инженерами?

Харпер вопросительно уставился на Силарда, но тот лишь коротко кивнул.

– Однако такой контроль необходим... Помнишь Мэннинга? Хотя нет, он был здесь до тебя. Тогда мы не вели психологических наблюдений. Мэннинг был блестящим инженером, очень способным. И к тому же всегда спокойным, безмятежным, словно ничто его не волновало. Я с радостью доверил ему реактор, потому что он был внимателен и никогда не нервничал, даже наоборот: чем дольше он оставался в реакторном зале, тем безмятежнее и счастливее выглядел. Я должен был знать, что это очень скверный признак, но я не знал, и здесь не было психолога, чтобы мне подсказать.

А однажды ночью технику пришлось его вырубить. Он застал его в тот момент, когда Мэннинг разбирал предохранитель кадмиевой защиты. Бедняга Мэннинг так от этого и не

оправился – у него до сих пор приступы буйного помешательства. Но после того, как он свихнулся, мы работаем по теперешней системе: в каждой смене два квалифицированных инженера и один психолог-наблюдатель. Это было единственное, что мы могли придумать.

– Может быть, оно и так, шеф, – задумчиво проговорил Харпер; злость его прошла, но выглядел он по-прежнему несчастным. – Но тем не менее это черт знает что такое.

– И это еще мягко сказано. – Кинг встал и протянул Харперу руку. – Кэл, если ты до утра не решишь окончательно нас покинуть, я надеюсь утром увидеть тебя в лаборатории. И еще одно: я не часто это советую, но сегодня, по-моему, тебе не мешает хорошенько выпить.

Кинг знаком попросил Силарда задержаться. Когда дверь за инженером закрылась, он повернулся к психологу:

– Ушел еще один, и один из лучших. Доктор, что будет дальше?

– Не знаю, – признался Силард, потирая щеку. – Бредовая ситуация, Харпер совершенно прав. Зная, что за ними наблюдают, они нервничают еще больше... А наблюдать за ними необходимо. Наши психологи, кстати, тоже не очень-то хорошо себя чувствуют. Мы тоже нервничаем рядом с Большой Бомбой... даже больше – потому что ничего в этом не понимаем. И нас напрягает, что инженеры нас ненавидят и презирают. Научная работа в таких условиях невозможна. Тут недолго и самому спятить.

Кинг перестал расхаживать по комнате и посмотрел на Силарда в упор.

– Но ведь должен быть *какой-то* выход! – сказал он твердо.

Силард покачал головой:

– Это выше моих сил, начальник. Как психолог, я не вижу выхода.

– Не видите? Хм, послушайте, доктор, кто у вас самый лучший?

– То есть?

– Ну, кто в вашей области является специалистом номер один?

– Трудно сказать. Естественно, никакого лучшего в мире психолога не существует, – мы слишком узко специализированы. Но я, кажется, знаю, кто вам подойдет. Вам нужен не просто специалист по промышленной психометрии, вам нужен лучший психолог-универсал, разбирающийся в редких нетравматических и ситуативных психозах. Значит, вам нужен Ленц.

– Продолжайте.

– Так вот, Ленц занимается всем кругом вопросов, относящихся к влиянию среды на психику. Это тот человек, который связал теорию оптимального тонуса с техникой релаксации, которую Коржибский разработал эмпирическим путем. Кстати, сам Ленц когда-то, еще студентом, работал у Коржибского, и это единственное, чем он по-настоящему гордится.

– В самом деле? Но ведь тогда он, должно быть, уже староват, – Коржибский умер... Кстати, когда он умер?

– Я хочу сказать, что вы должны знать его работы в области символики – теория абстракций, исчисление высказываний и тому подобного – благодаря их применению в инженерной и математической физике.

– Ах, *этот* Ленц – да, конечно, я о нем слышал. Но я никогда не думал, что он психолог.

– Вполне естественно, это не ваша область. Однако мы ценим его хотя бы за то, что он сделал для изучения и лечения пандемических неврозов, свирепствовавших в Безумные годы³⁷, а он тогда сделал больше, чем многие, больше, чем любой человек, переживший это время.

– Где он теперь?

– Наверное, в Чикаго, в институте.

– Доставьте его сюда.

– То есть как это?

³⁷ См. диаграмму «История будущего: 1940–1970 гг.». – Примеч. С. В. Голд.

– Притащите его сюда! Садитесь вот за этот видеофон и разыщите его. Потом скажете Штейнке, чтобы позвонил в Чикаго и заказал для него стратоплан. Я хочу его видеть как можно скорее, еще до вечера.

Кинг опустился в кресло с видом человека, который снова обрел веру в себя и чувствует себя хозяином положения. Он ощущал внутри приятную теплоту, наполнявшую его лишь тогда, когда он принимал решение и начинал действовать. На его лице больше не было выражения усталости.

Зато Силард был в смятении.

– Но послушайте, шеф, – попробовал он возразить. – Доктора Ленца нельзя просто вызвать как младшего клерка. Ведь это... Это же... это *Ленц*.

– Конечно. Поэтому он мне и нужен. Но ведь и я не истеричная дамочка, нуждающаяся в утешении. Он прилетит. Если понадобится нажать на него, подключите Вашингтон. Пусть ему позвонят из Белого дома. Но он должен быть здесь, и сегодня же. За дело! – И Кинг вышел из офиса.

* * *

Окончив свое дежурство, Эриксон попробовал отыскать Харпера и узнал, что тот отправился в город. Поэтому он не стал ужинать на базе, облачился в «кабацкий костюм» и влез в капсулу подземной дороги, которая и доставила его в Парадайз.

Парадайз, штат Аризона, представлял собой забубенный маленький городишко, существовавший только благодаря промышленному реактору. Его обитатели были заняты единственным и весьма важным делом: избавляли персонал станции от непомерных зарплат. В этом достойном занятии с ними охотно сотрудничали и сами работники станции, потому что в каждую получку им выдавали вдвое, а то и в десять раз больше, чем они когда-либо получали в других местах, и при этом никто из них не был уверен, что проживет достаточно долго, чтобы стоило откладывать деньги на старость. К тому же компания создала в Манхэттенском банке пенсионный фонд для своих иждивенцев – так что можно было не скупиться.

Поговаривали, и не без оснований, что в Парадайте можно получить за свои деньги все или почти все, что имелось в самом Нью-Йорке. Местные коммерсанты взяли на вооружение рекламный лозунг городка Рено штата Невада и называли Парадайз «самым большим маленьким городом в мире». На что фанаты Рено отвечали, что в городе, расположенном так близко к реактору, больше пахнет могильным холодом и загробной жизнью, чем райскими кушаньями, а потому более подходящим названием ему будут Адские Врата, а не Парадайз.

Эриксон, не теряя времени, начал обход значных мест. На шесть кварталов главной улицы Парадайза приходилось двадцать семь заведений, торговавших крепкими напитками. Он рассчитывал найти Харпера в одном из них и надеялся, зная мужские привычки и вкусы коллеги, что найдет его во втором или третьем по счету.

Он не ошибся. Харпер одиноко сидел за столиком бара де Лэнси «Сан-Суси». Это был их излюбленный бар. Здесь все дышало старомодным комфортом, хромированная стойка и красные кожаные кресла нравились им куда больше феерической роскоши ультрасовременных кабаков. Де Лэнси был консерватором: он предпочитал рассеянный полумрак и тихую музыку, а его официантки были полностью одеты даже по вечерам.

Пятая рюмка виски перед Харпером была еще на две трети полна. Эриксон показал ему три пальца и спросил:

– А ну, сколько?

– Три, – отозвался Харпер. – Садись, Гас.

– Правильно, – одобрил Эриксон, уместя свое долговязое тело в низком кресле. – Ты в порядке... пока. Что стряслось?

– Выпей. Нет, не это. Здесь виски ни к черту. Думаю, Лэнс начал его разводить. Я спекся. Полностью и окончательно.

– Нет, Лэнс этого делать не станет, и если ты так думаешь, то уползешь отсюда на четвереньках. Но как ты мог сдаться? Мне казалось, ты решил наконец высказаться и разделить их под орех.

– Я так и сделал, – проворчал Харпер, – но, черт возьми, Гас, шеф прав! Если специалист по мозгам говорит, что ты рехнулся, он *должен* его поддержать и снять тебя с дежурства. Шеф не имеет права рисковать.

– Да, может быть, шеф и прав, но наши дорогие психологи от этого не становятся мне милее. Знаешь что? Давай поймаем одного и проверим, чувствуют ли они боль. Я буду держать, а ты – вышибать ему мозги...

– Брось, Гас! Выпей лучше.

– Мысль христианская, но только не виски. Предпочитаю мартини – скоро ужин.

– Я тоже возьму мартини.

– Вот и хорошо. – Эриксон поднял свою белокурую голову и взревел: – Израфель!

Высокая черная фигура склонилась к его локтю:

– Миста'Эриксон? Слушаю, са'ар.

– Иззи, два мартини. Мне – с итальянским вермутом. – Он повернулся к Харперу. – А что ты будешь делать теперь?

– Лаборатория изотопов.

– Ну что ж, не так плохо. Я и сам хотел заняться ракетным горючим. У меня есть парочка идей.

Харпер посмотрел на него слегка удивленно:

– Ты имеешь в виду атомное горючее для межпланетных перелетов? Эта проблема достаточно изучена. Нет, сынок, ионосфера – это наш потолок, пока мы не придумаем что-нибудь получше ракет. Конечно, *можно* смонтировать в корабле реактор и придумать какую-нибудь штуковину для превращения части его энергии в движение. Но что это даст? Соотношение масс все равно будет плохим, из-за оболочки реактора, да и не получится сконвертировать больше одного процента мощности в тягу. Я уж не говорю о том, что компания вряд ли одолжит тебе реактор для опытов, которые не сулят дивидендов.

Эриксон не сдавался:

– Думаю, ты не учел все возможности. Что было до сих пор? Первые ракетчики занимались только своим делом и старались усовершенствовать ракеты, твердо надеясь, что к тому времени, когда они построят ракету, способную слетать на Луну, у них будет новое усовершенствованное горючее. И они построили такие корабли – любой рейсовый стратоплан «Антиподов» можно было бы отправить на Луну... *если бы* у них было подходящее горючее. Но его нет.

А почему его нет? Потому что мы не помогли ракетчикам, вот почему. Потому что они до сих пор зависят от молекулярной энергии, энергии химических реакций, в то время как мы сидим здесь на атомном горючем. Это не их вина – старина Д. Д. Гарриман поручил «Рокетс консолидейтед» выкупить первый лот акций «Антарктик пичбленд» и сам лично взял большую долю, ожидая, что мы произведем что-то пригодное для использования в качестве концентрированного ракетного топлива. А что мы для них сделали? Ни черта! Компания прямо помешалась на дивидендах и коммерции, а ракетного атомного горючего до сих пор нет.

– Ты не совсем прав, – возразил Харпер. – Мы можем использовать две формы атомной энергии: радиоактивный распад и атомный распад. Но первая – слишком медленна: энергия есть, однако не станешь же ты ждать годами, пока она проявится, особенно в ракетном корабле. А второй тип энергии мы можем контролировать только в больших реакторах. Так что выхода нет.

– По-настоящему мы еще не пытались его найти, – отозвался Эриксон. – Энергия есть, и мы обязаны создать подходящее ракетное горючее.

– Что ты называешь «подходящим горючим»?

Эриксон начал загибать пальцы:

– Небольшая критическая масса, чтобы вся или почти вся энергия могла отбираться реактивной массой в виде тепла, хотя бы просто водой. Экранирование не сложнее, чем свинцово-кадмиевая оболочка. И чтобы все это можно было контролировать с высокой точностью.

Харпер рассмеялся:

– Тебе останется только заказать пару ангельских крылышек, и тогда все будет в порядке! Ты не сможешь: оно взорвется, еще не дойдя до камеры сгорания.

Упрямый скандинав уже готовился выдвинуть новое возражение, когда появился официант с подносом. Он поставил рюмки на стол и расплылся в торжествующей улыбке:

– Прошу вас, все готово!

– Не хочешь кинуть кости в счет выпивки, Иззи? – спросил Харпер.

– Это можно.

Негр достал из кармана кожаный стаканчик, и Харпер кинул кости. Он тщательно выбирал комбинации, и за три раза ему удалось выкинуть двадцать четыре очка. Потом стаканчик взял Израфель. Он бросал кости картинным жестом, с поворотом запястья. После третьего раза, набрав двадцать пять очков, негр любезно спрятал в карман стоимость шести рюмок. Харпер пощупал пальцем костяные кубики.

– Иззи, а это те же самые кости? – спросил он.

– Мистер Харпер! – Лицо негра приняло обиженное выражение.

– Ну ладно, забудь, – вздохнул Харпер. – Зря я вздумал с тобой тягаться. За шесть недель я не выиграл еще ни разу. Так что ты хотел сказать, Гас?

– Я хотел сказать, что должен быть другой, более надежный способ получения энергии из...

Но тут их опять прервали. На сей раз нечто весьма соблазнительное в вечернем платье, которое словно стекало с пышной фигуры. Она была молода, лет девятнадцать-двадцать, не больше. Опустившись в кресло, оно промурлыкало:

– Скушаете, мальчики?

– Спасибо за внимание, но мы не скушаем, – терпеливо и вежливо ответил Эриксон. Потом, указав пальцем на одинокую фигуру за столом у другой стены, предложил: – Поди-ка поболтай с Ханнинганом! Видишь, он один.

Существо скосило глаза и недовольно фыркнуло:

– Этот? Он бесполезен. Он так сидит здесь третью неделю. И ни с кем ни словечком не перемолвился. Если хотите знать, он уже тронулся.

– В самом деле? – равнодушно проговорил Эриксон, доставая пятидолларовую бумажку. – Вот, купи себе выпивку. Может быть, мы позовем тебя позднее.

– Спасибо, мальчики! – Деньги исчезли где-то под струящимся платьем, и она встала. – Просто спросите Эдит.

– Ханнинган и в самом деле плох, – согласился Харпер, отметив про себя мрачный взгляд и апатичное выражение лица одинокого посетителя. – И последнее время он жутко нелюдим. Это на него не похоже. Как думаешь, мы должны об этом сообщить?

– Не беспокойся, – ответил Эриксон. – Здесь уже есть соглядатай. Видишь? – Проследив за его взглядом, Харпер узнал доктора Мотта из психологического отдела. Тот сидел в дальнем углу бара и, чтобы не бросаться в глаза, вертел в руках высокий бокал. Со своего места ему было очень удобно наблюдать не только за Ханнинганом, но и за Харпером и Эриксоном.

– Да, ты прав, – пробормотал Харпер. – И он следит за нами тоже. О дьявольщина, почему, когда я вижу кого-нибудь из них, у меня прямо мороз по коже?!

Вопрос был чисто риторический, и Эриксон на него не ответил.

– Пойдем отсюда, – предложил он. – Закусим где-нибудь в другом месте.

– Пойдем.

У выхода их перехватил сам де Лэнси.

– Вы уходите так рано, джентльмены? – спросил он, и по его голосу можно было догадаться, что после их ухода ему останется только закрыть бар. – Сегодня у нас превосходные омары. Если они вам не понравятся, можете за них не платить. – Он широко улыбнулся.

– Нет, Лэнс, сегодня никаких морепродуктов! – объяснил ему Харпер. – Скажите мне лучше другое: какого черта вы здесь околачиваетесь, зная, что реактор рано или поздно отправит вас к праотцам? Неужели вы не боитесь?

Хозяин бара удивленно вскинул брови:

– Бояться реактора? Да ведь это же мой лучший друг!

– Делает вам деньги, не так ли?

– О, об этом я даже не думаю. – Де Лэнси доверительно наклонился к ним. – Пять лет назад я приехал сюда, чтобы быстро заработать немного денег для семьи, пока рак желудка не прикончит меня. Но у врачей появились новые изотопы, которые вы, джентльмены, создаете в своей Большой Бомбе, они излечили меня, и я вновь живу. Нет, я не боюсь реактора, мы с ним хорошие друзья.

– А что, если он взорвется?

– Господь Бог призвет меня, когда я ему понадобится, – ответил он и быстро перекрестился.

Выйдя из бара, Эриксон тихо сказал Харперу:

– Ты слышал? Вот тебе и ответ. Если бы все инженеры могли бы так же верить, наша работа была бы куда легче.

Но Харпер не был в этом убежден.

– Не думаю, – проворчал он. – Не думаю, чтобы это была вера. Просто недостаток воображения. И знаний.

* * *

Ленц не оправдал самоуверенности Кинга и прибыл только на следующий день. Его внешность несколько разочаровала начальника станции: он представлял себе выдающегося психолога эдаким длинноволосым старцем с черными пронизывающими глазами и в рединготе. Но перед ним предстал невысокий, крепко сложенный, почти толстый мужчина, который с тем же успехом мог бы сойти за мясника. Маленькие, пороссячи глазки блекло-голубого цвета добродушно посматривали из-под кустистых белесых бровей. Больше на его огромной голове не было ни волоска, даже скошенный обезьяний подбородок был гладким и розовым. Одет он был в мятый костюм из небеленого полотна. И без того немаленький рот Ленца, из которого неизменно торчал длинный мундштук, был постоянно растянут в широкой улыбке, выражавшей бесхитростное удивление перед всем злом, которое творят люди. Он явно получал удовольствие от своей работы.

Кинг обнаружил, что с ним удивительно легко общаться.

По просьбе Ленца Кинг начал с истории вопроса. Начальник станции рассказал о первых атомных электростанциях, созданных после того, как Отто Хан в 1938 году обнаружил деление атомов урана, что открыло путь к атомной энергии. Но это была еще очень узкая тропинка: для того чтобы сделать процесс деления контролируемым и самоподдерживающимся, для того чтобы коммерчески использовать его результаты, – требовалось намного больше знаний, чем те, которыми цивилизованный мир тогда располагал.

В 1938 году запасы очищенного урана-235 во всем мире не превышали объема булавочной головки. О плутонии вообще никто не слышал. Атомная энергия была не более чем заумной теорией, подтвержденной единственным лабораторным экспериментом. Вторая мировая война, Манхэттенский проект и Хиросима изменили ситуацию. В конце 1945 года все предсказатели рассказывали об атомной энергии, почти бесплатной, общедоступной, которая вот-вот появится в каждом доме, буквально через годик-другой.

Ничего этого не произошло. Манхэттенский проект был запущен с единственной целью – создать оружие; инженерия атомной энергетики оставалась делом далекого будущего.

Или даже очень далекого будущего. Урановые реакторы, использовавшиеся для создания атомной бомбы, оказались бесполезны для коммерческой энергетики: они изначально были задуманы так, чтобы избавляться от энергии как бесполезного побочного продукта, и в их конструкцию невозможно было внести изменения, чтобы они собирали энергию и оставались при этом работоспособными. Конечно, на бумаге можно было нарисовать дешевый и экономически целесообразный реактор, но у такого проекта были две серьезные проблемы. Во-первых, этот реактор, чтобы обеспечить самокупаемость, должен был вырабатывать энергию с такой мощностью, с какой не справлялся ни один известный способ поглощения и трансформации энергии.

Эта проблема была решена в первую очередь. Модификация энергетических панелей Дугласа—Мартин, первоначально предназначенных для преобразования лучистой энергии Солнца (которое само по себе природный атомный реактор) непосредственно в электрическую энергию, была использована для поглощения лучистой энергии, возникавшей при делении урана, и ее трансформации в электрический ток.

Вторая проблема на первый взгляд вообще не была проблемой. Реактор на обогащенном уране, в котором к природному урану был добавлен уран-235 или плутоний, был весьма удовлетворительным с коммерческой точки зрения источником энергии. Как получить уран-235 или плутоний, было известно, – это было первым результатом Манхэттенского проекта... Но так ли обстояли дела на самом деле? Что нам было известно? Хэнфорд производил плутоний, Оук-Ридж хорошо справлялся с ураном-235, все так, но реакторы Хэнфорда потребляли урана-235 больше, чем производили плутония, а Оук-Ридж не производил ничего, там всего лишь отделяли 0,7 процента урана-235, содержащегося в природном уране, и отправляли в шлак остальные 99 процентов вместе со всей энергией, оставшейся в уране-238. Умопомрачительная продуктивность, экономика на уровне фантастики!

Но был и другой способ экономически выгодного производства плутония – с помощью реактора высоких энергий, в котором нет замедлителей и используется природный, слегка обогащенный уран. При энергиях в миллион электронвольт и выше уран-238 начинал расщепляться, при чуть меньших энергиях он превращался в плутоний. Такой реактор сам поддерживал в себе «огонь» и вырабатывал больше «топлива», чем сжигал. Он мог поставлять «топливо» для множества обычных энергетических реакторов с устойчивой реакцией.

Но реактор с неустойчивой реакцией представлял собой, по сути дела, атомную бомбу.

Само название «реактор»³⁸ произошло от штабеля графитового кирпича и брикетов урана, установленных на сквош-корте в Чикагском университете в самом начале Манхэттенского проекта. Подобный реактор, где реакция замедляется графитом или тяжелой водой, *не может* взорваться.

Никто не знал, что может произойти в реакторе без замедлителей. Он будет вырабатывать большое количество плутония, но что, если произойдет взрыв? Взрыв такой мощности, что бомба, сброшенная на Нагасаки, покажется в сравнении с ним новогодней хлопушкой.

Этого не знал никто.

³⁸ На английском языке «pile» значит и «ядерный реактор», и «штабель». – Примеч. С. В. Голд.

В то же время индустрия потребления энергии в США становилась все более и более требовательной. Панели Дугласа—Мартингодились, чтобы остановить энергетический кризис, когда нефти стало слишком мало, чтобы тратить ее в качестве топлива, но мощность солнечной энергии не превышала одной лошадиной силы с квадратного ярда и сильно зависела от погоды.

Атомная энергия была не просто нужна – она была незаменима.

Инженерам-атомщикам пришлось пережить мучительный период неуверенности. Может быть, неуправляемая реакция все-таки управляема? Или в крайнем случае при взрыве будет уничтожен только сам реактор и этим все кончится? Может быть, он даже взорвется, как несколько атомных бомб, но не причинит особого ущерба? Но могло быть – и эта возможность оставалась, – что вся многотонная масса урана взорвется одновременно и уничтожит все человечество.

Есть апокрифический анекдот об ученом, который создал машину, способную, как он предполагал, мгновенно уничтожить весь мир с помощью нажатия кнопки. Ему очень хотелось узнать, прав ли он в своих предположениях, и он нажал на эту кнопку – но так и не узнал, чем же все кончилось.

Инженеры-атомщики тоже боялись нажать на кнопку.

– Выход из тупика подсказала дестриевская механика бесконечно малых величин, – продолжал Кинг. – Его уравнения доказывали, что, если бы такой атомный взрыв произошел, он начал бы разрушать окружающую массу молекул с такой скоростью, что утечка нейтронов из образовавшихся фрагментов тотчас замедлила бы цепную реакцию и взрыва всей массы все равно бы не произошло. Такие вещи действительно случаются даже в атомных бомбах. Для нашего реактора уравнение предсказывает силу возможного взрыва, равную одной седьмой процента взрыва всей массы урана. Конечно, и этого более чем достаточно для катастрофы, – такой взрыв опустошит половину штата. Однако я совсем не уверен, что дело этим и ограничится.

– Зачем же вы согласились здесь работать? – спросил Ленц.

Прежде чем ответить, Кинг долго возился с бумагами на столе.

– Я не мог от этого отказаться, доктор, понимаете – *не мог*. Если бы я отказался, они бы нашли кого-нибудь другого, а такая возможность у физика выпадает один раз в жизни.

Ленц кивнул:

– И к тому же они могли найти кого-нибудь менее компетентного. Понимаю. У вас, доктор Кинг, типичный комплекс «поиска истины», свойственный ученым. Вы должны находиться там, где эту истину можно найти, даже если это вас убьет. А что касается этого Дестри, то мне его выкладки никогда не нравились: он слишком много предполагает.

Кинг удивленно вскинул голову, но вовремя вспомнил, что перед ним человек, который довел до совершенства и дал математическое обоснование операционному исчислению.

– В том-то и беда! – согласился Кинг. – Его работа блистательна, но я не уверен, стоят ли все его предсказания хотя бы бумаги, на которой они написаны. И мои инженеры, видимо, думают так же, – признался он с горечью.

Он рассказал психологу о трудностях работы, с которыми они столкнулись, и о том, как самые проверенные люди в конце концов не выдерживают постоянного напряжения.

– Вначале я думал, что на них угнетающе влияет какая-нибудь нейтронная радиация, проникающая сквозь щиты. Поэтому мы усилили экраны и индивидуальную защиту, но это не помогло. Один юноша, который явился к нам уже после установки экранов, однажды вечером за ужином вдруг сошел с ума: он кричал, что свинья отбивная сейчас взорвется. Я боюсь думать, что было бы, если бы он сорвался во время дежурства!

Система постоянного психологического контроля намного снизила опасность, которая могла возникнуть из-за срыва у дежурных инженеров, но Кинг вынужден был признать, что эта система была неудачна: на самом деле количество неврозов после этого даже увеличилось.

– Вот так обстоят дела, доктор Ленц, – закончил он. – И с каждым днем они идут все хуже. И это начинает выбивать меня из колеи. Напряжение начинает сказываться и на мне: у меня постоянная бессонница, и я уже не уверен, что могу полагаться на собственное суждение – у меня начались проблемы с анализом ситуации и принятием решений. Как вы думаете, вы можете нам чем-то помочь?

Но Ленц не имел готовых рецептов.

– Не так быстро! – предупредил он. – Вы нарисовали мне общую картину, но у меня пока нет реальных данных. Мне надо осмотреться, самому разобраться в ситуации, поговорить с вашими инженерами, может быть, даже выпить с ними, чтобы познакомиться. Надеюсь, это реально? Тогда, возможно, через несколько дней мы начнем понимать ситуацию.

Кингу оставалось только согласиться.

– И очень хорошо, что ваши парни не знают, кто я такой. Пусть думают, что я ваш старый друг, физик, приехал по приглашению, хорошо?

– Да, конечно. Я позабочусь, чтобы такой слух прошел. Что же касается... – И тут Кинг вспомнил о том, что беспокоило его с того самого момента, когда Силард назвал имя Ленца. – Могу я задать вам личный вопрос?

Смеющиеся глаза Ленца остались невозмутимы.

– Да, пожалуйста.

– Меня, признаться, удивило, как вы смогли достичь вашего положения в двух таких разных областях, как психология и математика. А теперь, держу пари, вы с легкостью будете изображать здесь физика. У меня это просто в голове не укладывается.

Улыбка Ленца стала чуть шире, но в ней не было ни снисходительности, ни превосходства.

– Это одна и та же область, – объяснил он.

– Что? То есть как это?..

– Точнее, математическая физика и психология – это две ветви одной и той же области – символики. Вы специализируетесь в одной из ветвей, поэтому сей факт мог ускользнуть от вашего внимания.

– Я по-прежнему что-то не улавливаю.

– Нет? Человек живет в мире идей. Любое явление настолько сложно, что он не может постигнуть его целиком. Он абстрагирует определенные характеристики данного явления в форме идеи, а затем представляет эту идею в форме символа, будь то слово или математический знак. Человеческие реакции – это практически полностью реакции именно на символы, и лишь в незначительной степени – реакции на явления. На самом деле, – продолжал он, вынув мундштук изо рта, – можно легко продемонстрировать, что человеческий мозг мыслит исключительно символами.

Когда мы мыслим, мы позволяем одним символам оперировать другими в определенных условиях, заданных правилами логики или математики. Если выбранные символы структурно схожи с явлениями, которые они обозначают, и если операции с этими символами структурно и своей последовательностью схожи с тем, как происходят явления в реальном мире, значит мы мыслим здраво. А если наша логика-математика или наши словесные символы были выбраны плохо, мы мыслим безумно.

В математической физике вы стараетесь, чтобы ваши символы соответствовали физическим явлениям. В психологии я делаю то же самое, за исключением того, что меня больше волнует человек, который мыслит, а не явления, о которых он размышляет. Но это одна и та же область, и всегда ею была.

* * *

– Так мы ничего не добьемся, Гас.

Харпер отложил логарифмическую линейку и нахмурился.

– Похоже на то, Кэл, – мрачно согласился Эриксон. – Но, черт возьми, должен же быть какой-то путь к решению этой проблемы! Что нам нужно? Концентрированная и управляемая энергия ракетного горючего. Что мы имеем? Энергию атомного распада. Должен отыскаться способ, как удержать эту энергию и использовать по мере надобности. И ответ надо искать где-то в одной из серий радиоактивных изотопов. Я *уверен*!

Он сердито оглядел лабораторию, словно надеялся увидеть ответ на одной из обшитых свинцовыми листами стен.

– Только не вешай носа! – сказал Харпер. – Ты убедил меня, что ответ должен быть. Давай подумаем, как его найти. Прежде всего – три серии естественных изотопов уже проверены, так?

– Так... Во всяком случае, мы исходили из того, что в этом направлении все уже проверено-перепроверено.

– Прекрасно. Остается предположить, что наши предшественники испробовали все, что зафиксировано в их записях, – иначе ни во что нельзя верить и надо все проверять самим, начиная с Архимеда и до наших дней. Может быть, так оно и следовало бы сделать, но с такой задачей не справился бы даже Мафусаил. Значит, что нам остается?

– Искусственные изотопы.

– Совершенно верно. Давай составим список изотопов, которые уже получены, и тех, которые возможно получить. Назовем это нашей группой или нашим полем исследования, если ты за точные определения. С каждым элементом этой группы и с каждой из их комбинаций можно произвести определенное количество опытов. Запишем и это.

Эриксон записал, пользуясь непонятными символами операционного исчисления. Харпер одобрительно кивнул:

– Хорошо, теперь расшифруй.

Эриксон несколько минут вглядывался в свои построения, потом спросил:

– Ты хотя бы представляешь, сколько величин получится при расшифровке?

– Не очень. Несколько сот, а может быть, и тысяч.

– Бери выше. Речь идет о десятках тысяч, и это без учета еще не созданных изотопов. С таким количеством опытов ты не справишься и за сто лет.

Эриксон угрюмо отбросил карандаш. Харпер посмотрел на него насмешливо, но доброжелательно.

– Гас, – мягко спросил он, – работа тебе тоже осточертела?

– С чего ты взял?

– Ты еще никогда ни от чего так легко не отказывался. Разумеется, мы с тобой никогда ее не закончим, но даже в самом худшем случае мы избавим от множества ненужных опытов кого-то другого. Вспомни Эдисона – шестьдесят лет бесконечных опытов по двадцать часов в день, а ведь он так и не нашел того, что искал! Но если он мог это выдержать, я думаю, мы тоже сможем.

Эриксон воспрял духом.

– Наверное, сможем, – согласился он. – Может быть, даже нам удастся придумать какую-то методику, чтобы ставить несколько опытов одновременно.

Харпер хлопнул его по плечу:

– Узнаю старого бойца! А кроме того, нам ведь совсем не обязательно проверять все комбинации, чтобы отыскать подходящее горючее. Насколько я понимаю, на наш вопрос должно быть десять, а может быть, и сто правильных ответов. И мы можем натолкнуться на любой

из них хоть сегодня. Во всяком случае, если ты будешь мне помогать в свободное от работы время, я не выйду из игры, пока не поймаю черта за хвост!

* * *

За несколько дней Ленц облазил весь завод и административные службы и успел примелькаться. Все привыкли к нему и охотно отвечали на вопросы. На него смотрели как на безобидного чудака, которого приходится терпеть, потому что он друг начальника станции. Ленц сунул свой нос даже в коммерческий отдел предприятия и выслушал подробнейшие объяснения того, как энергия реактора превращается в электричество с помощью усовершенствованных солнечных батарей. Одного этого было достаточно, чтобы отвести от него последние подозрения, потому что психологи никогда не обращали внимания на прошедших огонь и воду техников отдела превращения энергии. В этом не было нужды: даже явная психическая неуравновешенность этих людей ничем не угрожала реактору, да они и не испытывали убийственного гнета социальной ответственности. Здесь шла обычная работа, просто место тут было опасное, но к такому люди привыкли еще в каменном веке.

Так, совершая свой обход, Ленц добрался и до лаборатории изотопов Кальвина Харпера. Он позвонил, подождал. Дверь открыл сам Харпер в защитном шлеме с откинутым забралом, – казалось, он напялил на себя какой-то дурацкий колпак.

– В чем дело? – спросил Харпер. – О, это вы, доктор Ленц. Вы хотели меня видеть?

– Собственно, и да и нет, – ответил толстяк. – Я просто осматривал экспериментальные корпуса, и мне захотелось узнать, что вы здесь делаете. Но может быть, я помешаю?

– Нисколько, заходите. Гас!

Эриксон вышел из-за щита, где он возился с силовыми кабелями лабораторного триггера – здесь его роль играл модифицированный бетатрон, а не резонансный ускоритель.

– Привет! – сказал он.

– Гас, это доктор Ленц. Познакомьтесь – Гас Эриксон.

– Мы уже знакомы, – отозвался Эриксон, стаскивая перчатки, чтобы поздороваться: он раза два выпивал с Ленцем в городе и считал его «милейшим стариком». – Вы попали в антракт, но подождите немного, и мы покажем вам очередной номер. Хотя смотреть, по совести, нечего.

Пока Эриксон готовил опыт, Харпер водил Ленца по лаборатории и объяснял смысл их исследований с такой гордостью, с какой счастливый папаша показывает своих близнецов. Психолог слушал его краем уха, время от времени вставляя подходящие замечания, но главным образом приглядывался к молодому ученому, пытаясь обнаружить признаки неуравновешенности, о которых говорилось в его деле.

– Видите ли, – с явным увлечением объяснял Харпер, не замечая пристального интереса Ленца к собственной персоне, – мы испытываем радиоактивные изотопы, чтобы вызвать такой же их распад, как в реакторе, но только в минимальных, почти микроскопических масштабах. Если это нам удастся, можно будет использовать нашу Большую Бомбу для производства безопасного удобного атомного горючего для ракет и вообще для чего угодно.

Он объяснил последовательность экспериментов.

– Понимаю, – вежливо сказал Ленц. – Какой элемент вы изучаете сейчас?

– Дело не в элементе, а в его изотопах, – поправил его Харпер. – Мы уже испытали изотоп-два, и результат отрицательный. По программе следующим идет изотоп-пять. Вот этот.

Харпер взял свинцовую капсулу и показал Ленцу образец. Потом быстро прошел за щит, ограждающий бетатрон. Эриксон оставил камеру открытой, и Ленц видел, как Харпер, предварительно опустив забрало шлема, раскрыл капсулу и манипулировал с помощью длинных щипцов. Через минуту он завинтил камеру и опустил заслонку.

– Гас, как там у тебя?! – крикнул он. – Можно начинать?

– Пожалуй, начнем, – проворчал Эриксон.

Он выбрался из хаоса аппаратуры, и они зашли за толстый щит из многослойного металлобетона, который заслонял их от бетатрона.

– Мне тоже надеть защитный костюм? – спросил Ленц.

– Незачем, – успокоил его Эриксон. – Мы носим эти латы потому, что крутимся возле этих штуковин каждый день. А вы... Просто не высовывайтесь из-за щита, и все будет в порядке.

Эриксон посмотрел на Харпера – тот утвердительно кивнул и впился взглядом в приборы. Ленц увидел, что Эриксон нажал кнопку посреди приборной доски, потом услышал щелканье многочисленных реле там, по ту сторону щита. На мгновение все стихло.

Пол затрясся у него под ногами в судорожных конвульсиях – ощущение было такое, словно вас с невероятной быстротой лупят палками по пяткам. Давление на уши парализовало слуховой нерв, прежде чем он смог воспринять немыслимый звук. Воздушная волна обрушилась на каждый квадратный дюйм его тела как один сокрушающий удар. И когда Ленц пришел наконец в себя, его била неудержимая дрожь – первый раз в жизни он почувствовал, что стареет.

Харпер сидел на полу. Из носа у него текла кровь. Эриксон уже поднялся – у него была порезана щека. Он прикоснулся к ране и с тупым удивлением уставился на свои окровавленные пальцы.

– Вы ранены? – бессмысленно спросил Ленц. – Что бы это могло?..

– Гас! – заорал Харпер. – Мы сделали это! Изотоп-пять сработал!

Эриксон посмотрел на него с еще большим удивлением.

– Пять? – недоуменно переспросил он. – При чем здесь пять? Это был изотоп-два. Я заложил его сам.

– Ты заложил? Это я заложил образец. И это был изотоп-пять, говорю тебе!

Все еще оглушенные взрывом, они стояли друг против друга, и, судя по выражению их лиц, каждый считал другого упрямым тупицей.

– Пойдите, друзья мои, – осторожно вмешался Ленц. – Возможно, вы оба правы. Гас, вы заложили в камеру изотоп-два?

– Ну конечно! Я был недоволен последним прогоном и решил его повторить.

Ленц кивнул.

– Значит, это моя вина, джентльмены, – с сожалением признал Ленц. – Я пришел, отвлек вас, и вы оба зарядили камеру. Во всяком случае, я знаю, что Харпер это сделал, потому что сам видел, как он закладывал изотоп-пять. Прошу меня извинить.

Лицо Харпера осветилось, и он в восторге хлопнул толстяка по плечу.

– Не извиняйтесь! – воскликнул он, хохоча. – Можете приходить в нашу лабораторию и вот так отвлекать нас сколько угодно! Ты согласен, Гас? Вот мы и нашли ответ. Доктор Ленц подсказал его.

– Но ведь вы не знаете, какой изотоп взорвался, – заметил психолог.

– А, пустяки! – отрезал Харпер. – Может быть, взорвались оба, одновременно. Но теперь мы это *узнаем*. Орешек дал трещину, и теперь мы расколем его!

И он со счастливым видом оглядел разгромленную лабораторию.

* * *

Несмотря на беспокойство Кинга, Ленц не спешил высказывать свое мнение о сложившейся ситуации. Поэтому, когда он вдруг сам явился в кабинет начальника станции и заявил, что готов представить свой отчет, Кинг был приятно удивлен и испытал истинное облегчение.

– Ну что ж, я очень рад, – сказал он. – Садитесь, доктор. Хотите сигару? Итак, что вы решили?

Но Ленц предпочел сигаре свои неизменные сигареты. Он явно не спешил.

– Прежде всего, насколько важна продукция вашего реактора? – спросил он.

Кинг мгновенно понял, куда он клонит.

– Если вы думаете о том, чтобы остановить реактор на длительное время, то из этого ничего не выйдет.

– Почему? Если полученные мной сведения верны, вы вырабатываете не более тринадцати процентов всей энергии, потребляемой страной.

– Да, это верно, но мы обеспечиваем выработку еще тринадцати процентов энергии, поставляя наш плутоний атомным электростанциям, и вы, наверное, не учли, что это значит в общем энергетическом балансе. В основном он складывается из бытовой энергии, которую домовладельцы получают от солнечных панелей, установленных на их крышах. Второй основной кусок – это мощности, потребляемые движущимися дорогами, – это тоже солнечная энергия. А наша энергия, которую мы вырабатываем прямо или косвенно, предназначена для самых важных отраслей тяжелой индустрии: стальной, химической, станкостроительной, машиностроительной, обрабатывающей. Лишить их тока – все равно что вырезать у человека сердце.

– Но ведь пищевая промышленность от вас, по существу, не зависит! – настаивал Ленц.

– Нет. Сельское хозяйство в основном не энергоемкое производство... Хотя мы поставляем определенный процент энергии обрабатывающим предприятиям. Я вас понимаю и готов признать, что производство, а также транспорт, то есть распределение пищевых продуктов, могут обойтись без нас. Но подумайте, доктор, что будет, если мы лишим страну атомной энергии. Всеобщая паника, какой мы еще не видели! Ведь это же краеугольный камень всей нашей индустрии!

– В нашей стране и раньше бывали всеобщие паники, но мы справились даже с нефтяным кризисом, когда нефть начала иссякать.

– Да, справились, потому что на смену нефти пришла солнечная и атомная энергия. Вы не представляете, что это будет, доктор. Это почище войны. В нашей системе все взаимосвязано. Если вы сразу остановите тяжелую промышленность, все остальное полетит кувырком.

– И тем не менее вам лучше остановить реактор.

Кинг невольно взглянул на застекленное реле в стене кабинета. Он, как и каждый дежурный инженер, мог бы укротить реактор. Уран в реакторе находился в расплавленном состоянии при температуре выше двух тысяч четырехсот градусов по Цельсию, и, чтобы остановить реактор, достаточно было разлить уран по небольшим контейнерам. Масса урана в каждом таком контейнере была недостаточна для поддержания цепной реакции.

– Нет, я не могу этого сделать, – сказал Кинг. – Вернее, могу, но реактор недолго будет стоять. Совет директоров просто пришлет другого человека, который меня заменит.

– Да, вы правы.

Некоторое время Ленц молча обдумывал положение, потом сказал:

– Прошу вас, закажите мне место, я хочу вернуться в Чикаго.

– Вы нас покидаете?

– Да.

Ленц вынул изо рта мундштук, и лицо его, впервые утратив благодушное выражение олимпийского божества, стало серьезным, почти трагичным.

– Если нельзя остановить реактор, мне здесь нечего делать. Иного решения проблемы я не вижу, да его и не может быть! Я должен объяснить вам все до конца, – продолжал он. – Вы имеете здесь дело с постоянным повтором ситуационного невроза. Грубо говоря, симптомы проявляются в виде тревожного состояния или какой-нибудь формы истерии. Частичная амнезия у вашего секретаря Штейнке – хороший пример последнего. Штейнке можно вылечить

шоковой терапией, но это вряд ли будет гуманно, поскольку сейчас он избавлен от постоянного напряжения, которого он не смог бы вынести.

Другой молодой человек, Харпер, из-за которого вы послали за мной, – пример синдрома тревожного состояния. Как только причина беспокойства была устранена из его окружения, к нему моментально вернулось здравомыслие. Но вот его друг Эриксон – за ним нужен глаз да глаз...

Но главное – это причина всех подобных неврозов, и мы говорим о том, как их устранить, а не о том, в какой форме они выражаются. Говоря простым языком, ситуационный психоневроз сводится к следующему: если вы ставите человека в ситуацию, которая тревожит его больше, чем он способен выдержать, то рано или поздно он срывается тем или иным образом. А здесь обстоятельства именно таковы. Вы набираете интеллигентных, чутких молодых людей, втолковываете им, что малейшая их ошибка или даже случайное, неподвластное их контролю изменение в реакторе приведет к гибели бог знает скольких тысяч человек, и после этого хотите, чтобы они не сходили с ума! Это нелепо... Это просто невозможно!

– Ради бога, доктор, неужели нет никакого выхода? – Кинг вскочил и забежал по кабинету.

Ленц с горечью отметил про себя, что сам начальник станции стоит на грани того самого нервного состояния, о котором они говорили.

– Нет, – сказал он медленно. – Выхода нет. Позвольте, я продолжу. Вы не можете доверить управление реактором менее чувствительным, менее ответственным людям. Это все равно что доверяться безмозглому идиоту. А ситуационные неврозы лечатся только двумя способами.

В первом случае, когда невроз возникает из-за неправильной оценки ситуации, нужна семантическая корректировка. Достаточно помочь больному правильно оценить обстоятельства. Все его страхи исчезают, потому что для них никогда и не было реальных оснований. Пациент просто их вообразил.

Во втором случае больной правильно судит об окружающем и справедливо оценивает ситуацию как угрожающую. Его страх вполне нормален и обоснован, но он не может преодолеть его до бесконечности – и это сводит его с ума. В этом случае единственное лечение – изменение обстановки. Я пробыл у вас достаточно долго, чтобы убедиться: здесь дело обстоит именно так. Вы, инженеры, правильно оцениваете страшную опасность вашей Большой Бомбы, и это сознание неизбежно сведет всех с ума. Единственный выход – остановить реактор и больше его не запускать.

Кинг продолжал метаться по кабинету, словно стены были клеткой, в которой он был заперт со своей неразрешимой дилеммой.

– Неужели *ничего* нельзя сделать?! – воскликнул он, на мгновение остановившись.

– Вылечить – нельзя. Облегчить болезнь, пожалуй, возможно.

– Каким образом?

– Ситуационные психозы возникают из-за недостатка адреналина. Когда человек испытывает нервное напряжение, железы, чтобы ему помочь, усиленно выделяют адреналин. Но если напряжение слишком велико, надпочечники не справляются со своей задачей, и человек заболевает. Это и происходит здесь. Адреналиновая терапия может предотвратить психическое расстройство, но, скорее всего, быстро приведет к физическому. С точки зрения общественной безопасности второе, конечно, предпочтительнее, но... тогда у вас скоро не останется физиков!

И еще одна идея. Отбор нового персонала из числа людей религиозных увеличит их срок службы.

Кинг был откровенно шокирован этой идеей.

– Я не улавливаю хода вашей мысли, – признался он.

– Пациент перекладывает большую часть своего беспокойства на своего духовника, который сам лично не сталкивается с подобной ситуацией и потому может ее вынести. Я уверен, что

и в этом случае наступление безумия неизбежно. Но у исповеди много других плюсов, – задумчиво проговорил он. – Она удовлетворяет базовую потребность человека. Я думаю, именно поэтому ранние психоаналитики были так успешны, несмотря на ограниченность их представлений. – Он помолчал некоторое время, затем добавил: – Итак, если вы будете любезны и закажете мне стратоплан...

– И больше вы ничего не можете посоветовать?

– Нет. Пусть ваши психологи займутся профилактикой. Они у вас люди способные.

Кинг нажал кнопку и коротко приказал что-то Штейнке. Повернувшись снова к Ленцу, он спросил:

– Вы побудете здесь, пока не подадут машину?

Ленц догадался, что Кингу этого хочется, и согласился.

Внезапно раздался металлический щелчок, и на стол Кинга упал цилиндрок пневматической почты. Вытащив из него белый листок картона, визитную карточку, начальник станции с удивлением прочитал ее и протянул Ленцу:

– Не могу понять, зачем я ему понадобился. Вы, наверное, не хотите, чтобы он вас здесь видел?

Ленц прочел по карточке:

ТОМАС Р. ХАРРИНГТОН,
доктор математики,
капитан ВМС США,
директор Морской обсерватории

– Нет, почему же, – возразил он. – Мы с ним знакомы, и я буду очень рад его видеть...

* * *

Харрингтон был явно чем-то озабочен. Он вздохнул с облегчением, когда Штейнке, пропустив его в кабинет, исчез в соседней комнате, и сразу же заговорил, обращаясь к Ленцу, который сидел ближе к двери:

– Вы мистер Кинг? Постойте, да это же Ленц! Что вы здесь делаете?

– Я здесь по приглашению, – ответил Ленц совершенно правдиво, но не полно, здороваясь с Харрингтоном за руку. – Знакомьтесь: начальник станции Кинг, капитан Харрингтон.

– Как поживаете, капитан? Рад вас видеть.

– Для меня большая честь познакомиться, сэр...

– Садитесь, прошу вас.

– Благодарю. – Харрингтон сел, положив на угол стола свой портфель. – Вы, конечно, хотите знать, зачем я к вам явился вот так, без приглашения?..

– Я счастлив познакомиться.

В действительности все эти церемонии были уже слишком для натянутых нервов Кинга.

– Вы очень любезны, но... Кстати, нельзя ли сделать так, чтобы ваш секретарь, который меня впустил, забыл мое имя? Я понимаю, что это кажется вам странным, но...

– Совсем нет, я ему скажу!

Кинг был заинтригован и решил не отказывать своему выдающемуся коллеге в таком пустяке. Он вызвал Штейнке к видеофону и отдал соответствующее приказание.

Ленц встал, показывая, что уже давно собирается уйти. Уловив взгляд Харрингтона, он пояснил:

– Я полагаю, вы хотите поговорить наедине?

Кинг перевел взгляд с Харрингтона на Ленца и обратно на Харрингтона. Секунду астроном колебался, затем решительно заявил:

– Я лично ничего не имею против. Решайте сами, доктор Кинг! Честно говоря, я буду только рад, если Ленц останется.

– Я не знаю, что вы хотите мне сообщить, – заметил Кинг, – но доктор Ленц здесь тоже по конфиденциальному поручению.

– Очень хорошо! В таком случае все в порядке. Перейду прямо к делу. Доктор Кинг, вы знакомы с механикой Дестри бесконечно малых величин?

– Разумеется.

Ленц подмигнул Кингу, но тот предпочел этого не заметить.

– Да-да, конечно. Вы помните шестую теорему и переход от тринадцатого уравнения к четырнадцатому?

– Кажется, помню, но я сейчас взгляну.

Кинг встал и направился к шкафу, но Харрингтон остановил его нетерпеливым жестом:

– Не беспокойтесь! У меня все есть.

Он открыл ключом портфель и извлек потрепанный блокнот с выпадающими листками:

– Вот! А вы, доктор Ленц, знакомы с этими построениями?

Ленц кивнул:

– Я как-то их проглядывал.

– Прекрасно. Итак, я полагаю, что вы со мной согласитесь, что ключ к решению всей проблемы именно здесь, в переходе от тринадцатого уравнения к четырнадцатому. Этот переход кажется вполне обоснованным и справедлив в определенных условиях. Но что, если мы расширим его значение и проследим всю цепь логического построения для всех возможных состояний материи?

Он перевернул страницу и показал те же два уравнения, разбитые на девять промежуточных. Ткнув пальцем в среднюю группу математических символов, Харрингтон спросил, возможно заглядывая собеседникам в глаза:

– Видите? Вы понимаете, что это значит?

Кинг помолчал, шевеля губами, потом ответил:

– Да... думаю, я понял. Странно... Я никогда не рассматривал их в таком аспекте... хотя я учил эти уравнения, пока они мне во сне не стали сниться. – Он повернулся к Ленцу. – Вы согласны, доктор?

Ленц медленно кивнул:

– Думаю, да... Да, я в этом уверен.

Харрингтон должен был бы обрадоваться, но он только тяжело вздохнул.

– Я надеялся, что хотя бы вы найдете ошибку, – раздраженно сказал он, – но, боюсь, теперь надеяться не на что. Доктор Дестри сделал допущение, действительное для молекулярной физики, однако у нас нет ни малейшей уверенности, что оно применимо к физике атомов. Я полагаю, вы сознаете, что это значит для вас, доктор Кинг...

Голос Кинга превратился в хриплый шепот.

– Да, сознаю, – сказал он. – Да... Это значит, что, если наша Большая Бомба взорвется, она взорвется мгновенно и целиком, а не так, как предполагал Дестри... Господи, помилуй весь наш род людской!

* * *

Капитан Харрингтон откашлялся, прервав наступившее молчание.

– Знаете, – сказал он, – я бы не приехал, если бы дело было только в неверной методике расчетов...

– А у вас есть и другие доказательства? – спросил Кинг.

– И да и нет. Возможно, вы думаете, джентльмены, обсерватория ВМФ имеет дело только с эфемеридами и таблицами приливов. Отчасти вы правы, но, когда финансирование позволяет, у нас находится время и для исследований. Меня всегда интересовали теории, связанные с Луной.

Я имею в виду не лунную баллистику, а куда более интересную проблему ее происхождения и истории. Проблему, над которой бился в юности Дарвин, а также мой выдающийся предшественник, капитан Ти Джи Джи Си. Я думаю, это очевидно, что любая теория происхождения Луны и ее истории должна учитывать особенности ландшафта нашего спутника, особенно ее горы и кратеры, которые заметно выделяются на ее поверхности.

Он сделал паузу, и Кинг тут же вмешался:

– Позвольте, капитан. Возможно, я глуп или что-то упустил, но есть ли связь между тем, что мы обсуждаем, и лунной теорией?

– Пару минут терпения, доктор Кинг, – извинился Харрингтон. – Эта связь существует – по крайней мере, я *боюсь*, что она существует, – но я бы предпочел излагать свои аргументы в логической последовательности, прежде чем делать какие-либо выводы.

Ответом ему было заинтересованное молчание, и он продолжал:

– Мы привыкли называть круглые полости Луны «кратерами», хотя знаем, что они не являются вулканическими кратерами. Даже на первый взгляд они не следуют ни одному из правил, которым подчиняются земные вулканы, – ни с точки зрения формы, ни с точки зрения распространенности. Более того, когда Раттер в тысяча девятьсот пятьдесят втором году опубликовал свою монографию о динамике вулканологии, он достаточно убедительно доказал, что лунные кратеры не могут быть созданы явлениями, которые мы называем вулканической деятельностью.

Это оставляло место для теории бомбардировки как наиболее простой гипотезы. На первый взгляд она вполне удовлетворительна, и достаточно потратить пару минут, бросая камешки в лужу грязи, чтобы убедить себя в том, что лунные кратеры могли образоваться в результате падения метеоритов.

Но остаются некоторые проблемы. Если Луна испытала столько ударов, то почему от них была избавлена Земля? Вряд ли стоит упоминать, что земная атмосфера не способна защитить поверхность от массивных тел, таких, которые могли образовать кратеры Эндимион или Платон. И если они падали после того, как Луна стала мертвым миром, а Земля была еще достаточно молода, чтобы изменить свое лицо и стереть следы бомбардировок, то почему метеориты практически не падали на территории больших сухих бассейнов, которые мы называем лунными морями?

Я не буду дальше развивать эту мысль, вы найдете информацию и ее математическую интерпретацию здесь, в моих заметках. Есть еще одно серьезное возражение против теории метеоритной бомбардировки – огромные радиальные полосы, которые простираются от Тихо³⁹ по большей части лунной поверхности. Они делают наш спутник похожим на хрустальный шар, по которому ударили молотком. Направление удара извне кажется довольно очевидным, но на самом деле все не так просто. Ударная масса, наш гипотетический метеорит, должна быть меньше, чем диаметр кратера Тихо, но при этом иметь такие массу и скорость, которые способны расколоть всю планету.

Судите сами: мы либо должны принять гипотезу о столкновении с фрагментом ядра карликовой звезды, либо предполагать такие скорости, каких мы никогда не наблюдали в Солнечной системе. Оба объяснения допустимые, но несколько надуманные. – Он повернулся к Кингу. – Доктор, вы можете чем-то еще объяснить парадокс Тихо?

³⁹ Тихо – один из наиболее ярких и хорошо заметных кратеров на Луне; назван в честь великого датского астронома Тихо Браге (1546–1601).

Начальник станции с силой сжал подлокотники своего кресла, затем внимательно осмотрел ладони. Он отыскал в карманах носовой платок и тщательно вытер руки.

– Продолжайте, – сказал он бесцветным голосом.

– Очень хорошо... – Харрингтон извлек из своего портфеля большую фотографию Луны – прекрасный портрет, сделанный в полнолуние. – Я хотел бы, чтобы вы представили Луну такой, какой она могла быть когда-то в прошлом. Представьте: темные области, которые мы называем «морями», и есть настоящие океаны. У нее есть атмосфера, возможно состоящая из газа, более тяжелого, чем кислород и азот, но достаточно активного газа, который способен поддерживать мыслящие формы жизни...

Потому что это обитаемая планета, населенная разумными существами, способными открыть атомную энергию и использовать ее!

Он ткнул пальцем в фотографию, туда, где в южном полушарии виднелся светло-серый круг Тихо с его невероятными лучами, раскинувшимися во всех направлениях на тысячи миль, и рельефно вспыхивали на поверхности.

– Вот здесь... в центре Тихо, находился их главный реактор.

Он переместил палец в сторону экватора и немного к востоку – к точке, где сливались три большие темные области, Море Облаков, Море дождей и Океан Бурь, – и задержал его на двух ярких пятнах, также окруженных лучами, но более короткими, менее отчетливыми и волнистыми.

– А здесь, в Копернике и Кеплере, на островах, посреди большого океана, были вторичные станции.

Он выдержал паузу и добавил задумчиво:

– Возможно, они знали об опасности, которая им грозила, но им так была нужна энергия, что они соглашались рисковать самым существованием своей расы. А может, они не знали о разрушительной способности своих машинок, или их математики убедили, что такого просто не может случиться.

И мы никогда этого не узнаем... никто никогда не узнает. Потому что эти машинки взорвались и убили их... и всю их планету.

Взрыв сорвал с планеты газовую оболочку и вышвырнул ее в открытый космос. Или он запустил цепную реакцию в их атмосфере. Еще он поднял в небо большие участки планетарной коры. Некоторые из них улетели навсегда, но те обломки, которые не достигли скорости убегания, со временем упали обратно и оставили на поверхности большие круглые кратеры.

Океаны смягчили удары, только самые массивные осколки образовали кратеры на их дне. Возможно, какая-то жизнь еще оставалась в глубинах океана. Но она тоже была обречена: вода, не защищенная атмосферным давлением, не могла оставаться жидкой и неизбежно испарилась в космическое пространство. Кровь ее жизни иссякла, и планета умерла – она покончила с собой!

Он поднял глаза, встретил серьезный взгляд двух своих безмолвных слушателей и смущенно улыбнулся:

– Джентльмены, это лишь теория, я понимаю... только теория, грезы, кошмар... Но я не спал столько ночей, что мне просто *необходимо* было рассказать вам об этом и узнать, видите ли вы так же, как вижу я. Что касается механики процесса, это все тут, в моих заметках. Вы можете проверить расчеты – и я готов Бога молить, чтобы вы нашли в них хоть какую-то ошибку! Но боюсь, что это единственная лунная теория, которая учитывает все известные факты и объясняет их все.

Он замолчал, и тогда заговорил Ленц:

– Допустим, капитан, мы проверим ваши расчеты и они окажутся непогрешимыми, – что дальше?

Харрингтон развел руками:

– Я для того сюда и приехал, чтобы спросить вас: что дальше?

Хотя вопрос задал Ленц, Харрингтон, отвечая, смотрел только на Кинга. Тот почувствовал его взгляд и поднял голову. Их взгляды встретились. Потом Кинг снова опустил голову.

– Дальше ничего, – угрюмо сказал он. – Ничего сделать нельзя.

Харрингтон уставился на него с нескрываемым изумлением.

– Но послушайте! – взорвался он наконец. – Разве вы не понимаете? Ваш реактор *необходимо* демонтировать, и немедленно!

– Полегче, капитан. – Невозмутимый голос Ленца был словно холодный душ. – И не надо злиться на бедного Кинга – все это волнует его больше, чем вас. Поймите его правильно. Речь идет не о физической проблеме, а о политической и экономической. Скажем так: остановив реактор, Кинг уподобился бы крестьянину, который бросил свой виноградник на склоне Везувия и лишил свою семью средств к существованию, потому что когда-нибудь сможет произойти извержение вулкана. Этот реактор не принадлежит Кингу, он всего лишь служащий. Если он остановит реактор против воли его законных владельцев, они просто вышвырнут его за порог и наймут другого, более покладистого. Нет, нам необходимо убедить хозяев.

– Президент мог бы их заставить, – высказал предположение Харрингтон. – Я могу обратиться к президенту...

– Разумеется, можете, по инстанции, через свой департамент. Возможно, вы его даже убедите. Но что он сделает?

– Как – что? Все! Ведь он же *президент*!

– Подождите! Вот вы, например, директор обсерватории ВМФ. Представьте, что вы взяли кувалду и пошли разбивать главный телескоп. Далеко вы уйдете?

– Да, пожалуй, нет, – согласился Харрингтон. – Мы с нашего малютки глаз не спускаем. Охрана...

– Так и президент не может действовать произвольно, – продолжал Ленц. – Он не абсолютный монарх. Если он закроет этот реактор без надлежащей правовой процедуры, федеральные судьи его в бараний рог согнут. Допускаю, тут еще мог бы повлиять конгресс, поскольку Комиссия по атомной энергии от него зависит. Но что вы скажете о приятной перспективе читать нашим конгрессменам курс по механике элементарных частиц?

Эту перспективу Харрингтон сразу же отверг, однако не сдался.

– Есть другой путь! – сказал он. – Конгресс зависит от общественного мнения. Нам нужно только убедить народ, что реактор представляет собой смертельную угрозу для всего человечества. А это можно сделать и не прибегая к высшей математике.

– Да, конечно, – согласился Ленц. – Вы можете выйти с этим в эфир и напугать всех до полусмерти. Вы можете вызвать такую панику, какой еще не видела даже эта полусумасшедшая страна. Ну уж нет, спасибо! Лично я предпочел бы, чтобы люди продолжали жить, не ведая об угрозе внезапной гибели, чем провоцировать массовый психоз, который разрушит созданную нами культуру. Безумные годы мы уже видели, и одного раза вполне достаточно.

– Хорошо, но что в таком случае предлагаете вы?

Ленц немного подумал, прежде чем ответить.

– Я вижу только одно решение, и оно почти безнадежно, однако давайте попробуем вколлотить в головы директоров компании хоть крупицу здравого смысла.

Кинг, который, несмотря на усталость, внимательно следил за разговором, спросил:

– А как вы это сделаете?

– Не знаю, – признался Ленц. – Мне надо подумать. Но это мне кажется самым верным путем. Если у нас ничего не выйдет, можно вернуться к варианту Харрингтона – к широкой кампании в печати. Мне не хочется смотреть, как мир совершает самоубийство, только чтобы оправдать мои прогнозы.

Харрингтон взглянул на часы довольно необычной формы и присвистнул:

– Боже правый, я забыл о времени! Официально я сейчас должен быть в обсерватории Флагстаффа.

Кинг невольно заметил время, которое показывали часы Харрингтона.

– Сейчас не может быть так поздно! – возразил Кинг.

Харрингтон удивленно посмотрел на него, потом рассмеялся:

– Конечно, здесь сейчас на два часа меньше! Мы находимся в поясе «плюс семь», а часы показывают время в поясе «плюс пять» – они радиосинхронизированы с городскими часами в Вашингтоне.

– Вы сказали «радиосинхронизированы»?

– Да. Остроумно, не правда ли? – Харрингтон показал свои часы. – Я называю их «телехронометром». Это племянник придумал специально для меня. Голова парень! Он далеко пойдет. Конечно, – лицо его омрачилось, словно эта маленькая интерлюдия только подчеркнула весь ужас нависшей над ним угрозы, – конечно, если мы протянем так долго!

На столе Кинга мигнул световой сигнал, на экране возникло лицо Штейнке. Кинг выслушал его и сказал:

– Машина ждет вас, доктор Ленц.

– Пусть ею воспользуется капитан Харрингтон.

– Значит, вы не улетаете в Чикаго?

– Нет. Ситуация изменилась. Если вы не возражаете, я еще попытаюсь кое-что сделать.

* * *

В следующую пятницу, когда Штейнке ввел Ленца в кабинет Кинга, тот встретил гостя чуть ли не с распростертыми объятиями:

– Когда вы прилетели, доктор? Я и не ждал вас раньше чем через час-два.

– Только что прибыл. Взял такси, чтобы не ждать рейсовый.

– Что-нибудь получилось?

– Ничего. Они повторили то же, что говорили вам: «Независимые эксперты утверждают, что расчеты Дестри безупречны, а потому компания не видит причин потакать истерикам отдельных сотрудников».

Кинг забарабанил по столу, уставившись в пространство. Потом он круто повернулся к Ленцу и сказал:

– А вы не считаете, что председатель может быть прав?

– Что вы имеете в виду?

– Может быть, мы все трое – вы, я и Харрингтон – попросту заработались и свихнулись?

– Исключено.

– Вы уверены?

– Абсолютно. Я нашел других независимых экспертов, которые не работают на компанию, и дал им проверить расчеты Харрингтона. Все сходится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.